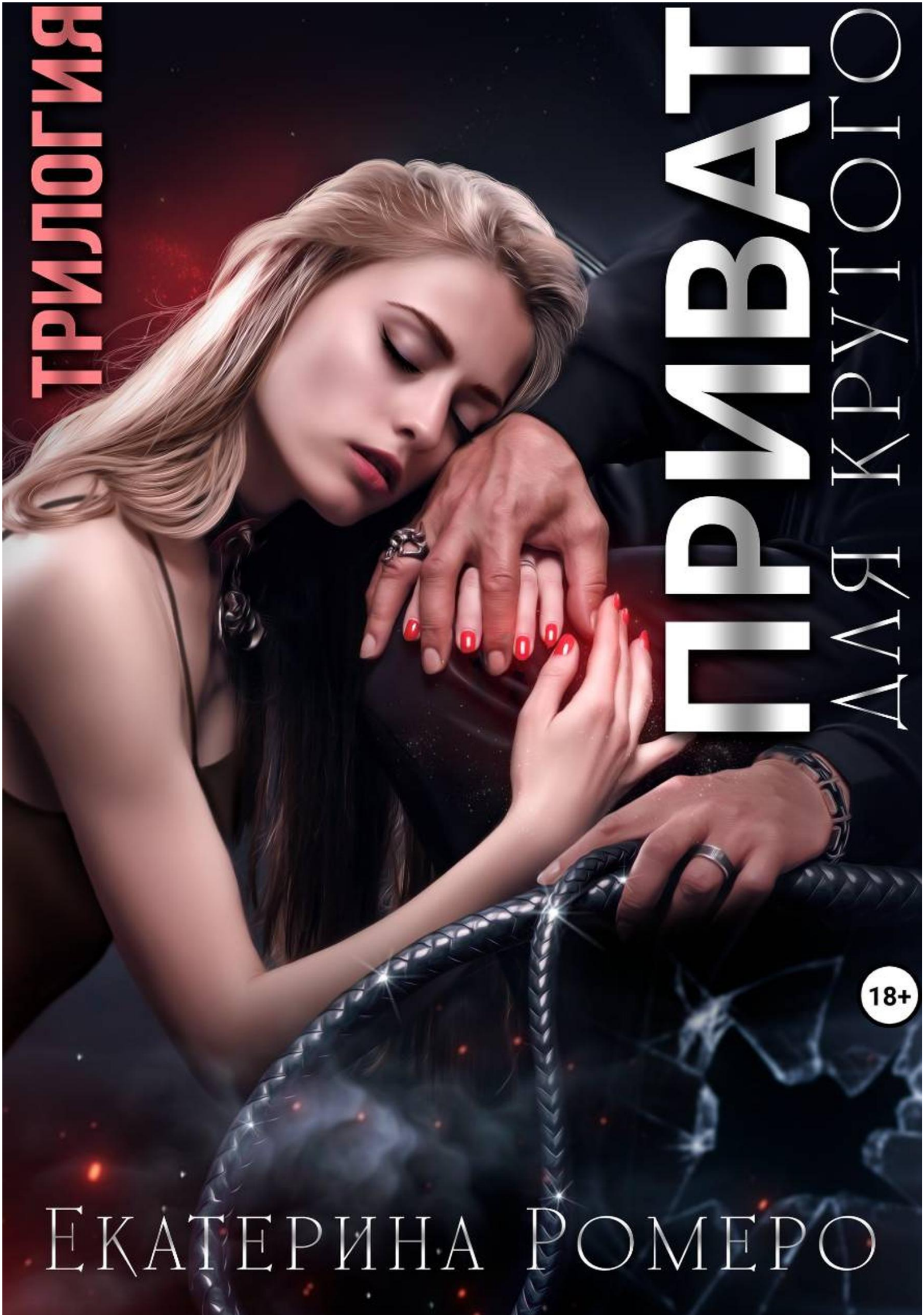

ТРИЛОГИЯ
ПРИВАТ
ДЛЯ КРУТОГО
18+
Екатерина Ромеро

Екатерина Ромеро

Приват для Крутого. Трилогия

«Автор»
2026

Ромеро Е.

Приват для Крутого. Трилогия / Е. Ромеро — «Автор», 2026

БЕСТСЕЛЛЕР! Трилогия, герои которой полюбились тысячам читателей.Три книги + бонус в одном издании!Аннотация:Он жесток, влиятелен и очень опасен. Мне нужно втереться в доверие криминального авторитета по прозвищу Крутой. Я сыграю двойную роль чтобы выжить, но если этот бандит раскусит меня, то убьет.#герой дядя без тормозов#девственница#большая разница в возрасте#лихие 90-еКриминал. Герои совершеннолетние. Мат. 90-е.Содержит нецензурную брань. Содержит сцены табакокурения. Курение убиваетСодержит сцены распития спиртных напитков. Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью

© Ромеро Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Приват для Крутого 5
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 23
Глава 8 27
Глава 9 30
Глава 10 32
Глава 11 35
Глава 12 38
Глава 13 40
Глава 14 43
Глава 15 46
Глава 16 48
Глава 17 51
Глава 18 55
Глава 19 58
Глава 20 61
Глава 21 64
Глава 22 67
Глава 23 70
Глава 24 73
Глава 25 76
Глава 26 79
Глава 27 82
Глава 28 84
Глава 29 86
Глава 30 89
Глава 31 93
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Приват для Крутого. Трилогия

Приват для Крутого

Дисклеймер

Произведение является художественным вымыслом. Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения случайны. Книга предназначена для читателей старше 18 лет и может содержать сцены эротики, насилия, а также употребления алкоголя или табака. Все описываемые в тексте действия представлены исключительно в рамках художественного вымысла, не являются пропагандой и осуждаются автором.

Глава 1

Глубокий вдох, слыша, как бешено стучит сердце. В голове рой мыслей, смотрю на свои дрожащие руки. Сейчас или никогда, давайте же!

Шаг, еще быстрее, забудь о страхе, его нет. Я бегу по перекрестку со всей дури, видя, как на меня несутся огромный черный мерс с девяткой.

– А-а-а!

Визг раскаленных шин, а после громкий удар, скрежет металла и битого стекла. Все случается так быстро, одна секунда, один лишь миг.

Я падаю на дороге, больно затормозив по грубому асфальту коленями. С меня слетают сумка и даже шапка. Я все же не успела сгруппироваться вовремя.

Мои ладони мокрые, я упала прямо в лужу. Пытаюсь встать – хотя бы на колени. Вижу, как в полуметре от меня остановился тот самый черный мерседес. Он въехал в девятку, превратив ее кузов в груду мятого металла.

Поднимаю голову и вижу, как двери мерса синхронно открываются и оттуда выходят четверо мужиков. Все как подбор здоровые, высокие, плечистые. Они все вместе как группировка, как стая опасных хищников.

Кто-то рядом сигналит, куча машин, и мы в самом центре города. Из-под мятого капота явно дорогущего мерса струится дым, растворяясь в воздухе, а я с трудом поднимаюсь на ноги.

– Идиотка слепая! Моя ласточка, черт! – причитает тучный водитель девятки, но смотрю я не на него, а на мужчину, который первым вышел из мерса. Это водитель. И это я бросилась ему под колеса минуту назад. Я спровоцировала эту аварию.

Сглатываю, осторожно поднимаясь на ноги и стараясь сдержать внутреннюю дрожь. Замечаю, что мои колготки на коленях разорвались. Содранную кожу невероятно щиплет, но боли я не чувствую.

Вокруг куча людей, кто-то орет, матерится, но смотрю я только на водителя мерседеса. Это и есть Савелий Крутой, бандит, криминальный авторитет нашего города, настоящая верхушка, негласный хозяин города, владелец ОПГ “Прайд”.

В жизни он совсем не такой. Вообще не фотогеничный. Ни разу, и даже не два, на фото этот бандит был как-то поспокойнее, чем сейчас, мамочки…

Какой же страшный, он вообще некрасивый, зато полный власти. Крутой ни на кого не похож и никого за людей не считает. Он и есть Власть. Такие идут по головам, ни под кого не прогибаются – они сами под себя всех нагибают.

Крутой далеко не мальчик молодой – взрослый мужик. Довольно высокий, холеный какой-то, ухоженный, статный. Матерый, опасный авторитет, внушающий оцепенение и ужас всем, кто рядом, и особенно мне.

Нет, обычно я смелая, но сейчас у меня почему-то дрожат коленки и напрочь забывается речь, которую я дословно зубрила. Все выветривается из головы, я его испугалась, я испугалась своей реакции на этого бандита.

Боже, у него же взгляд как у удава Каа: прямой, цепкий, пробирающий до костей. Смотрит на меня из-под бровей. Глаза непонятного цвета, нос с небольшой горбинкой, явно не раз перебитый. Жесткая щетина, широкие скулы, массивный подбородок. Волосы, кажется, темно-русые.

На Крутом черный костюм и наброшенное на широкие плечи серое пальто. Сглатываю. Да уж, его начищенные до блеска кожаные туфли будут стоить дороже, чем вся моя одежда, вместе взятая. И даже сапоги.

– Вот коза, а! Ты че творишь, жить надоело?! Пиздец… новая тачка, бампер просто всмятку! – говорит рядом стоящий шатен. Он в черном полупальто, одет попроще, чем Крутой, но тоже здоровый дядя.

– Так, все! Вина не моя, это вы не соблюдали дистанцию! Я вызываю ментов, пусть разбираются! – вопит водитель девятки, а я замираю. Про ментов мне не говорили. Что он несет? Боже…

– Спокойно, дядя. Лишних движений не надо.

Крутой медленно отодвигает полы пальто, и я вижу у него на поясе черную кожаную кобуру с пистолетом. У него крупные руки, смуглые, жилистые, большие ладони, кажется, в тату.

Маленькая поправка: я не знала, что этот дядя носит пистолет. Надо было догадаться. Боже.

Глаза водителя девятки округляются так же, как и мои. А еще я понимаю, что даже если бы и попыталась, уйти уже не смогу. За моей спиной один из этих бандитов маячит как стена.

Страшно. Жутко, дико даже.

Я попала. Сильно. И не туда.

***

– Да вы чего, мужики? Я же просто…

– Ганс, рассчитайся, и поехали, – коротко отдает приказ Крутой рядом стоящему блондину, а я медленно поворачиваю на выход, но меня тут же подхватывают за шиворот куртки, оттаскивают на обочину.

– Куда?

– Домой.

О, а это мой голос, точнее, писк. Вмиг сковало все тело. Вживую это не так, как на картинке. Я словно овечка, которая забрела к голодным львам на обед без приглашения. Но они очень даже рады, особенно тот кареглазый, который палит на меня.

– А с этой что? Самоубийца, блядь, – басит тот, кто меня держит за шиворот, как котенка.

– А она хорошенькая! Отмыть, и под сто грамм аж бегом пойдет. Смотри, смазливая. Иди сюда, цыпа!

Этот шатен с карими глазами тянет в мою сторону руки, но не успевает. Крутой первый подходит ко мне на обочину и буквально хватает в охапку за шиворот. Поднимает высоко. Настолько, что я едва касаюсь носочками асфальта.

– Кто ты?

От его голоса кровь стынет в жилах. Такой низкий, рокочущий, хрипловатый. Этим голосом только приказы раздавать, что, наверное, он и делает.

Почему-то я вся дрожу, я вижу, как они все смотрят на меня, как Крутой смотрит, чуть прищурившись. Сканирует словно, а мне аж больно от его взгляда. Холодные глаза, такие серые, нет, они гранитные.

Почему-то я дрожу, и смелость моя куда-то улетучилась. Ощущение такое, что меня схватил когтистой лапой лев. Дикий царь зверей, хозяин жизни.

Одно мое неверное движение, и он отгрызет мне голову.

– Даша… – лепечу, моя смелая амазонка спряталась куда-то за дерево.

– Какого черта ты бросаешься под мою машину?

Держит меня крепко, как мышонка. Вопрос логичный, но, по правде, смотреть в глаза Крутому мне страшно. Замечаю на его руке какие-то золотые перстни. На мизинце и указательном пальце, а еще от него пахнет дорогим парфюмом. Очень дорогим, судя по тому, как резко у меня закружилась голова и все так замелькало, как будто бабочки в голове опьянели и сколотили нектар.

Даша, вот только не отключайся, это будет совсем не смешно. Ну же, соберись! Амазонка, ну ты где…

Вижу у Крутого края тату на шее у воротника и на руках. Час от часу не легче. Он бывший зек? Нет, хотя я не знаю таких деталей. Все, что мне сказали, – быть паинькой и не врать, не то Крутой это в два счета раскусит и прибьет меня раньше времени.

Распахиваю губы, а звука нет. Растерялась. Не знаю, что сказать и как правильно. Этого не было в сценарии, и я вообще не сценарист.

Девятка замелькала фарами, водитель получил деньги от того блондина Ганса и довольный смылся. Я осталась одна. На дороге. С ними.

– Ты обкуренная или просто долго соображаешь?

– Брат, да она головой долбанулась. Видно же, двух слов связать не может.

Тот третий. Он сзади меня. Выше на две с половиной головы. Мама.

– А ты ниче так… хоть и мокрая. Я б тебя трахнул. Выебу так – ноги свести не сможешь. Малышка, рот рабочий?

Снова этот Брандо. Пожирает меня темными глазами, а я пошевелиться не могу. Чувствую мертвую хватку Крутого. Мой страх зеркалом отражается в его гранитных зрачках.

Невольно вдыхаю запах крепкого табака, чего-то мужского, очень дорогого. Снова кружится голова. Тело как будто не слушается.

– Извините. Я просто спешила. Отпустите.

Это все, что получается выдавить. Обычно я бойкая, а тут струсила. Просто не каждый день подставляю криминального авторитета, бросаясь под колеса его дорогущей тачки.

Крутой меня отпускает. Резко, я едва не падаю. Невольно замечаю, что на коленях выступила кровь, а еще с моей куртки капает вода. Конец осени, погода дерьмо. Боюсь представить, как я сейчас выгляжу.

Я все же чуть полоснула по асфальту, хотя думала, что более ловкая и такой трюк пройдет без последствий. Я гимнастикой занималась, тренировалась падать, но жизнь не спортивный зал. Здесь все иначе.

Крутой достает какую-то вычурную золотую зажигалку и сигареты. Очень дорогие, видно, что импортные. Закуривает, глубоко затягиваясь, мажет по мне взглядом, а после кивает на приехавшую к нам иномарку.

– Это за нами.

– А с куклой что?

– С собой берем.

– Я никуда не поеду с вами!

Это я. Подаю голос. Они только усмехаются.

– Поедешь. Или в салоне, или в багажнике, – Крутой сказал как отрезал, выдохнул сизый дым через нос и сел за руль.

Выбора “ехать или нет” мне не дали. Меня тут же подхватили под руки и затащили в салон, отняли сумку, я даже пикнуть не успела.

Их много, а я одна. Нажила себе проблем, притом специально.

Сердце заколотилось как маленький барабан. От ужаса слезы наполнили глаза, руки задрожали.

Вот и все, Даша. Игра началась.

Лексус резко сорвался с места, разбитый в хлам мерседес так и остался стоять на обочине.

Глава 2

Они сидят рядом. По обе стороны от меня. Здоровенные бугаи – Соловей и Брандо. За рулем Крутой, рядом с ним блондин Ганс. Кажется, он бухгалтер, так как все время какие-то деньги пересчитывает, что-то записывает по пути, тогда как я не чувствую пальцев рук от страха.

Едем быстро, вижу только мелькающие деревья. Выпрыгнуть бы, да не получится.

Наверное, надо держаться молодцом, быть смелее, вот только я впервые в машине, полной опасных мужиков, и понятия не имею, что теперь будет.

Тот водитель девятки. Мне сказали, он будет со мной. Некая страховка, если что, вот только он смылся. Он бросил меня одну.

– Куда вы меня везете?

– В лес. Трахать будем, – широко улыбается этот кареглазый Брандо, а меня в ледяной пот бросает. Ой, мамочка, вот это я попала.

– Пожалуйста, остановите, не надо!

– Не трясись, красивая. Выебем и отпустим.

– Я заплачу. Я виновата, знаю, оплачу ущерб!

Мой голос дрожит, мы несемся по трассе, и мои нервы на пределе. В реальности ничего романтического от встреч с бандитами нет.

– Не пищи.

А это уже Крутой, и мне хватает одной только короткой его фразы, чтоб заткнуться.

Сглатываю, эти головорезы вооружены. Держу пари, у каждого из них если не пистолет, то нож как минимум имеется.

У меня тоже есть оружие – было, точнее: я взяла из дома отвертку у Юры. Так, на всякий случай, но выкинула ее по пути. Это было бы слишком наивно, потому что мой рюкзак сразу же отобрали. Соловей, сидящий справа от меня, его уже дважды перебрал.

– Ну что там, Дань?

– Дарья Калиновская, восемнадцать лет.

– Вот это подарок! У меня как раз юбилей был вчера.

– Брандо, ты попутал, какой, на хрен, юбилей?

– Такой! Я первый! Ох, ты такая хорошая, мурочка, кис-кис-кис… – все никак не унимается этот Брандо, и его крупная ладонь по-хозяйски ложится мне на бедро.

– Нет, не трогайте! Уберите руки!

Трепыхаюсь, как птичка, зажатая с двух сторон. Нет, я не плачу, но почему-то чувствую, как щеки стали мокрыми и глаза жгут.

Дело случая, просто секунда. Если они захотят меня толпой изнасиловать и выбросить, им ничего не стоит это сделать. Умолять бессмысленно, просить тоже, потому все, что могу, – притихнуть и надеяться на то, что эти мужики не обижают тех, кто слабее, как бы наивно ни было об этом думать в такой момент.

Едем минут пятнадцать, Крутой часто с кем-то созванивается, но смысла разговора я не улавливаю. Когда машина останавливается у входа в ресторан, я выдыхаю. Хорошо, хотя бы не лес.

– На выход, мадмуазель!

Крутой и Ганс выходят первыми, а меня вытаскивают под руки Брандо и Соловей. И, наверное, хорошо, что они меня поддерживают, потому что ноги меня с трудом держат. Я словно мошка, которая сама пришла к пауку. В самую паутину залезла.

Вхожу внутрь, тут же щурясь от яркого света. Это не просто ресторан – заведение “для своих”, стриптиз-клуб, и здесь так накурено, что воздух кажется густым.

Я видела это место на фотографиях, одна из локаций. Это центр для сходок, их неофициальное бандитское кубло.

– Осторожнее, ляля.

Снова Брандо. Он поддерживает меня, когда я едва не растягиваюсь на полу, споткнувшись о порог заведения.

Все блестит здесь, дорого и шикарно, несмотря на специфику – чисто. Мимолетно осматриваюсь по сторонам. Столики, сцена, випки, большой бар, там дальше наверняка есть кухня.

Меня ведут вглубь зала, пока я не оказываюсь у самого дальнего столика, отделенного от остальных ширмой. Бархатные красные диваны, большие кресла, сервированный стол. Много дыма, алкоголя и закусок.

От голода сводит желудок. Я не завтракала, а надо было, потому что от вида этих деликатесов сосет под ложечкой.

Вижу, как Крутой снимает пальто, его тут же подхватывает помощник. За столиком уже сидит один мужчина. Знойный брюнет с большими карими глазами. Чеченец… нет, он скорее похож на итальянца и на Брандо, как ни странно. Тоже смуглая кожа, сомкнутые губы, сухой, безразличный в мою сторону взгляд.

Он поднимается и первым протягивает руку подошедшему Савелию Викторовичу.

– Здравствуй, брат. Малой, Даня.

– Привет, Фари, как дела?

Они все здороваются. Уважительно пожимают друг другу руки. Как братья родные, только ближе. Мне это не известно, у меня братьев нет.

– Порядок. Почему так долго?

– Задержали.

Крутой садится за стол и на миг скользит по мне холодным взглядом. Опускаю голову, чувствуя, как заполыхали щеки.

Ловлю себя на том, что бесстыже пялилась именно на него все это время. Без пальто я вижу его фигуру. Прямая спина, военная выправка. Широкие плечи, подтянутый торс с бугрящимися под рубашкой мышцами.

Нет, этот авторитет не перекачанный, но выглядит шикарно, он точно занимался спортом. Поджарый, крепкий, а на лицо страшный. Вообще некрасивый, и этот холодный взгляд удава… бр-р-р.

Интересно, сколько ему лет? Этого мне не сказали, но, на первый взгляд, Крутой старше меня лет так на двадцать.

Тот Фари тоже выглядит очень взрослым, как и Соловей. Брандо будет моложе.

Переминаюсь с ноги на ногу. За стол меня никто не зовет, тогда как они все уже уселись и начали разливать алкоголь по бокалам.

– Обмоем мерс?

– Помянем скорее.

– Не понял.

– Эдик, мерсу пизда!

Брандо. Он сел ближе всех к этому Фари, и теперь я отчетливо вижу их сходство. Они точно родственники – может, даже родные братья. Брандо только младше лет на десять будет.

– Проблемы, Сев?

– Нет. Был нал от Бурого, замазали.

– Позвонил бы Круглову.

– У меня острое желание удавить этого мусора, а не общаться с ним.

Фари коротко усмехается, на меня вообще ноль внимания. Я же почти не понимаю сути их разговора и тихонько поглядываю на дверь. Еще не поздно спастись из этого логова хищников. Можно попробовать, хотя… не думаю, что добегу до двери целой.

– Его полгорода ищет. В очередь становись, а водилу закопали бы, да и все.

– Машина новая. Из салона только выгнал. Лопаты с собой не было, – спокойно говорит Брандо, они смеются, а мне как-то не смешно. Как инородное тело здесь, в этом месте. И шатает меня почему-то. Я сильно ударилась при падении. Коленки жжет, больно.

Надо было отвертку все же куда-то впихнуть, хоть какое оружие, но по факту… стоит только посмотреть на них. Опасные, здоровые хищники. Они и правда как “стая”. Не спасла бы меня отвертка ни разу.

– А это что? – спрашивает Фари. Он же Эдик, как я поняла.

Не “кто”, а “что”, и да, это наконец в мою сторону. Они все на меня взгляд переводят. Крутой отпивает виски, расстегивает пиджак, откидывается на большом кресле, как король по центру стола.

Вижу его идеальную белую рубашку, расстегнутую на две верхние пуговки. Она здорово контрастирует с его смуглой кожей. На его шее есть тату, правда, я не вижу, какое именно, и понятия не имею, почему меня это волнует сейчас. Наверное, от нервов.

– Под колеса влезло, – чеканит Крутой, закуривает, жадно затягиваясь сигаретой. Я же стою и не знаю, что делать. Они меня на ковер словно вывели и смотрят, как в цирке на зверька.

Глава 3

– Я не “это”! Я Даша. Меня… Даша зовут.

Чувствую, как по сбитой коленке кровь потекла. Дурочка, уже ведь осень. Зачем я это платье напялила под куртку? Оно ведь не модное, голубое в горошек белый, дурацкое просто. И колготки тонкие при падении быстро разорвались.

Ноги насквозь мокрые. Я выбежала в кедах. Не думала, что будет так, а теперь хлюпаю этими кедами по начищенному полу, оставляя грязные следы. С куртки капает вода, и с волос, кстати, тоже.

Страшно представить, на кого я похожа. На “это” уж точно, потому они меня так и зовут. Мало того, что платье на дороге превратилось в грязную паклю, так еще и эти холеные мужики теперь смотрят на меня как на кусок мяса.

Особенно Крутой. Буравит тяжелым взглядом, немного опустив лицо. Это его привычка. Он так делает, я видела, он всегда так смотрит на меня. Как лев в засаде на овечку.

– Я не хотела аварии. Этого всего не хотела. Извините.

Хоть как-то сгладить ситуацию, но, похоже, это не работает. Вижу, как Крутой жадно затягивается сигаретой, а после зажимает ее в зубах, достает из кармана небольшой блокнот, ручку и что-то пишет. Много ноликов. Протягивает мне листок.

– Извинения свои в задницу засунь. На.

Подхожу, смотрю на листочек, и в глазах двоится. Моя жизнь столько не стоит, как он тут нарисовал.

– Что это?

– Это стоимость ущерба, который ты мне причинила.

Его рокочущий голос ласкает уши, такой бархатный, но в то же время грубый, чужой, опасный.

– У меня нет таких денег.

Кто-то рядом свистит, держу пари – Брандо. Сглатываю, я в центре внимания. Точно под прицелом автомата.

Чувствую, если что не так ляпну, точно в лес завезут, а у меня другая цель. Мне не так надо.

– Даня, верни ее сумку, – говорит Крутой. – Звони тому, кто заплатит за тебя.

– Кому?

– А мне откуда знать? Брат, батя.

– Ага, тетя, блядь!

Брандо. Этот кареглазый черт все время хочет меня уколоть и глаз с меня не спускает, так же как и Фари. Тот вообще смотрит как на мошку с километровой высоты, высоко задрав подбородок. Конечно, поглядите-ка на них всех. Лощеные, шикарно одетые, сытые.

Это бандитская элита, закрытый клуб гангстеров, можно сказать. Группировка. У них свой мир, а у меня свой. И в моем мире нет красной икры и еще каких-то деликатесов, названий которых я даже не знаю. Стол ломится от этих вкусностей, и я заставляю себя не пялиться так на еду. Стыдно.

– У меня никого нет. Нет того, кто за меня заплатит.

Поднимаю голову, встречаясь с холодными глазами Крутого. Вру без заминки, потому что малейшая оплошность – и он поймет. Они все поймут, и меня не спасут даже липовые документы, которые мне по-быстрому состряпали.

Хорошо хоть, имя мое настоящее оставили, не то было бы еще сложнее переключаться, выдумывать какой-то образ. Хотя мне сказали просто быть собой, не тушеваться и не проявлять к ним неуважения. Этого они больше всего не переносят.

– Несчастная сиротка! – не унимается Брандо, но он мне кажется проще, в отличие от того же Фари, который молча сидит ближе всех к Крутому. Он похож на шакала или на верного пса. Черная тихая Гиена.

– Кто тебя подослал, дите?

Этот вопрос Крутого вводит в оцепенение, но я ни единым движением не выдаю страха. Спокойная, уверенная в себе, тогда как внутри трепещет каждая клетка.

Вижу, как Савелий Романович поднимается и опирается сильными руками о стол. Такого допроса у меня в жизни еще не было. И правду сказать нельзя. И врать как бы… тоже.

– Никто.

– Савел, да ее там чуть по асфальту не размазало! Сам видел, еще секунда – задавил бы, как жука, – защищает меня Соловей. На удивление, даже не ожидаю от него.

– Я спешила домой. Замоталась. Был туман, я просто не увидела вашу машину. Я не хотела такого ущерба, мне жаль. Честно.

Мысленно скрещиваю пальчики. Ну же, ну, поверьте мне! Пожалуйста-пожалуйста!

Внутри ураган какой-то, а еще так сильно живот напрягаю, аж дышать больно. Как будто там щит каменный. У меня всегда так, когда пытаюсь защититься. От них, и особенно от Крутого.

– Она тебе гонит, брат. Лапшу вешает, на ходу сочиняет, – басит Фари и отпивает виски, а я уже ни живая ни мертвая стою и не знаю, что будет.

Если они меня на лжи поймают – мне конец. Мне точно не жить уже будет, и басня про лес мне уже не кажется просто страшилкой.

***

– Уважаемые, хорош паранойю толкать. Глаза откройте и посмотрите на девочку: кто бы ее подослал, да еще и такую? Документы видели? Восемнадцать лет по паспорту исполнилось две недели назад. Вчерашнее дите. Отвалите от ребенка, шакалы, – спокойно говорит Ганс, не отрываясь от работы. Это первые его слова с момента входа в клуб. Кажется, он немногословен. Этот блондин создает впечатление единственного уравновешенного здесь человека, и даже сейчас он не смотрит на меня, а что-то быстро считает на калькуляторе. Сосредоточен, собран, тихий очкарик – он точно финансист или бухгалтер.

– Гоша, остынь. Не перерабатывай, тебе вредно.

Брандо, и, кажется, это мой последний шанс.

– У меня нет таких больших денег. Я не смогу вам вернуть долг.

– И что же с тобой делать?

Крутой стряхивает пепел с сигареты в стеклянную пепельницу, стоящую на белоснежной скатерти, а я на руки его крупные смотрю. Грубые, большие ладони. Невольно представляю, как бы смотрелись эти руки на мне. Стоп! Даша, приди в себя. Наверное, от страха такие мысли. Они пугают меня, как и Он.

– Простить, – лепечу, надеясь на чудо. Облизываю сухие губы, дышать стало совсем сложно. Боже, хоть бы не упасть.

– Почка.

Кажется, я ослышалась, но нет.

– Что?

– Почку свою продай, раз нет сбережений. Вернешь долг, – спокойно басит Крутой, точно мы тут о макаронах разговариваем.

– Да она хилая! Глянь на нее, перевод продукта! Романович, лучше мне ее отдай! – возникает Брандо, а я губу прикусываю. Они делят меня, как барашка на рынке. И не вздумай перед ними плакать, дурочка, это их только развеселит!

– Я не буду продавать свою почку!

– Значит, будешь отрабатывать. – Крутой выдыхает седой дым, а я крепче сжимаю листик с этими ноликами в руке.

– Саня, займись, наконец, делом, а не трепом – набери Королю. Пусть это заберет, оформит на панель. Он мне должен сильно.

Это обо мне. Даже по имени не зовет. Боже.

– Нет, стойте! Я… я могу быть полезной! Отработаю, могу быть официанткой или помогать на кухне!

Молюсь об этом. Это был бы самый простой способ здесь зацепиться. Мне это и надо. Таков и был изначальный план, а не всякие там панели.

– Мне не нужна официантка.

Прямо слышу раздражение в его голосе, Крутой теряет терпение, а Фари так смотрит на меня, словно детектор лжи сканирует.

– Да пусть на сцене пляшет! Ну-ка, давай глянем, что тут у нас под балахонами, – говорит Брандо, а после подходит и рывком сдирает с меня куртку. Я остаюсь в одном только платье. Дрожу, обхватываю себя руками.

Чувствую взгляд Крутого на себе. Такой тяжелый, строгий, пробирающий. Мне стыдно и дышать тяжело, аж больно. А еще щеки горят, стало жарко почему-то. Замечаю, как от холода соски встали, боже, хоть бы никто не заметил.

– Двигаться умеешь?

– Да, я… я могу танцевать, я умею! Я занималась гимнастикой и вообще…

Не знаю, зачем эти правдивые детали, просто врать, глядя Крутому в глаза, непросто. Малейшее неверное движение – голова с плеч.

– Оу, гимнасточка, значит. Зачет! Савелий Романович, посмотри, какая цаца! Кисуля, ну ты, конечно, миниатюрная. Ты че, не жрешь? Ну-ну, – говорит Брандо с ростом под два метра. Он нагло касается моей руки, но я ее отдергиваю, отшатываюсь от него. Неприятно.

– Не трогай!

От чужих прикосновений меня трясти начинает, сцепляю руки в кулаки. Они загнали меня. Покажу слабость – прихлопнут, как муху.

Молчи. Просто молчи, Даша. Их больше, они сильнее. Все один за другого. За тебя никто не заступится здесь. Впрочем, как и везде.

– А ляля-то с характером! – салютует мне Брандо.

Встречаюсь взглядом с Крутым. Трепещет все тело. Кто бы что ни говорил, он здесь главный. Как решит, так и будет, и у меня реально только одна попытка.

– Савелий Романович, мне не нужны проблемы. Я отработаю долг.

Глава 4

– Это кто тебя так? Наши, что ли?

Вера. Женщина лет пятидесяти, которую тут зовут “Мамочка”. Это она забрала меня с того пьедестала позора и отвела в гримерку. Крутой не сказал ни слова, он просто коротко махнул рукой, отгоняя меня, точно мошку, и переключился на разговор с Фари.

Я не упиралась, опции уйти мне уже дано не было.

– Нет… я в аварию попала.

– Как тебя так угораздило? Кости хоть целы? Танцевать как собираешься?

– Все нормально. Колени только вот ободрала.

– Вижу, но это пустяки, обработаю сейчас. Иди сюда.

Вера достает аптечку, вынимает оттуда перекись и зеленку.

– А-ай! Больно, щиплет! – пищу, слезы тут же выступают на глазах. Дую на ранки. Они небольшие, но болят, как будто наждачкой их отполировали.

– Ну все, все! Скажи спасибо, что Крутой за свой новый мерс тебе колени-то не перебил.

– А он может? – спрашиваю осторожно. Любая информация не будет лишней.

– Может. Если есть за что.

Не знаю, Вера меня предупредила или напугала, но времени разбираться у меня просто нет. Она оказывается неплохой женщиной, которая отлично знает Крутого и всю его стаю, вот только не особо со мной откровенничает и держит дистанцию. Впрочем, как и они все здесь.

Мой отчим Юра вообще не похож на этих мужиков, и пусть он выпивает, буянит, тогда может ударить, но он и близко не такой, как эти бандиты.

Они могут сделать больно, могут убить, и пистолеты у них не игрушечные. Видно также, что это очень богатые люди. Крутой, и тот Фари, и даже Брандо.

Посмотреть только на их одежду, часы, золотые цепочки, перстни, дорогие телефоны. Эти люди словно из другого, недосягаемого и неизведанного мира. Они чужаки, точнее, это я для них чужачка, которую они даже не зовут по имени.

– Ты вымокла. Иди умойся и вот это наденешь. Должно подойти. Жди, позову тебя.

Мне дают короткое красное платье с блестками и туфли в тон, на гигантской просто платформе.

Я стягиваю свои мокрые тряпки и по-быстрому привожу себя в порядок. Волосы мою и, слегка подсушив полотенцем, просто зачесываю их влажными назад. Так выгляжу старше.

Новый стиль, некая маска, которую я натягиваю на себя. На ту Дашу, которая боится сцены и предпочитает сидеть дома. На ту меня, которая бы ни за что в жизни не пришла в это место, сложись судьба иначе.

Я одна в небольшой комнате, похожей на гримерку. На столиках стоит косметика, какие-то украшения, но брать все это я не рискую. Это не мое, и порядков здешних я не знаю.

Смотрю на себя в зеркало. В этом платье моя фигура на виду. Ноги открыты до средины бедра, плечи оголены и шея. Хорошо, что спина и грудь скрыты под тканью, но все равно чувствую себя голой. Я так не привыкла, по правде, я ни перед кем еще не обнажалась настолько.

Дома всегда таскала вязаные мамины свитера и либо длинные платья, либо штаны. Спортивки обычно, так часто бегала на тренировки. А потом мама умерла и детство кончилось. Быстро, резко, внезапно, как и ее инсульт.

Я ненакрашенная, с влажными волосами и блестящими большими глазами. Губы от холода побелели, и я быстро их кусаю. Не знаю зачем. Просто. Не для того, чтобы понравиться Крутому, хотя… мне как раз таки надо ему понравиться!

Или так, или на панель отправит, и это никакие не шутки. Тогда весь план насмарку, и, честно говоря, я не знаю, что будет. Представить даже страшно. Права на ошибку у меня просто нет.

Савелий Крутой… Савелий Романович. Его имя перекатывается на языке. Такое терпкое, тягучее и жесткое одновременно. Я сразу его запомнила. Так же как и его облик, от одного лишь взгляда на него меня бросает в дрожь.

Какие женщины нравятся Крутому? Понятия не имею, и это вообще не мое дело. Единственное, что я пока запомнила, – ни у одного из этих бандитов нет обручального кольца. Они все холостые, целомудренные, неженатые? Не думаю. Скорее всего, просто не афишируют свои семьи.

А Крутой женат? Какая у него женщина… или женщины? Так, чисто теоретически интересно было бы узнать.

У Савелия Романовича тоже никакой обручалки не было, но были перстни, к которым почему-то мне очень хотелось притронуться.

Кто может любить такое чудовище? Он же страшный… и такой взрослый. Тогда почему я снова думаю о нем?

Так, Даша, успокойся, ну же: вдох-выдох. Просто играй роль. Представь, что ты актриса. Ты же и так хотела поступить в театральный и даже узнавала о наборе, но не судьба, и, по правде, мое будущее кажется мне каким-то размытым. Куда ветер повернет, туда и я пойду. Главное – безопасность.

– Пошли, быстро!

Меня забирает Вера.

– Стой, ты куда?

Я тушуюсь, в этом большом зале слишком много народу.

– На сцену…

– Сегодня ты не будешь танцевать на общей сцене, девочка.

– Почему?

– Потому что у тебя будет приват для Крутого. Иди в ВИП-комнату, он уже там.

Глава 5

Нет, я не деревянная, и занятия гимнастикой оставили свой отпечаток на моей пластичности, но я никакая не танцовщица. Ни разу, и если поначалу это казалось мне чем-то возможным, то, увидев краем глаза, как двигаются здесь настоящие танцовщицы, понимаю, что шансы мои невелики.

Чувствую себя мошкой, которую приперли к двери и приставили дуло заряженного пистолета к виску. Мне надо закрепиться в этом клубе, а точнее, рядом с Крутым.

Каким угодно способом, и если для этого мне придется плясать у шеста – я надену невидимую маску. Это буду не я, а другая Даша. Уверенная и смелая амазонка, хищница, и она трястись перед Савелием Романовичем НЕ будет.

Вхожу в ВИП-ку, стараясь удерживать равновесие на этих ходулях. Здесь полностью закрытое помещение, отгороженное от остального зала. Крошечная сцена и столик, большое кресло на одного, и ОН уже там. Крутой. Савелий Романович.

– Здравствуйте, – проходя мимо него, зачем-то здороваюсь еще раз, хоть мы и виделись. Как дура. Ладно.

Крутой не отвечает. Молчит. Смотрит на меня тяжелым взглядом из-подо лба. На нем сейчас нет пиджака, рукава белой рубашки закатаны до локтей. Какой широкий разворот плеч у него, и еще вижу его руки – жилистые, крупные, тату тянутся под рубашку, как змеи, а сама ткань натянута от мышц.

Останавливаюсь, обхватываю себя руками от стыда. Не то чтобы я каждый день танцевала перед хозяином города, да еще и полуголая. Ноги открытые и плечи… неловко, страшно, но голову я не опускаю. Просто смотрю на него.

– Быстрее, – кивает на сцену, и я понимаю. Крутой хочет видеть танец, и я должна понравиться ему настолько, чтобы он оставил меня здесь. Чтобы меня можно было показывать народу, точно зверька в цирке.

– Здесь тихо. Как я буду танцевать?

Боже, что с моим голосом, амазонка, проснись! Я так сильно тушуюсь перед этим взрослым мужчиной, что хочется спрятаться под какой-то колпак, точно маленькой девочке.

Вместо нормальных слов какое-то пищание тихое получается. Несуразное, и в голове точно мед сколотили. Какой там сценарий, какая заученная речь? Не смешите, я хоть бы не забыла, как меня зовут.

– Что ты там пищишь?

Крутой раздражен, вижу: на часы поглядывает, но все же он здесь. Пришел посмотреть на меня. Лично.

– Хм, из зала звуки не долетают почти! Можно, чтобы кто-то включил музыку?

Тяну резину, нервничаю. Стены и правда глухие, что создает ощущение камерности, закрытости и абсолютной приватности.

– Так танцуй.

Савелий Романович откидывается на спинку кресла и широко расставляет крепкие ноги, принимает удобную позу.

Я вижу его матовую загорелую кожу, переливающуюся в тусклом свете, темно-русые волосы, цепкий уверенный взгляд, от которого хочется прикрыться одеялом, а еще пряжка его ремня опасно поблескивает, и я понятия не имею, почему вообще пялюсь ему ниже пояса!

Туфли. Да, Даша! Смотри лучше на его дорогущие кожаные туфли. Размер ноги, похоже, там сорок пятый. Да, смотри на туфли. Они тоже блестят.

Забираюсь на сцену, надеваю невидимую маску и на миг прикрываю глаза. Воцаряется тишина, и я медленно начинаю двигаться у этого шеста.

Как умею, больше, конечно, интуитивно, как видела где-то в фильмах, рекламе. В голове отсчитываю ритм, бросаю мимолетный взгляд на Крутого и не читаю там ни одной эмоции.

Как камень просто сидит и смотрит, а после закуривает, глубоко затягиваясь сигаретой. Но он смотрит. На меня.

Не знаю почему, но это придает мне смелости, раскованности даже. Как бы поступила амазонка в моей голове? Та смелая Даша, которую я тут показываю в танце…

Она грациозная, уверенная в себе. И сексуальная. Да, точно. У нее плавные движения. Как у кошки, и она нравится ему. Очень.

Сильнее ухватываюсь за шест, повисаю на нем, растягиваюсь. Хоть что-то я умею, но, по правде, это больше гимнастические движения, я не умею танцевать, хоть и очень хочу показать обратное.

В какой-то момент даже вхожу в кураж. Становится жарко и как-то терпко внутри. Дыхание сбивается, и, когда смотрю на Савелия Романовича, в животе что-то сильно тянет. Наверное, я просто голодная. Да. Потому так. Точно.

Мне нужно здесь зацепиться, чего бы это мне ни стоило. Сильнее прогибаю спину, выпячиваю попу, опускаюсь у шеста с широко расставленными ногами.

От волнения чуть кружится голова: он так смотрит…

– Стоп.

Волшебство рассеивается как дым. Крутой жестом показывает остановиться, тушит сигарету и поднимается, а я быстро спрыгиваю со сцены, едва не навернувшись на этих каблуках.

Колени жжет. Вижу, как пластырь пропитался кровью, но, когда танцевала, боли вообще не чувствовала.

Осторожно подхожу к Савелию Романовичу. Вблизи он очень высокий против меня, так же как и Брандо. Метр девяносто точно будет. Я на этих огромных каблуках, но все равно… разница, конечно. Мне приходится высоко задирать голову, чтобы видеть его лицо.

– Вам понравился танец? – спрашиваю и впервые так близко решаюсь посмотреть в глаза Крутому. Вблизи они кажутся еще более яркими, гранитными. Серые, с синим отливом, окутанные темными ресницами. Холодный и опасный взгляд хозяина жизни. Такой может убить. Он уже убивал, я это точно знаю.

– Ты меня впечатлила.

– Правда?

Не верю своим ушам, хотя очень хочется верить!

– Худшего танца я в жизни не видел. Дохлая газель и то лучше вертеться у шеста будет.

Чувствую, как от стыда загорелись щеки. Я попала и пропала. Вот здесь. Крутой одной только фразой размазал меня, просто растоптал.

Обида подкатывает к горлу. Чувствую, как капельки воды стекают с волос по щеке, опускаются к шее и утопают в декольте. Хотя, по правде, декольте – это я слегка преувеличила. У меня все скромно.

А еще мне до ужаса неприятно. Я так старалась, я была уверена, что ему понравится.

– Это было грубое сравнение. Вам нравится унижать женщин?

О да, меня несет, нервы сдали, но пока совсем чуть-чуть, но зато Крутой реагирует. Просыпается даже как-то, входит в азарт. Его глаза темнеют, он подходит ближе. Ко мне, точно лев к овечке, подбирается.

– А где здесь женщины?

А вот это уже больно. Лично для меня. Все мои комплексы по поводу внешности аж завибрировали.

– А вы разве не видите?

Я тут! Алло, я женщина тоже! Вообще-то… так, на секундочку.

– Нет. Не вижу, – коротко качает головой, тогда как меня уже трясет от негодования.

– А может, у вас зрение просто плохое? Потому не видите. Так купите очки! Вам как раз по возрасту пора, – выпаливаю, за пару секунд сердце разгоняется до метеора.

Боже, Даша, **что** ты несешь, останови-ись! Вспомни, где ты и с КЕМ разговариваешь!

Смотрю на Савелия Романовича, невинно хлопая ресницами.

Вот что делать?

Притвориться дурой?

А может, лучше просто мертвой – и тогда он потеряет интерес? На таких обычно не нападают.

Глава 6

Крутой так смотрит, точно сейчас удавит либо приставит дуло пистолета к моему виску. Как удав, сжимающий мои ребра до хруста одним только взглядом.

Замираю, когда Савелий Романович заправляет мои влажные волосы за ухо, и клянусь, меня бьет током от его прикосновения. По телу разносятся мурашки и будто заряд какой-то бешеный, чистый оголенный ток, импульсы.

У Крутого крупные пальцы и очень сильные руки, широкая кость. Такую в кулак сожмет – убить им можно запросто.

Он граница, мое лезвие ножа, опасный яд. Я не знаю, как это понимаю. Просто ощущаю на всех возможных уровнях.

– Извините, вырвалось.

– Считаешь меня старым, девочка?

– Нет. Нисколько.

Страшным – да, Крутой взрослый, но он точно не старик. Это я сдуру ляпнула, хотела его уколоть за то, что не увидел здесь женщину, не увидел ее во мне.

– Савелий Романович, я очень сообразительная, я занималась гимнастикой и быстро научусь танцевать! Не надо на панель меня! Я вообще не из этих.

– А из каких ты?

Прищуривается, а я теряюсь. Смотреть на туфли уже не помогает. Он близко, и мне что-то тяжело дышать.

– Из других. Обычных.

– Серая мышь?

– Если вам так угодно.

– Я давлю серых глупых мышей, которые считают себя смелыми воробьями. Жарю их и жру на завтрак! – не сказал, а прорычал это, а у меня почему-то голова закружилась и на миг все поплыло.

Стало страшно. Стыдно признаться, но я представила, как Крутой нападает на меня, точно лев, и кусает в шею, разгрызает ее, впивается в плоть зубами. Я прямо ощутила этот паралитический ужас вперемешку с чем-то новым. Опасным, запретным, диким.

Даша, это просто от голода. Давление падает. Не может быть другой причины.

Распахиваю губы, перед глазами снова темнеет, да что ж такое-то! А после туман развеивается, и я в ужас прихожу, когда вижу это: я сдуру вцепилась в руку Савелия Романовича. Господи помилуй.

– Извините!

Быстро отдергиваю ладонь, пока он ее мне не отгрыз. Ассоциация со львом не проходит. Этот хищник и есть хозяин города, царь зверей, он сила, и он же власть.

– Что с тобой? Ты принимаешь?

– Да, то есть еще раньше витамин “С” пила, полгода назад. Больше не принимаю.

Хватаю раскаленный воздух между нами, как на духу отвечаю, потому что перед ним врать взрывоопасно.

– Я тебя не про витамины спрашиваю.

По правде, суть вопроса до меня доходит запоздало. Голова гудит. От голода болит уже все на свете. Он же про наркотики, очнись, дура!

Все же надо было мне в театральный поступать, применяла бы всякие актерские техники, а так… импровизирую просто на ходу, и это здорово выматывает. Мне надо помнить о том, что надо говорить и чего не надо. И не мешать это все в одну тарелку.

Не могу собраться. Чувствую себя насекомым. Мы из разных миров и вообще не должны были пересекаться.

– А… это. Хм, нет. Ничего такого. Просто не пообедала.

И не завтракала, точнее, но Крутому об этом знать не обязательно. Вот не надо было мне на те столы их накрытые со вкусностями смотреть. Аж дурно теперь.

Едва стою на ногах, слабость что-то ужасная, и Савелий Романович что-то не очень хорошо смотрит на меня.

Сцепил зубы, свел брови, отчего у него на лбу морщины появились. Невольно улавливаю запах его парфюма… или это одеколон? Не разбираюсь, но от этого аромата еще сильнее кружится голова. И так хочется понять, что это за запах. Я такого ни разу в жизни не слышала.

Чувствую, что я сдаю, он слишком сильный. Для меня. Лично.

Рядом с Крутым я выкручена до предела, на максимумах просто, потому что у него очень мощная энергетика и мне физически сложно быть с ним рядом и хоть как-то держать удар.

– Все нормально у меня, и еще: я особь женского пола. Я тоже женщина. Так, чтоб вы знали.

Гордо задираю подбородок, а Савелий Романович молчит. Хоть бы не пристрелил. Мама.

Вижу, как у Крутого заиграли желваки на скулах, он прищурился, посмотрел на меня с ног до головы. Нет, доверием тут и не пахнет. Смотрит как на щенка с улицы. Никакого сожаления тоже нет. Ему об этом не известно.

– Долг за тобой, и ты будешь его отрабатывать. Сбежишь – я найду тебя, и поедешь в путешествие на окружную. Приступай и запомни одно правило, **девочка**: проявляй уважение к старшим. Всегда.

Мои умозаключения про женщину, похоже, ему до лампочки, и, как назло, меня пошатывает в этот момент, все плывет перед глазами.

Я сильно перенервничала и на голодный желудок не рассчитала свои силы, от страха меня повело.

– Твою мать!

– Эй, вы что?

Чувствую, как меня взяли под руку, повели как овечку на убой. Крутой чуть ли не за шкирку вытаскивает меня из ВИП-комнаты, тогда как я иду, едва переставляя ноги.

Как пьяная почему-то стала. Он, точно вампир, высосал из меня все соки. Голова кружится, куда я попала, мама…

– Я пойду.

– Стоять! – гаркнул, как бойцовский пес, я тут же заткнулась, притихла: помирать – так с честью, но нет. Над ухом слышу громкий басистый голос Савелия Романовича на весь зал:
– Вера, покорми ее чем-нибудь! Быстро!

Хотя бы “ее” уже, а не “это” – прогресс.

Савелий Романович усаживает меня за один из столиков и уходит. После него остается тот самый шлейф из смеси парфюма и дорогих сигарет, а я хватаю воздух сухими губами, понимая, что влезла в очень опасную игру, правил которой на самом деле не знаю.

Я просто должна. У меня нет выбора, его не существует, но первый шаг я уже сделала – меня оставили в клубе. Я близко к Крутому, а значит, смогу работать.

На самом деле я не бежала ни в какой дом. У меня в этом городе вообще нет дома, только комната в общаге, и то по факту не моя. Водителя той девятки я видела пару раз. Он актер, и это все была постанова.

Все, кроме моих разбитых коленок. Водитель должен был притормозить не так резко, чтобы я свалилась Крутому едва ли не под колеса. Зато получилось очень реалистично. Все поверили. Куколка пережила удар.

Мне сказали так сделать, привлечь внимание Глава ря “Прайда”, создать ему проблему, и, похоже, у меня получилось. Теперь проблемы у меня тоже имеются, и, кажется, очень серьезные.

Так странно, еще каких-то пару недель назад я даже не знала о существовании Савелия Крутого, а теперь вынуждена здесь все запоминать и сливать данные, потому что я “информатор”, как меня красиво назвали. Я здесь, чтобы добывать информацию про “Прайд”. Это сообщество, преступная группировка, точнее.

На время конечно, не навсегда. Когда я добуду нужную информацию, то смогу уйти, и этот кошмар закончится.

– Держи. Сейчас еще десерт будет.

Вера приносит мне целую гору еды. Без упрека, добродушно исполняет приказ хозяина.

– Не надо, я не голодная.

– Савел сказал покормить тебя. Бери кушай, не стесняйся. За счет заведения.

Неловко, стыдно до ужаса, но все же я принимаю еду, потому что и правда дико голодная.

Зачем Крутой велел накормить меня, я не знаю. Думаю, он за свой долг печется. Я должна отрабатывать его, а не падать тут в голодные обмороки, другой причины быть не может.

Еда очень вкусная, особенно вот эти бутерброды с маслом и красной икрой, которую я пробую впервые в жизни.

Савелий Романович мог пристрелить меня или отдать своим головорезам, но он этого не сделал, а я что? Мне страшно в этом признаться, но я подставная крыса, которая внедрилась в круг очень опасных людей, хоть это вообще не моя игра.

Я только пешка в ней и на самом деле пока плохо понимаю, куда на самом деле встряла.

Глава 7

Я только выехал из салона. Конечно, мерс не был куплен на последние деньги, но я именно его хотел. Дорогая игрушка, это был мой подарок себе за успехи, потому что пока нам фартит – и так, что аж страшно.

Дела идут вверх, мы подмяли под себя большинство районов, продавили, прогрызли эту дорогу, и с таким учетом я сам мэром стану скоро, вот только я этого не хочу. Пусть Гафар в кресле сидит, он так хотел власти, но мы оба знаем: настоящая власть у него за спиной.

Фари опасается последствий, и, конечно же, он прав. Всегда есть обратная сторона медали. У меня растут конкуренты, как грибы после дождя. Нет, не только Беркут, он просто заебистый. Есть другие, и много, ведь я не шел к данному положению, собирая ромашки. Я ступал по головам, часто оставляя кровавые следы. Я выгрызал эту землю и вытаптывал все то, что было уже не моим.

Я подумал, что это звереныш. Какое-то животное бросилось под колеса, я едва успел ударить по тормозам. Мерсу пиздец, вырулить не вышло, а после увидел, **кого** едва не переехал.

Какое-то чудо, мокрое, худое, ободранное. Оно лежало в луже. Барахталось в ней, как воробей.

Только когда Даня отодрал зверька от асфальта, я увидел, что это девчонка. Она смотрела на меня огромными глазищами и лепетала что-то невнятное.

Мокрые русые волосы с медным отливом, слипшиеся от воды. Голубые, аж васильковые, глаза, маленький нос, пухлые губы. Острый подбородок, россыпь рыжеватых веснушек на щеках. Какая-то гребаная малолетка создала мне огромный головняк.

Забрали куклу с собой, она тряслась всю дорогу. По документам оказалось, что ей восемнадцать, хотя я бы так не сказал, а потом я увидел уже ее переодетую. В платье и правда на девушку похожа, длинные ноги, тонкая талия. Она вообще не умела танцевать, но почему-то я не мог оторвать от нее взгляд и бесился из-за этого.

Гибкость, плавные движения, определенно есть чувство такта, хоть она в него не попадала. Кукла танцевала предо мной в тишине, и я почувствовал, как у меня встал. Не знаю, что это было. Просто помутнение, в штанах стало тесно, я просто взбесился.

Вот что бывает от нерегулярного траха, взведен весь, аж спину ломит. А потом она возникать начала. Едва до груди мне достает и еще что-то лепечет, как зарвавшийся воробей. Голос тихий, так забавно хмурит светлые брови и еще пытается качать права.

От нее пахло вишней. Пьяной, ненормальной, дикой. Мне это не понравилось, потому что это не запах, а какой-то ликер, дурман самый настоящий.

Маленькая заноза. Она меня реально вывела, раздразнила просто. Женщина, блядь. Не смешите меня.

За что там браться, на что смотреть? Пусть на наших танцовщиц посмотрит, которые одним только взглядом мужиков заводят с полуоборота.

Что ей не понравилось, не знаю, но никакой женщиной там даже не пахло, а она все никак не унималась.

Играет? Притворяется? Хрен поймешь. Захотелось самому набрать Королю. Он спец по таким делам. Пристроит на панель, Воробушек начнет ремонт мне отрабатывать, и это будет уже не моя проблема.

Странная девочка, я никак не мог понять, какого хрена она бросилась мне под колеса. Специально? Не думаю. Я гнал на полной скорости, она бы не выжила, не среагируй я так быстро, а после ее повело.

Не знаю почему, но эта проблема почему-то резко побелела, распахнула губы и ухватилась за мою руку. Ледяные тонкие пальцы крепко сжали мои. Ее светлые ресницы затрепетали, а голубые глаза стали темнее, приобрели насыщенно-фиолетовый, мать ее, отлив.

«Сирена чертова», – промелькнуло в голове, ее глаза просто поменяли цвет, и еще она голодная. Это было прямо видно, потому что девчонку шатало и она была белая как мел.

Сплавил ее Вере, а сам набрал Кире. Захотелось сбросить напряжение.

Кира сосала старательно, причмокивала, рыдала, но все же брала глубоко. Она знает, как мне нравится, а я бесился. Не было разрядки, не было ни хрена.

Кончил Кире в рот только тогда, когда вспомнил переливающиеся глаза Сирены.

Ее русые волосы, россыпь веснушек на щеках и даже запах пьяной вишни раздражали меня, отчего идея набрать Королю и сплавить ему эту проблему уже не казалась мне такой бредовой.

***

Я с трудом добралась до общежития, сразу же залезла в кровать и вырубилась. Мне снился дикий лев, и проснулась я только следующим утром.

Сегодня первый день “отработки” долга, и я прихожу на тренировку. А еще на разведку, хотя слабо представляю, как я это все буду проворачивать.

Их там много, и Савелий Романович мне голову снесет, если поймет, что я сливаю данные, но какой у меня выход? Его просто нет.

– Чародей, верни девочке то, что ты спиздил только что.

Ганс. Обычно молчит, но всегда все замечает. Щепетильный до мозга костей. Я уже в клубе. Днем здесь меньше народу, зато, похоже, собираются только свои. Мне это и надо. Начать ориентироваться в этом кубле хоть немного.

– Да я играюсь. Баловство, и только. Не спи, мурка, замерзнешь.

Прихожу в шок, когда вижу позади себя высоченного стройного брюнета с моим кошельком в руке, паспортом и даже часами. Я с ним на секунду на входе столкнулась – и он обобрал меня! Обчистил до нитки.

– Эй! Это мое!

– Да я не спорю. Так, проверяю навыки. Ручки все помнят, – усмехается. По виду так фотомодель, а не карманник. Красивый, даже очень.

– Ты уже слишком стар для этого.

– Ручки все помнят, Гоша. Так кто ты, малявка?

Возвращает мне мое добро, опускает руки в карманы.

– Даша.

– “Даша – радость наша”? Так, что ли?

– Да, что-то такое. Я новая танцовщица в клубе.

Улыбаюсь, мне надо расположить здесь всех к себе, и этот дядя кажется достойным кандидатом, несмотря на то, что только что он обобрал меня, как Тузика.

– Что-то ты не похожа на танцовщицу, Даша.

– Меня Савелий Романович нанял.

– Даже так? Занятно. Ну, проходи, чего застыла.

– Я тут почти никого не знаю.

– Хочешь экскурсию?

– Хочу.

Чародей берет меня под руку и как ни в чем не бывало проводит между столиков по клубу.

– Мамулю знаешь?

– Кого?

– Верку. Кухарку.

– Да.

– Соловей?

– Видела. И Фари тоже, Брандо. Они братья?

– Да, родные, Эдик и Сашенька, чтоб их черт переехал. Смотри, а ты почти всех уже знаешь! Вон тот задрот с калькулятором – это Ганс, бухгалтер. Рядом Лавр, ну и Святоша, блондинчик.

– Святоша?

– Священник.

– Это, типа, прозвище?

– Нет, он и правда священник. А что так смотришь? Да, у нас так. Свой священник еще никому не помешал. Выгодно.

Дверь распахивается, и я вижу, как вошел высокий худой парень. Довольно молодой, с короткими темными волосами.

– А это кто?

– Додик, Димон, точнее, но ты с ним лучше не общайся.

– Почему?

– Потому что он конченый. Его тут терпят только потому, что это родной сынок Веры, а она в уважении большом, бандитская мамаша.

– А вас как зовут?

– Трепло! – басит подошедший Брандо и с силой толкает Чародея в плечо, но тот не пасует и уже через секунду блестит часами своего обидчика.

– Эй! Часы гони!

– Извинись, дядя Саша!

– Да пошел ты!

– Я Валера, кстати. Бизнесмен.

– Щипач, скажи уж точнее, – язвит Брандо, и я сглатываю. Они все здесь один другого краше, и не в хорошем смысле. И все друг друга знают.

И правда, как стая, Прайд, только я пока плохо ориентируюсь, кто в какой здесь иерархии.

– Я фокусник. В прошлом.

Чародей подмигивает мне, усмехается. Лис. Да, если Фари – это гиена, Брандо – черный волк, то Валера – это чертовски хитрый лис.

– Прошлых воров не бывает!

– Это еще никого не убило, Санек, в отличие от того, как вы с братиком на жизнь зарабатываете.

– Зато слишком долгий язык убил многих, сечешь? – оборвал его Брандо, и Валера притих, оскалился.

– Я пойду. Мне надо работать.

Пытаюсь от них отделаться, Чародей уходит к бару, а Брандо загоняет меня в угол. Зажимает у стены. Высокий, здоровенный просто волк. Глаза черные, блестящие, опасные. От него аж веет этой дикой необузданностью и безграничной свободой.

– Ну че, гимнасточка, потанцуем?

Нагло лезет и накрывает мою талию рукой, а я пасую.

– Я не танцую.

– Только у шеста, малышка, да?

– Да.

Он усмехается. Улыбочка как у акулы, но все же красив.

– Сколько?

– Что?

– Сколько берешь за час, куколка? Я не жадный. Дам двойную цену.

– Нисколько. Дай пройти!

Нервничаю, мы в большом зале, но никому нет дела, тогда как этот Брандо не дает прохода.

– Цену не набивай, цаца. Мне здесь не отказывают.

Нагло лезет мне под юбку, и я не выдерживаю:

– Не трогай, пусти, нет, а-а!

Со всей дури толкаю Брандо в грудь, ломясь сбежать, но не замечаю официанта и буквально сбиваю его с ног.

Гремит посуда, разбивается дорогой алкоголь, а я лечу на столик, снося оттуда вазу с цветами на пол.

Грохот невероятный, огромный букет живых цветов смешивается со стеклом, затихает музыка, и я снова больно плюхаюсь на сбитые колени.

Как назло, в этот момент распахивается дверь и входит Крутой. Окидывает меня строгим взглядом. Они все смотрят на меня в окружении битого стекла и рассыпанных цветов, тогда как я сглатываю, оценивая масштабы бедствия.

Глава 8

Сердце ускоряется до предела, и стыдно мне, и страшно – и все вместе. Быстро поднимаюсь и начинаю собирать руками эти осколки. Все пялятся, все смотрят. Я так долг свой вовек не отработаю, мама, помоги.

– Ты что наделала? А? Боже, что за бардак такой?!

Вера тут как тут, Брандо уже и след простыл, он смылся, оставив меня на съедение волку, точнее, льву.

– Извините, случайно вышло.

Вижу, как официант пошлепал за мусорными пакетами, тогда как я понимаю, что вишу на волоске. Сейчас Крутой меня выгонит, а это же мой первый день. Я ни черта еще не узнала.

– Как случайно?! Этот виски стоит как моя месячная зарплата! И ваза хрустальная, и сервиз – итальянский фарфор!

– Я все отработаю, все уберу, не кричите.

Слезы стоят в глазах, но раскисать даже не думаю. Бегом собираю осколки, сгружаю их на поднос, а после вижу черные начищенные туфли. Крутой подошел, раздавливая цветы, вообще не обращая на них внимания.

– Не надо, не давите, им же больно!

Отталкиваю его и бегом собираю стебельки, стряхиваю с них стекло, не замечая того, что уже порезалась.

– Кому это им?

– Цветам!

Мне их и правда жаль. Мало того, что они упали, так еще и Крутой тут прохаживается по ним своим сорок пятым размером ноги, ломая тонкие стебельки.

– Цветы не чувствуют боли.

– Они все чувствуют!

– Вот пакет, держи.

Официант примчался, но я уже почти все собрала.

– Спасибо.

Неловко до ужаса, не знаю, что делать, и в такой ситуации еще ни разу не была. Новую вазу не принесли, и теперь я стою, как дура, перед Савелием Романовичем, держа этот огромный букет цветов в руках. Красивые они, видно, что очень дорогие, я о таком букете только мечтать могла.

– Выброси этот мусор, быстро! – строго говорит Крутой, но я лишь головой качаю:

– Не буду, нет!

– Они поломанные.

– Они еще свежие! Можно поставить в другую вазу. Пожалуйста!

Сглатываю, потупив взгляд. Слышу за спиной перешептывание, первое впечатление на всех я уж точно произвела.

– Почему ты упала?

– Просто поскользнулась, – вру, но при этом не могу смотреть Крутому в глаза. Кажется, он все сразу прочитает.

– Еще раз соврешь мне, я тебя выпорю.

Краска приливает к щекам, но заднюю давать сейчас – значит проиграть, сделав первый шаг.

– Савел, да ее Брандо шуганул, вот девчонка и дернулась! Саня совсем уже рамок не видит, разбаловали вы его дальше некуда.

Стою ни живая ни мертвая. Валера заступился за меня, хотя, кажется, это сыграло не в мою пользу, судя по тому, как потемнел взгляд Крутого.

Чувствую, как по запястью кровь потекла, а я все так же сжимаю этот букет в руках, но боли не чувствую. Совсем, только какой-то трепет внутри и очень сильное напряжение рядом с этим мужчиной.

Замираю, когда Савелий Романович подходит ближе.

– Дай сюда!

Забирает у меня из рук эти цветы, кладет на стол, а после ладонь мою сжимает. Она вся исколота, подрагивает от его прикосновения.

Я не шевелюсь. Смотрю только, точно застыла, дрожит каждая клетка. У меня стойкое впечатление, что Крутой сейчас откусит мне руку к чертям, но он лишь сцепляет зубы и достает из кармана белый платок, набрасывает его мне на руку и сжимает.

– Иди, пусть Вера обработает.

Его рокочущий голос пробирает до костей, и все, что могу, – коротко кивнуть, а после вижу шикарную брюнетку.

Это одна из танцовщиц. Она подходит к Савелию Романовичу и ласково ему улыбается.

– Я скучала, – щебечет, а я сильнее прижимаю платок к руке. Больно, и не столько от царапин.

Момент испорчен. Вот и она – мадам Крутого. Конечно, у него есть женщина, у такого не может их не быть.

И вообще, у меня совсем другие здесь задачи, я не знаю, зачем думаю об этом, но я считала, раз не носит кольца, он свободен. Наивная дурочка.

– Пошли в кабинет, – едва слышно шепчет женщина. Именно что женщина – фигуристая и очень красивая. Изысканная, шикарная, аппетитная.

– Я занят. Работай, Кира, – басит Савелий Романович и проходит мимо, больше даже не посмотрев в мою сторону.

***

– Новенькая! Сюда топай, быстрее!

Меня выдергивают на тренировку, принимают к себе девушки-танцовщицы. Со скрипом, но все же берут в эту так называемую группу, потому что так сказал Крутой.

Их здесь около десяти, но больше всех я запоминаю Карину, которая ставит танцы, а также эту фигуристую Киру и Нелли. Они единственные презрительно отворачиваются, когда я пытаюсь с ними познакомиться.

Я сразу же улавливаю на Кире эту невидимую корону. Она смотрит свысока на всех, подобный взгляд я видела в свою сторону и от Фари.

Нелли ее подкалывает, но, видя меня, они затихают. Не доверяют. Я новенькая, белая ворона, которая к тому же ни черта не умеет танцевать.

– Чего пялишься?!

– Я просто пытаюсь запомнить движения (ясное дело, специально меня никто не обучает, я все улавливаю на ходу).

– А толку от нее? Боже, ты только глянь, кого они притащили…

– Нелли!

– А что такого?! На правду не обижаются. Карина, у нас все налажено было. И когда ей ставить номер? Нам придется делиться!

Принимают холодно, но я не тушуюсь. Я должна уметь за себя постоять, не то эти змеи меня здесь просто уничтожат.

– Меня Савелий Романович привел сюда работать. И я буду работать, нравится вам это или нет, – говорю уверенно, а они разве что ядом в меня не плюют. Особенно эта Кира. Она молчит, но по ее одному только взгляду я понимаю, что она очень опасна, мне тут никто не рад.

В этот первый день я старательно тренируюсь, но чувствую себя просто деревянной, несмотря на свой спортивный опыт. Вечером едва дополза до общежития и без сил плюхаюсь на кровать.

Ломит все тело, исколотая стеклом ладонь жжет. Я тянусь в карман и достаю платок Савелия Романовича. Он пахнет так же, как и он, а еще на нем капли моей крови. Красное на белом. Как и моя судьба.

Вдыхаю этот запах, и мурашки бегут по телу, как импульсы, приятные заряды тока. Внизу живота тянет, и я переворачиваюсь на бок, подтягивая под себя ноги. Разве так бывает? Чтобы человек пугал и притягивал к себе одновременно, точно магнит?

Даша, спустись на землю, он взрослый опасный мужик вдвое старше тебя! Крутой не мой и моим никогда не будет. Савелию Романовичу нравятся такие, как Кира, и ясное дело, я до нее тупо недотягиваю. Я просто создала ему проблему, не более того.

И вообще, я просто фантазерка, и я не должна об этом думать, не должна вспоминать то, как сегодня Савелий Романович коснулся моей руки и мне стало жарко.

Даша, он же страшный, почему тогда я представляю, как Крутой своими большими руками касается моей груди, живота, бедер? Просто интересно, как бы это было? Больно или нет? Мне бы понравилось или не очень? Что бы я ощутила?

Опускаю ладонь вниз живота. Там все ноет, аж дрожит. Боже, что это такое… словно яд и я заболеваю. Им.

Глава 9

Я не родился с золотой ложкой во рту. Да, мой отец был военным, мы жили выше среднего уровня, но он рано погиб, а после мать работала обычным бухгалтером на заводе и тянула меня и мою крошечную сестру Машу. Я никогда не бедствовал, но и роскоши не видел лет до двадцати семи точно.

Все, что имею, я заработал сам. Да, часто с кровью и со сломанным носом, но поначалу иначе просто не получалось. Я собирался поступать в универ, но в итоге пошел на ринг. Мне были нужны деньги, Машка часто болела, мать уже не вывозила, и выбор был очевиден. Я чувствовал себя обязанным и пытался обеспечить семью.

А потом была армия, из которой я возвращался полным надежд, но меня ждали похороны. Сестра тогда училась в девятом классе, и ее подсадил на иглу один уебок.

Местный дилер, Назар Мамаев, который барыжил наркотиками и десятками косил молодежь. Я убил его, но сестру было уже не вернуть, я приехал слишком поздно.

Я пытался помочь, засунул Машку в лучшую клинику, какую мог себе тогда позволить, но у нее была крайняя степень зависимости. Ее трясло и лихорадило, кожа приобрела синеватый оттенок.

Ни хера не помогало, капельницы, таблетки. Сестра таяла на глазах, мать с ума сходила, а у меня тупо не было возможности вывезти ее за границу, дать лучшее лечение.

У меня было пусто за душой, я был никем и ничем, умел только драться. По факту просто ноль, без связей, без власти, я был беспомощным, как гребаный слепой щенок, пока моя маленькая сестра погибала.

Мать вовремя не заметила, а зависимость развилась очень быстро. Дурь сожрала суть, здоровье и психику Маши за считаные дни. Последние сутки сестра никого уже не воспринимала и умерла у меня на руках, ее сердце не выдержало.

Мать не вынесла горя и вскоре вышла в окно. Она себя не простила за то, что недоглядела, и ей было пофиг, что у нее еще оставался я.

Так я похоронил их обеих в течение месяца и остался один. Как сбитый пес, без маяка и ориентира. Спас меня Фари. Он вытягивал меня и отдирал от пола, это он не давал мне сдохнуть от запоя и залезть в петлю.

Я знаю Фари еще со школы. Ребенок иммигрантов, Эдик даже пары слов не мог связать поначалу, но все же мы сдружились. Фари всегда думал на десять шагов вперед, таким же он и остался.

Соловей подтянулся позже, когда я уже дрался как черт в боях без правил. Он тоже выходил на ринг, мы были противниками, но после начали биться не друг против друга, а против других. Свои первые деньги мы заработали, крышуя мелкий бизнес. По факту это было не что иное, как рэкетирство.

Потом был брак. Сдуру, по молодости. Я хотел чем-то заткнуть эту дыру, новая семья и все такое, но идея оказалась бредовой. Брак был неудачным, любить мы не умели, хранить верность в двадцать пять лет тем более.

После этого я зарекся в будущем ввязываться в это дело, и мне было заебись, но денег все же было мало. Власти вообще не было, о нас почти никто не знал, и нас никто не уважал, потому мы с Фари начали включать голову и работать не только кулаками, но и мозгами.

Так появился “Прайд” – моя новая семья, которую я формирую сам. Это наша безопасность, наш круг и доверие. Здесь только свои, и нас это устраивает, мы сделали это сами.

Я не помню, чтобы за первые десять лет мы хоть раз с Фари брали отпуск. Этого просто не было, нам было не до того, мы поднимались по этой невидимой лестнице, доказывая, кто тут настоящий хозяин города.

Толком без связей, влиятельных родителей, держались на одном только азарте. Сначала было сложно, нас, молодых и голодных, не воспринимали, но мы успешно доказывали, что сильнее, умнее и агрессивнее всех.

Подняться туда, где я сейчас, нельзя, оставаясь белым и пушистым. По правде, наши руки по локоть в крови, хоть ее уже не видно под белыми манжетами.

Когда Брандо подрос, мы взяли его к себе. Он тоже часть семьи, часть Прайда, так же как и Ганс, Моника и Вера, которая нас подкармливала еще тогда, когда мы были голодными ничейными зверями.

Чародей, Гафар, Святой, Шах, Бакиров. Они уже не часть Прайда, но товарищи, некоторые из них мои должники, а некоторым я сам должен.

Я их всех знаю, я с ними рос. С кем-то дрался, с кем-то просто делили территорию.

Я наращивал связи постепенно, и теперь это здорово выручает, но вместе с приятелями я также наживал врагов. И чем выше теперь я поднимаюсь, тем больше народу хочет бросить сырую землю на мой гроб.

***

Эта девочка с переливающимися глазами сирены. Проблема, дите, головняк. Она начала чудить уже в первый день, и я сразу пожалел, что не сплавил ее Королю.

Дарья. Даша. Дерзкий воробей с запахом пьяной вишни.

Ей было жалко цветов. Я такого бреда в жизни не слышал. Ну что за ясли, кого я вообще в клуб взял?

Ее большие глаза были наполнены слезами, сверкали, сияли, переливались от ярко-голубого до темно-фиолетового. Хамелеонша, блядь.

Эта девочка была такой странной, и я никак не мог понять, как можно быть такой. Кто жалеет цветы? Они сдохли, как только их срезали, а она к груди их прижимала, и кровь лилась по ее порезанным рукам.

Я ее не понимал и понимать не пытался, но почему-то взгляд отвести от нее не мог, хоть и смотреть там не на что. Она зеленая, мне такие не нравятся, но она маячила перед глазами. Бесила меня, выводила. Женщина, блядь. Смешно просто.

Глава 10

– Савва, ты так напряжен. Что-то случилось?

Кира сзади массирует плечи, целует в шею, но мне не так. Не нравится. Бесит.

– Все нормально.

– Когда мы поедем в горы? Ты обещал на следующей неделе.

– Я занят. Не до этого сейчас. На. Купи себе что-то.

Достаю несколько купюр. Я привык за все платить. Сложно представить уже, за что я НЕ плачу.

– Я хочу внимания, а не только денег. Савва, ну пожалуйста…

Целует меня, расстегивает рубашку. Закрываю глаза, а там воробей этот с голубыми глазами.

– Блядь…

Наливаю коньяк, пью залпом, как лекарство. Сперма в голову ударила, стояк просто каменный. Член в ширинку упирается до боли.

– Иди сюда. Юбку задери.

Поднимаюсь, укладываю Киру на стол, нагибаю, стягиваю с нее трусы. Рывками, голодно, жестко.

Фигура как у гитары, мечта, блядь, а не баба, сам выбирал. Большие сиськи, длинные ноги, рабочий рот. Кира станцует любой приват. Опытная, умелая, готовая на все в любой момент и только для меня. Лично.

Она прогибается, расставляет ноги, ждет, а я сзади подхожу, смотрю на нее волосы. Черные как смоль, густые, жесткие. Крепкая спина, упругая задница. Боевая лошадь, на какой только скакать и можно.

Невольно вдыхаю ее запах. Сигареты. Воняет, как от пепельницы. Уж точно не вишней пахнет, как.... блядь, о чем я думаю?

Становится жарко – наверное, коньяк в голову ударил, но желания нет. Не хочу впервые.

– Я помогу тебе.

Реагирует быстро, оборачивается, тут же опускается на колени и тянется к ремню.

– Не надо.

– Что с тобой, Савва? Проблемы?

– Устал. Все, иди работай!

Даю еще денег, берет. Кира всегда берет, и меня это устраивает. Никаких обязательств, проблем или сложностей.

Хочу – трахаемся, мне мозг не выносят. Сбить напряжение – для здоровья полезно, но не более того, и меня это тоже устраивает.

Хлопает дверь, опираюсь рукой о стену. Аж хуево стало – старость, что ли, пришла? В тридцать семь лет… как-то рано.

Внизу все болит, сам себе не позволил, хотя стояк просто адский, но не на Киру. Не она меня завела, а та – “проблема”, блядь, голубоглазая.

***

Прошла неделя, как я веду двойную жизнь. Я уже здесь почти всех знаю, и это хорошо. Крутого не видела ни разу, мелькал Ганс, но лезть в открытую к нему с расспросами я не рискую. Он слишком умен и тут же поймет, что я выведываю информацию.

– Пожалуйста! Не надо, я ни в чем не виновата!

– Лика, надо отвечать за свои поступки.

Я застаю эту картину у клуба. Молодая девушка сидит на коленях прямо на дороге. Ее губа разбита. Она дрожит и смотрит то на Савелия Романовича, то на еще двоих бугаев. Рядом Фари – сама непроницаемость, умная тихая гиена.

У всех такой вид, будто они за покупками вышли, а не мучают невинную девушку толпой.

– Что вы делаете?!

– Не трогай ее! – рычит на меня Крутой, и я замираю. Эта Лика всхлипывает. Я вижу в ее глазах неприкрытый ужас, обреченность даже.

Что они творят? Крутой распоряжается судьбами людей по одному лишь щелчку пальцев! Он решает, кому жить, а кому умирать.

– Что со мной будет? Скажите: что?

– Куда ее, Савел?

– К Барону. Скажи: подарок. От меня. Не понравится – к Королю путь выкинет, тот такую умницу пристроит быстро, – басит Крутой, и в тот момент мы встречаемся с ним взглядами. – Входи, воробей, – спокойно чеканит, будто не он только что подарил девушку какому-то Барону! Просто взял и подарил, как какой-то чертов товар, игрушку!

Краем глаза вижу, как эту бедную Лику взяли под руки и повели в машину. Они уехали, а я вхожу в клуб на деревянных просто ногах, точно забираюсь в логово зверей.

– Даша, переоденься и иди в випку, – Карина зовет. Единственная из танцовщиц, которая не мечтает меня удушить.

– Зачем?

– Крутой ждет тебя.

Я одновременно радуюсь и пугаюсь, а еще наш разговор слышит Кира, которая не может скрыть негодование.

Она наверняка думала, что сегодня Савелий Романович ее позовет на приват, но он позвал меня, и я не знаю, радоваться мне этому или плакать.

***

– Добрый вечер, Савелий Романович.

– Виделись, Даша.

Даша. Крутой запомнил мое имя, и почему-то я дико радуюсь от этого. Улыбаюсь ему, как дура.

Алло, вообще-то это он час назад невинного человека куда-то сбагрил и сидит теперь как ни в чем не бывало, курит сигару.

Сглатываю, я уже в красивом костюме, обтягивающем фигуру, точно вторая кожа. Длинные рукава, спина и грудь закрыты. Я выбрала этот наряд специально, чтобы хоть немного сохранить что-то свое, не отдавать, не показывать все.

Подхожу ближе. Его взгляд обжигает, ощупывает, словно щупальцами. Становится стыдно, второго такого позора у шеста я не переживу.

У Савелия Романовича расстегнута на верхние пуговки рубашка. Вижу, как пульсирует вена на его шее, как он размеренно дышит, отчего его широкая грудная клетка поднимается. И еще на лицо его суровое пялюсь, на широкие плечи, на сильные руки и крепкие ноги, обтянутые брюками.

Стыд мой куда-то ушел, и я бесстыже разглядываю этого мужчину, чувствуя, как пылают щеки. Боже, он мне в отцы вообще-то годится, а я как пьяная стала. Неделю Крутого не видела, я думала, прошло, но нет. Почему-то не проходит.

– Нравлюсь?

– Ага… то есть нет! Вы мне не нравитесь!

Судорожно мотаю головой, а Крутой только усмехается. Его большой рот растягивается в улыбке. Белоснежные зубы, острые клыки, как у хищника, опасный темный взгляд из-подо лба.

Снова смотрит как на глупую овечку, на которую в любой момент готов напасть. Лев, царь зверей, хищник. Такой загрызет и дальше пойдет. Мама!

Хм, а какой Савелий Романович без одежды? Ну просто интересно!

А что такого? Ох, мамочка, ну почему у меня сводит низ живота, когда Савелий Романович близко? Меня всю лихорадит, между ног аж печет, и при этом я знаю, что он очень опасный человек.

Так, Даша, дыши! Ну что за идиотские мысли?! Собралась, амазонка, ну же! Где твои тормоза, где буйки, где шлюпки?! Дайте хоть одну, хоть дырявую и без весла…

– Вы меня хотели видеть. Я здесь.

Переминаюсь с ноги на ногу. Савелий Романович закуривает, откидывается на кресле. Он устал. Я вижу в нем это. Наверное, устал девушек раздаривать за целый день.

– Потанцуй для меня.

– Хорошо.

Спорить с ним я не решаюсь. Поднимаюсь на небольшую сцену и исполняю несколько движений, которые уже успела выучить и отрепетировать за эти дни.

Крутой смотрит. Молча. Не отводя от меня взгляда. На этот раз более пристально и без насмешки.

В какой-то момент я понимаю, что ему нравится, и начинаю стараться сильнее. Двигаюсь плавно, как кошка, мне льстит, что ОН смотрит на меня. На одну только меня, не знаю… меня это будоражит. Заставляет чувствовать себя какой-то особенной.

– Хватит, – глухо отвечает, а после коротко хлопает ладонью по колену.

– Ко мне.

Сцепляю зубы. Как к Тузику обращается. Слезаю со сцены, подхожу к нему.

– Так обычно собачек зовут.

– Если я захочу, ты будешь моей сукой. И лаять будешь, и прыгать на задних лапках.

Власть, Крутой в себе уверен, даже слишком. Господь бог прямо во плоти. Он себя любит. И еще раздражен почему-то, я вижу, что рубашка на нем едва ли не трещит от напряжения.

Что изменилось за эту неделю? Я не знаю, но меня это отношение бесит. Я же тоже человек, а не просто кукла на ходулях.

– Что?

Смотрит так, что я кипеть начинаю. За кого он меня принимает?

– Вам, случайно, корона на голову не давит?

– Похоже, прошлый урок уважения ты не усвоила, маленький глупый воробей.

– Я не воробей! У меня имя есть. Вообще-то я Даша!

– На колени встань, Даша, и попроси прощения.

Глаза Крутого темнеют, а на лице ни одной эмоции, кроме холода.

Я проявила неуважение к тому, кто этого не выносит. Снова. Меня же предупреждали так с ним не разговаривать, но что-то внутри дико протестует. Я не могу играть, когда Крутой ко мне как к суке обращается.

– По-моему, это вы с прошлого раза не усвоили, с кем и как разговариваете. Я не встану перед вами на колени. Никогда! – выпаливаю, раздается глухой щелчок, и я застываю. В руке Крутого открывается нож-бабочка. Острое как бритва лезвие переливается в крупной мужской ладони.

Ну вот зачем я это ляпнула, а? Язык мой – враг мой, сто процентов.

Сглатываю, шлюпка уплыла, а я осталась. С ним. Наедине.

С опасным бандитом, его ножом и моим бешено колотящимся сердцем.

Глава 11

Моя первая здравая мысль – бежать, что я и пытаюсь сделать, вот только попытка неудачная. Крутой догоняет меня просто за секунду, и я оказываюсь вжата им в стену, точно мотылек.

– Куда?

– Мне домой пора. Извините за те слова. Вырвалось. Снова, – лепечу и вижу, как Савелий Романович медленно прикладывает нож к моей шее. Прямо к артерии. Острое лезвие впивается в кожу. Боже, он же мне сейчас горло перережет и дальше пойдет по своим делам!

Поднимаю на него глаза, мгновенно бросает в дрожь и панику, немеют пальцы на руках.

– Пожалуйста, не надо…

Дрожу, уже представляя, как Крутой вывозит меня куда-то в лес в мешке, но боли нет. И я почти не дышу, боюсь дернуться.

– За базаром следи, когда со взрослыми разговариваешь, усекла?

– Да, – киваю, на этот раз урок усвоен. Он меня чуть не убил, понятнее некуда.

Щелчок, Крутой убрал нож в карман брюк, а я сразу ладонь к шее прикладываю. Думаю, там сейчас кровищи будет, но нет. Нет пореза, нет даже царапины. Савелий Романович прикладывал к моей шее не острую сторону ножа. Он меня просто проучил, и это было стремно – не то слово.

– Вы ко всем женщинам так относитесь? – смелею.

Кажется, адреналин притупил чувство страха, и с Крутым рядом всегда так. То вверх, то вниз со всей дури и без страховки.

– Как так?

– Как к товару какому-то, вещи, которую можно вот так в угол загнать или подарить. Например, как ту несчастную девушку, которую вы сегодня подарили Барону.

– Не говори того, чего не знаешь. Эта дрянь получила по заслугам.

Крутой так близко, еще миг – и ставит руку выше моей головы, наклоняется, отчего я сильнее вжимаюсь в стену.

Я в ловушке, в чертовой западне. Договорилась снова. Язык мой – враг мой.

– Что бы она ни сделала, никто не заслуживает быть подарком!

– Тебе ее жаль? – басит и при этом одним движением смело притягивает меня к себе, взяв большой рукой за талию.

Я же вся просто трепещу. Вот это я попала. Мы здесь одни, и даже если я орать начну, никто и головы не повернет.

– Да, мне ее жаль.

– То ты дерзкая, то жалостливая. Кто ты на самом деле, воробей?

Его ладонь опаляет до мяса, Крутой смотрит мне в глаза, а я в омутах его холодных утопаю.

Мы здесь одни, Савелий Романович может тупо свернуть мне шею, как цыпленку, и пойти дальше. Он способен на такое, хотя, по правде, к этому моменту я еще не понимала всех масштабов его личности.

– Я та, кто чуть не попала под ваш идиотский мерс и отрабатывает теперь это! Я просто девушка!

Замираю, когда Крутой наклоняется и опаляет мою шею горячим дыханием. Вдыхает мой запах, боже, он обнюхивает меня, как дикий зверь!

Этот миг. Савелий Романович такой высокий, большой, крепкий против меня. Чувствую его жесткую щетину, а еще запах. Коленки дрожат, но есть еще что-то. Запретное, такое огненное, опасное, грешное. Меня к нему притягивает, точно к магниту, и это пугает больше всего.

– А ты можешь не совать свой маленький любопытный нос в мои дела, “просто девушка”?! – басит мне на ухо, даже не прикасаясь ко мне, хотя ощущение такое, точно Крутой когтистой лапой держит меня прямо за горло.

Крепко зажмуриваюсь. Почему-то у меня такое ощущение, что он меня сейчас ударит. Набросится, разгрызет – не знаю. Я ему не доверяю. И себе уже тоже. Амазонка сидит где-то за деревом и прячется. Она тоже его испугалась, и я ненавижу ее за это.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Не врать! Никогда не смей мне врать!

Ударяет ладонью рядом с моей головой. Стена трещит, а меня в дрожь бросает.

– Я боюсь… – лепечу, его близость пугает и будоражит одновременно. С трудом хватаю ртом воздух. Аж голова кружится, боже.

– Что? Чего ты боишься?

– Вас, – отвечаю честно как на духу, а после распахиваю глаза, когда чувствую, как Савелий Романович заправил мне локон волос за ухо. И это было так нежно, отчего у меня мурашки по коже пронеслись от этого контраста.

– Свободна. Иди домой, воробей.

Вижу, как Крутой бросает рядом со мной на столик несколько крупных купюр и уходит.

Я же перевожу дыхание. Это было опасно, а еще я понимаю, что Савелий Романович мне не доверяет. Ничуть. Не ударил, не тронул… он мне заплатил.

Мне надо научиться нормально общаться с ним, потому что, пока я не приручу этого зверя, Крутой в жизни не посвятит меня в свои дела.

Смотрю на эти деньги, и тошно на душе. Зачем он заплатил, еще и так много? Как девке какой-то продажной, хотя… чем я теперь от них отличаюсь? Скоро и я буду плясать на общей сцене перед мужиками. Тоже за деньги.

***

– Не слишком ли жирно за приват или ты допы делала?

Кира. Входит в випку, замечает купюры в моих руках.

– Не твое дело.

– Приваты для Крутого танцую только я!

– Уже нет.

– Девочка, ты, наверное, не совсем понимаешь, куда попала.

– А ты расскажи.

– А я расскажу: вот это место – сердце Крутого, и только я танцую для него приваты. Он мой мужчина.

Мое терпение на исходе. Я теряюсь, не вытягиваю, и меня еще здесь никто не воспринимает. Я так не справлюсь и все завалю. Злость давит где-то в груди. Мне надо играть лучше.

– Покажи.

– Что покажи?

– Покажи, где у тебя на лбу выбито, что Крутой твой мужчина! Есть кольцо, а может, штамп в паспорте имеется? У вас дети, дом, общая фамилия? Какие именно у вас отношения?

– Не нарывайся, Дашенька! Я тебя предупредила, девочка. Молоко на губах еще не обсохло тягаться со мной, да и Крутого ты не выдержишь, ясно?

– Нет, не ясно.

Кира подходит и мимолетно толкает меня в плечо, но я удерживаю равновесие.

– Какая же ты наглая! Борзая сука! Откуда только вылезла…

– Отвали от меня!

– Да я не за себя, а за тебя, вообще-то, переживаю, дурочка! Савел тебя сломает и дальше пойдет. Ты еще маленькая, и ты его не потянешь. Не его уровня и близко, так что даже не пытайся. Не ты первая, не ты последняя. Мой тебе совет: свалила бы ты куда-то, пока цела.

– Спасибо, сама как-то разберусь.

– Нет, ты не поняла. Крутой жестокий. Это тебе не игрушки, и они не какая-то шестнадцатилетняя шпана. Это серьезные взрослые люди, а ты, похоже, вообще только с неба упала мордой вниз.

– Что это значит?

– Ты знаешь их девиз, Даша? Что такое Прайд, ты вообще в курсе?

– Нет.

– “За семью расстрел в упор” – это их девиз, а семья – все, кто входят в Прайд. Если ты ищешь выгоду, малышка, здесь ты ее не найдешь. В Прайд Крутой никого не берет со стороны. У них здесь все налажено. Ты не вписываешься. Не лезь на рожон. Я предупредила. Совет дала бесплатный.

– Мне не нужны советы, я просто отрабатываю долг, так что не лезь ко мне.

Я оставляю купюры на диване и выхожу из випки, понимая, что нажила здесь себе еще одного врага. Руки горят. Деньги Крутого я взять не смогла.

Глава 12

Ночь. Раздается звонок, на который я сразу отвечаю. Он знает мой номер, и он не отцепится сам по себе.

– Алло.

– Какого хуя ты не звонишь? Рассказывай.

– Я уже в клубе. Крутой заставил меня отрабатывать ущерб за разбитую машину, ваш актер слишком поздно затормозил, меня едва не переехали!

– Я не это хочу услышать, девочка. Говори.

Сжимаю трубку сильнее. Он позвонил первым. За новостями, которых у меня нет.

– Я слышала, что через клуб прогоняют деньги, отмывают их. У них есть черная касса и еще отдельно общак, что-то такое.

– Я это и так знаю! Это мне ни о чем не говорит. Конкретика. Меня интересуют схемы, даты, встречи. Что Крутой планирует, с кем работает, контакты, адреса, номера – все!

– Давид Алексеевич, я этого не знаю.

– Ну, так узнай!

– Савелий Романович закрыт. Не пускает в свой круг. Они здесь все свои. Я просто танцую в клубе, и при мне они ничего такого не обсуждают.

Тишина в трубке, и мне становится страшно. Нет, я не за себя боюсь, я не только за себя в ответе, иначе бы уже просто спрыгнула с моста.

– Наверное, мне пора к тебе домой заехать, узнать, как у твоей сестренки дела.

– НЕТ! Не надо, пожалуйста, не трогайте Алису! Я все добуду. Узнаю, будет информация.

– Хорошо. Жду твоего следующего звонка, мышка. Ты будешь отчитываться мне регулярно – это ясно?

– Да. Да, я поняла!

Выключаю телефон, смотрю на себя в зеркало.

Большие испуганные глаза, и руки дрожат. Я словно между двух огней, и оба жгут меня до мяса.

Как мне подступиться к Крутому, я не знаю. У нас нет общих тем для разговоров, у нас вообще ничего общего нет, кроме того, что я его должница. Он смотрит на меня, как лев на глупую овечку, не более того.

Что делать, что… Мне надо как-то пробраться в кабинет Савелия Романовича. Он часто там бывает, наверняка там есть что-то важное, ведь большую часть времени они общаются именно там, за закрытой дверью.

Боже, я уже даже думаю как какой-то тайный агент, но и по-другому не получается. Ничего плохого не будет. Ну передам я адреса или номера, это же просто информация, ничего такого в этом нет. Я тогда стану свободна, у меня нет выхода!

Я так себя успокаиваю, потому что думать о том, что я сама себе рою могилу, крысятничая в клубе Крутого, мне не хочется.

***

Мама умерла, когда я была в шестом классе. Родного отца я никогда не знала.

Мой красочный мир затрещал по швам и осыпался, точно зеркало. Опеку надо мной и сестрой взял Юра, наш отчим. По факту второй мамин муж и чужой дядя для нас с сестрой.

Юра любил маму и нас терпел как ее приложение, но, когда мамы резко не стало от инсульта, мы с Алисой гирей повисли у него на шее.

Поначалу все было сносно. Юра старался и работал, мы жили у него на квартире, так как своего жилья у матери не было – и у нас, соответственно, тоже. Спустя год Юра потерял работу на заводе. Сначала одну, потом вторую, а после он запил.

Нет, это случилось не в один день, все было постепенно, но я уже не видела в нем опекуна или хотя бы взрослого, на которого можно было бы опереться.

Более того, мне самой пришлось очень быстро повзрослеть и начать думать не только о себе, но и об Алисе. Она меньше меня, и я боялась оставлять ее наедине с Юрой. К нему начали приходить друзья, они бухали, а я старалась сплавить Алису то на кружки, то на какие-то дополнительные занятия, лишь бы она не была дома.

Сама я тоже обычно пропадала на гимнастике или просто гуляла на улице, чтобы меньше времени проводить в квартире. Я просто перестала чувствовать себя там безопасно, особенно тогда, когда сама уже начала превращаться в девушку, и мне не нравилось то, как Юра на меня смотрел, будучи пьяным.

Я окончила школу и готовилась к поступлению в театральный. Я хотела получать стипендию, добиться места в общежитии и наивно надеялась забрать Алису с собой, но у меня ничего не вышло.

Однажды вечером домой пришли чужие люди и сказали, что Юра дал в залог Алису и проигрался. Он просто, мать его, влез в большие проблемы и захотел избавиться от нас с сестрой по очереди.

Я помню, как тогда испугалась Алиса. Она не понимала, что происходит, хотя и я тоже. Так я познакомилась с Давидом Алексеевичем лично, и все мои надежды разрушились в один миг. Он сказал: либо они сразу забирают сестру и долг уплачен, либо я буду отрабатывать. Так какой у меня был выбор?

Алиса расплакалась и вцепилась мне в шею, она дрожала, она так боялась, что в любой момент могут снова прийти какие-то головорезы и забрать ее как долг.

Юра тогда сидел бухой за столом, а я согласилась стать бандитской крысой в обмен на то, что, когда я передам нужную информацию, наш долг будет прощен и нас с сестрой не тронут.

Я всегда старалась быть сильной, как мама, приспосабливаться, уходить проблем, но теперь проблемы сыплются мне на голову как из рога изобилия.

Единственный выход, который я вижу, – добыть информацию для Давида Алексеевича, чтобы он отстал, и забрать Алису у Юры.

У меня мало времени, и хуже всего то, что я не знаю, в какой момент лопнет терпение Давида Алексеевича.

Нет, не я – Алиса, она сразу же попадет под удар этих бандитов, и сколько бы я ни умоляла Юру уехать оттуда, ему по барабану. Квартиру он не бросит, Алиса не его дочь, потому я полагаюсь только на себя – как и всегда, впрочем.

Я думала много раз над этим и не теряю надежды. У нас есть тетка дальняя, мамина троюродная сестра. Она один раз приезжала к нам после похорон мамы, привозила заграничные вещи, обувь. Почему она не смогла забрать нас, мне не интересно, но я надеюсь, что хотя бы приютит в другом городе на время. Я уже совершеннолетняя, потому сама могу теоретически быть опекуном сестры.

Я заберу Алису, как только смогу, и просто увезу ее, не знаю… придумаю что-то. Кому нужна информаторша? Уверена, Крутой забудет обо мне, как только уйду отсюда, тем более мне обещали защиту, хотя, по правде, я уже не очень в это верю.

Меня пустили в логово диких зверей, и я сама выплываю как могу, без весел и спасательного жилета.

До утра не сплю и смотрю в окно. Что делать? Уехать я не могу, вернуться домой пока тоже. Сбежать нельзя, я не брошу Алису. Рассказать правду Крутому мне страшно, а пойти в милицию я даже не пыталась. Давид Алексеевич сказал, что у него там свои люди и тогда сестру он заберет в тот же день.

Чувствую себя какой-то птичкой в клетке. Боже, я как будто в западне, и что-то подсказывает мне, что мои беды еще даже не начинались.

Глава 13

Я тренируюсь и потихоньку здесь начинаю ориентироваться. Прошло еще несколько дней, я узнаю, что черная касса в клубе и правда есть. Обычно Ганс приносит наличные, он сам все делает, сам все считает. Тихо, без лишнего внимания отмывает кэш.

Где и каким способом они берут эти деньги, я не знаю. До меня если и долетают, то только какие-то обрывки разговоров. Обычно Валера болтает, особенно когда выпьет, тогда у него развязывается язык.

Фари же молчит, Брандо и Соловей тоже, но иногда они с Крутым остаются до глубокой ночи в клубе, и мне приходится уходить ни с чем, потому что я еще не выступаю на большой сцене.

Меня туда не пускают, и я просто тренируюсь, а еще обхожу весь клуб и обнаруживаю, кто кабинет Крутого всегда закрыт, и ключа у меня нет. Двери открывают только тогда, когда Савелий Романович в клубе, и то ненадолго.

Это опасно, но все же я должна рискнуть. Крутой обычно делает нечто вроде обхода, у меня будет минут пять, не больше, прежде чем он вернется в кабинет.

– Даша, подойди, – под конец тренировки, когда я уже едва волочу ноги от усталости, меня зовет Ганс. Впервые. Протягивает конверт.

– Что это?

– Аванс.

– Спасибо, но… я же Савелию Романовичу должна. Долг отрабатываю.

– Я уже высчитал процент. Бери, остальное твои кровные. Каждый месяц так будет.

Открываю конверт, и внутри жжет. Что Ганс там высчитал, я не знаю, но сумма просто огромная. Я не представляю даже, где такие деньги еще сейчас можно заработать.

С другой стороны, не так уж и плохо, я смогу отложить эти средства нам с Алисой на первое время. Может быть, мне даже хватит снять нам квартиру недалеко от тетки.

– Спасибо, дядя Гоша.

– Ганс. И ко мне на “ты” можно. Не люблю церемоний.

– Хорошо. Спасибо тебе.

Улыбаюсь, Ганс создает впечатление очень хорошего, рассудительного человека, но все же я и для него чужая. Никто меня в свои дела здесь посвящать не собирается.

Я прячу конверт в рюкзак и уже собираюсь на выход, но не дохожу до него. В темном коридоре меня ловят какие-то цепкие руки и зажимают рот. Все случается так быстро, я сразу думаю, что это Брандо снова лезет, но нет. Не его руки, и это вообще не он.

– А-а, помогите!

Здесь темно, и я вообще не понимаю, кто напал на меня. Именно напал. Выследил и набросился, как зверь, исподтишка.

Меня буквально сбивают с ног, отбирают рюкзак, а после я чувствую, как падаю, не удерживая равновесие.

– Помогите, нет!

Его руки. Липкие, опасные, такие сильные. Здесь полутьма, он больно лапает меня за грудь, говоря что-то невнятное, а после я слышу, как трещит моя кофта по швам.

– А-а-а! А-а-а-а! – это я ору до срыва связок, а после дверь распахивается и в коридоре резко включается свет.

Додик. Это тот самый “конченый”, как называл его Валера, и сейчас он буквально сидит на мне, больно вжав в пол. Какие-то голоса, а я реву, как оцепенела вся.

– Что здесь происходит?

– Не надо!

Секунда, и этого Диму от меня буквально отдирают. Я даже не заметила, как они вошли. Крутой, Соловей и еще кто-то.

– Чика со мной. Все нормально, – говорит Додик, вижу, как он заикается, как сразу же его спесь сбилась.

– Даша, что случилось?

– Ничего, я просто… я иду домой.

Поднимаюсь с пола и быстро прикрываю грудь разорванной кофтой. Меня всю просто колотит, и я на миг встречаюсь взглядом с Савелием Романовичем. Его глаза почти черные в этот момент, и на секунду мне кажется, что стоит ему только сказать “фас” – эти звери растерзают меня на куски.

– Сука!

Все случается быстро, я только успеваю вжаться в стену, потому что Крутой подходит и буквально за шкирку хватает этого Додика, едва ли не отрывая его от пола, а после с размаху ударяет ему в лицо кулаком.

Дима истошно орет, и мы все слышим, как хрустит его нос. Жутко, просто до невозможности, а еще у него тут же кровь течь начинает. По губам, по шее. Меня ведет. Страшно.

– А-ай. Больно… пусти!

– Ты охуел? Ты, сука, что делаешь?!

– Я ее купил! Заказал на час!

Савелий Романович на миг бросает на меня взгляд, а после с силой толкает Додика на пол и ударяет его ногой по ребру. Тот воет, стоящий рядом Соловей закуривает. Спокойно, словно это не перед ним сейчас истязают человека.

– О боже, не надо, Савелий Романович! Вы его убьете!

Это уже я. Пищу, хочу и боюсь подойти одновременно, потому что Крутой в этот момент больше на дикого льва похож, чем на человека. Взбешен, агрессивен, он просто в ярости, а после Савелий Романович приседает рядом с Додиком и берет его за шею.

– Сынок, я тут никого не продаю, чтоб ты знал.

– Прости… я… я не хотел.

Кашляет, сплевывает кровь, плачет, а Крутой спокоен. Ни грамма страха в нем, ничего подобного, словно цветы в поле собирает. Ромашки…

– Погодите-ка, в глаза мне смотри! Блядь, ты же под кайфом!

– Пусти, ма-ма!!!

– Мама не поможет! Слушай сюда, щенок: еще раз я увижу, что ты нажрался колес или еще какой дури, – убью! Еще раз тронешь девку в моем клубе – убью! Где охрана? Выкиньте его отсюда! – прогремел Крутой, а после достал белый платок и преспокойно вытер руки, бросил окровавленный платок в Додика, точно в мусор.

Подошли парни из охраны и выволокли Диму за шкирку, под ним осталась лужа крови.

Я же стою не дыша, моргаю только в полном шоке. Внутри меня всю трясет, амазонка испугалась, они тут все как звери, я такого ужаса никогда в жизни не видела.

– Порядок, воробей?

Ой, это мне. Крутой подходит и сканирует меня тяжелым взглядом.

– Угу, – киваю и только сейчас понимаю, что моя кофта разорвана и видна грудь в черном лифчике.

Становится адски просто стыдно. Сильнее забиваюсь к стене. Не знаю я, что делать, не знаю!

Стыдно, неловко, страшно. Он так смотрит, словно хочет сожрать. Вытираю слезы, колотит меня всю. Я не из пугливых, но тут испугалась просто. Расплакалась на ровном месте, руки затряслись.

Понимаю теперь, что я в настоящее логово попала и у меня тут нет никакой защиты. Я одна. Одна против всех этих бандитов, где один другого страшнее будет.

– Даня, подай ее рюкзак.

– Спасибо.

– Если не тронул, сопли вытри. Не в том ты месте для этого. На. Прикройся. Иди в порядок себя приведи и больше не шастай по темным коридорам.

Крутой снимает свой пиджак и протягивает мне. Я беру, невольно касаясь его руки. Пробирает током, аж по сердцу бьет. Теплый, большой, взрослый, и он спас меня только что, пусть и так жестоко.

– Хорошо, – тихо отвечаю и сразу беру у него пиджак, тут же кутаясь в него. Вещь огромная для меня, но очень приятная. Закрывает меня от чужих глаз и пахнет так, как Савелий Романович.

На негнущихся ногах топаю в туалет. Ничего вокруг не вижу, от слез все расплывается. Закрываю дверь, останавливаюсь напротив зеркала. Вид просто ужасный. Волосы взъерошенные, глаза по пять копеек. Этот пиджак Крутого достает мне больше чем до середины бедра.

Открываю воду, мою руки с мылом, оттираю брызги крови. Это Додика, которому только что сломали нос. Крутой бил так, что я даже не сомневаюсь: там кости всмятку.

Боже, это очень серьезно, куда я попала? Они здесь все опасные бандиты! Мне надо быстрее достать информацию и свалить отсюда, пока еще цела.

– Что ты здесь делаешь?

Оборачиваюсь и вижу Савелия Романовича. Черт, что он делает в женском туалете?!

Он подходит и моет руки, я вижу, как с его костяшек стекает кровавая вода.

– Что…

– Где ты находишься? Или тоже на колесах?

Понимаю вопрос запоздало, смотрю на табличку на дверях.

– Я… – в мужском туалете. – О боже, извините, я случайно!

Порываюсь сбежать, но останавливаюсь и оборачиваюсь, держась за края его пиджака.

– Савелий Романович.

– Что?

– Спасибо, – говорю честно, боюсь представить, что бы мне тот наркоман сделал.

– Вали отсюда, воробей.

– Я Даша. У меня есть имя.

– Я помню.

Когда мы выходим из туалета, Крутой проходит в зал, садится за столик к своему Прайду, а я отдельно.

Меня за стол никто не зовет, но сегодня я ухожу довольная.

В пиджаке Савелия Романовича ключи лежат. От его кабинета. Я добуду информацию, и мы с Алисой станем свободными.

Глава 14

– Здоров, брат.

– Фари, где тебя носит?

– Малой заболел.

– Порядок?

– Уже лучше, ангина, Моника сидит с ним. Я видел кровь в коридоре, что за кипиш?

– Додик на колеса подсел. На девочку бросился. Пришлось провести воспитательную беседу.

– Подожди, на какую еще девочку?

Вспоминаю перепуганные глаза воробья. Ей когда больно, они темнеют, становятся фиолетовыми. Сам не знаю, как не убил Димона, руки до сих пор горят.

– Дашу.

– Даша, значит, снова она, – Фари коротко кивает. – Савва, ты что, не видишь?

– Чего?

– Она играет роль овцы и роет под всех нас.

Закашливаюсь дымом. Большего бреда в жизни не слышал.

– Еще скажи мне, что эта девчонка – тайный шпион. Это проблема, она неуклюжая, растерянная, и ей жаль цветов, так что не смеши меня, Фари. Вчерашнее дите, не более того.

– Может быть, но у меня чуйка, что эта девка не так проста, как кажется, а если уж так на малолеток потянуло – купи, трахни и забудь.

Усмехаюсь, стряхиваю пепел в пепельницу. Фари проницателен, порой мне кажется, что он читает мои мысли, но все же эта девчонка не в моем вкусе. Слишком молодая, тощая, светловолосая. Я таких не трахаю и не бросаюсь на свежее мясо в клубе, как только оно там появляется.

– Спасибо за совет, мамочка.

– Савва, мы не берем людей с улицы. Забыл свое же правило?

Докопался, блядь. Только Фари так умеет. Как будто заняться больше нечем.

– Эдик, мозг мне не трахай, и без того дел полно. Из-за этой девки я расхуярил свой новый мерс и прощать такое западло не буду. Пусть отрабатывает, потом отпущу.

– Хорошо, будь по-твоему, но пожалуйста: осторожнее.

Присматриваюсь. Мне не нравится его интонация, и Фари уже это знает.

– Это угроза?

– Нет, я защитить тебя хочу. Если честно, Савва, то ты уже так нарвался, что тебя полгорода пришибить хочет. Особенно за твое новое казино. Скромнее надо быть, на хуя нам эти миллионы, мариновать их будем?

– Я не буду поскромнее, и ты это знаешь. Пусть признают настоящего хозяина города.

– Многие слюнями уже подавились, как только узнали, что помимо земли ты и казино к рукам прибрал, и ювелирки, и даже уже рынок. Это опасно, теперь одно неверное движение – и все вспыхнет, как спичка.

Откидываюсь на спинку дивана, я шел к этому десятилетия и не собираюсь так просто давать заднюю.

– Волков бояться – в лес не ходить. Фари, пусть дышат в спину. Крыша всем нужна. Уважения больше будет.

– Так-то да, но теперь конкуренция сильнее вырастет! Кстати, Черная Борода звонил. Он недоволен, что ты ни хрена с ним не согласовываешь! Он сам хотел это казино. Ты его опередил.

Стискиваю зубы. Как они меня достали. Порой мне хочется жить одному в этом городе. Было бы проще. Ненавижу подчинение, я сам себе хозяин.

– Фари, повторяю последний раз: Гафар мне НЕ указ! И никто другой тоже! Когда я бабу собираюсь трахать, мне тоже с Черной Бородой согласовать надо?!

– Савел, он мэр города! Он теперь власть!

– Блядь, Я САМ ВЛАСТЬ! Побольше его буду, и ты прекрасно знаешь это, Фари! Кто Гафару помог в выборах, кто делал всю грязную работу и давил его конкурентов, как щенков? Не мы ли с тобой этим занимались? Так что пусть будет благодарен, а не быкует теперь.

– Ну так и Гафар тебе крышу давал, когда прижимали менты! Брат, это Черная Борода тебя от тюрьмы отмазывал столько раз, забыл? Так что это ты не быкуй, надо уметь договариваться.

– Фари, мне похуй, почему-то я делаю львиную долю работы Гафара, пока он там со своими чеченцами разбирается. И заметь: я к нему НЕ ЛЕЗУ! Он хотел быть мэром и сидеть в дорогом кабинете, ему нравилась открытая власть – пожалуйста, но на мою территорию пусть НЕ сует свой длинный нос!

– Доиграешься, блядь. Видит бог, ты со всеми перегрызешся, даже с теми, с кем дружить надо.

Фари наливает нам виски, выпиваю залпом, как лекарство, но вкуса не чувствую, и почти не вставляет. Я не помню, когда расслаблялся в последний раз. Порой мне кажется, что на моих плечах слишком много груза и ответственности, потому что большие деньги – это всегда риски, мы тут не в куклы играем. Иногда лед настолько тонкий, что один неосторожный шаг может стать последним.

– Фари, я понимаю, ты осторожен, но не кипишуй, мы с Черной Бородой всегда договоримся. Вообще не вижу проблемы.

– Ну да, главное, чтоб он тебя случайно не прирезал, чеченец все же, – Фари усмехается, шутку понимаю. – Гафар не главная проблема, согласен, в отличие от Беркута.

Сцепляю руки в кулаки. Вот кто-кто, а этот точно заноза в заднице. Лезет и лезет, бешеный пес. Лучше бы и дальше на зоне своей сидел, бульдог проклятый.

– Меня этот Витенька уже достал. Отправь ему поздравительную открытку “с освобождением”, и на этом все.

– Нельзя. Во-первых, он будет говорить только с тобой. Во-вторых, ему казино твое даром не сдалось.

– Чего он хочет?

– Место под застройку. Поселки и в центре несколько новых районов. Надо поделиться, Беркут-старший нам еще пригодится в будущем.

– Перебьется. Я делиться землями ни с кем не буду. Все, что мое, моим и останется.

– Не жадничай, Савва, теперь надо думать на много шагов вперед.

– На хуй его пошли, да и все.

Фари качает головой, снова закуриваю. Дурацкая привычка. Мне надо в отпуск лет так на десять, только желательно не строгача.

– Значит, так, сейчас внимательно меня послушай, Савва: Беркут-старший вообще не тот, с кем нам надо ссориться. С ним дружить очень полезно. Особенно сейчас, когда идет передел власти. Я передам, что ты готов к диалогу. Соловей, если что, подстрахует, договоритесь как-то.

Фари, как обычно, дожмет даже убитого, но в каком-то смысле он прав. Надо осторожнее. Бойся врагов своих, но друзей бойся сильнее.

– Где Брандо?

– Не знаю, не видел два дня.

– Передай ему от меня последнее китайское предупреждение.

– О чем ты?

– Если я еще раз я увижу, что Саня девок моих пугает и по углам зажимает без их на то согласия, я сломаю ему нос. Будет, как у меня, кривой, только хуже, – говорю прямо. От Фари у меня нет секретов, и мне похуй, что это его младший брат.

– Понял, я поговорю. Что-то еще есть?

– Да, проконтролируй, чтобы Додик слез с колес. Если не получится, я не хочу его видеть ни здесь, ни еще где бы то ни было.

– Хорошо. Там Ганс пришел. Принес кэш, пускать?

– Да, давай, только быстро.

Глава 15

Пиджак Савелия Романовича лежит у меня на стуле в комнате. Каждый раз, когда смотрю на него, вспоминаю, как он меня защитил от того Додика. Крутой ведь мог этого не делать. Спокойно мог просто пройти мимо, но он поступил иначе.

Какой он на самом деле, я не знаю. Чем больше я узнаю Савелия Романовича, тем больше понимаю, что он соткан из противоречий. Хороший человек не станет девушек раздавать как подарки.

А что еще Крутой делал, как он пришел к такой большой власти? По правде, мне страшно это раскапывать, и я не хочу таких деталей.

Иногда я трогаю его пиджак, провожу по нему ладонями, чувствуя что-то непонятное в теле. Тепло и холодно одновременно, а еще верчу ключи в руке. Это мой шанс. Я должна, в его кабинете наверняка есть что-то важное.

Осторожно складываю пиджак в пакет и иду в клуб на тренировку.

Комната, в которой живу, кстати, тоже не моя. Порой мне кажется, что все вокруг долбаные декорации, как и я сама в них. Напуганная, загнанная в угол кукла, делающая то, что скажет Давид Алексеевич.

Я не могу бросить Алису. Я боюсь за нее, а надежды на отчима нет. Сестра еще маленькая, и я не хочу, чтобы эти бандиты ее пугали или сделали еще чего похуже. Я должна защитить Алису, и я уже звонила тетке. Она согласилась приютить сестру на пару дней, если что, а большего мне и не требуется.

Я отработаю, накоплю денег, найду квартиру, и мы уедем отсюда. Я забуду это все как страшный сон. Порой мне кажется, что я такая взрослая и самостоятельная, на мне большая ответственность, но в то же время отсутствие опыта все равно дает о себе знать.

Я не уверена, как лучше поступить, чтобы… чтобы не стало хуже.

Воробей. Крутой меня так называет, и, пожалуй, он прав. Я и правда словно оторванная от своего дома птичка, запущенная в клетку ко львам на растерзание. Одно неверное движение, и этот зверь сломает мне крылья.

Савелий Романович опасен, как и все, кто в Прайде, потому я даже не думаю ни в чем ему признаваться. Тогда попаду под удар не только я, но и Алиса.

Я им не доверяю, я все такая же чужая, какой была в первый день в клубе, потому мне просто нужно добыть информацию, и тогда я смогу уйти. Никаких подружек у меня здесь тоже не появилось, а причина до банального проста: каждая из девушек горло готова перегрызть за место потеплее.

***

Я улавливаю момент, когда Савелий Романович отсутствует и в клубе предельно тихо. У меня есть несколько свободных минут, потому я осторожно пробираюсь вглубь коридора и дохожу до его кабинета.

Осмотревшись по сторонам, тихонько открываю дверь ключом, проскальзываю внутрь, держа в руках пакет с пиджаком Крутого. Я постирала эту вещь и даже погладила. Не знаю зачем, просто.

Кабинет довольно большой, строгий, с хорошим дорогим ремонтом в темно-коричневых оттенках. Массивный письменный стол, черный кожаный диван, много пепельниц. Зеленая лампа, какие-то папки, документы, договоры.

Я знаю, что это не основной кабинет Крутого, но он проводит здесь много времени, и, как я понимаю, большая часть договоренностей проходит именно в этом клубе.

Оставляю ключи на столе, не думаю, что Крутой вспомнит, где их оставил, тем более что Вера часто закрывает кабинет сама.

От волнения разбегаются глаза: по правде, я не привыкла шастать в чужих вещах и даже не знаю, с чего начинать. Достаю ручку с блокнотом и тупо начинаю выписывать какие-то номера и имена, которые хватаю первыми со стола.

Лихорадочно пробегаюсь по документам. Что-то про казино, Крутой его взял в аренду, и еще несколько магазинов. Потом идет записка с именем “Беркут”, но почерк такой размашистый, что я не понимаю, что именно там написано.

Осторожно открываю ящики стола, но могу посмотреть только верхний, остальные закрыты на ключ. Там сигареты, зажигалки и… презервативы – да уж, джентльменский набор.

Где Крутой хранит остальное? Это же точно не все.

– В сейфе поищи.

Вздрагиваю от низкого голоса, резко оборачиваюсь и вижу Фари. Он стоит, облокотившись о дверь, смотрит на меня презрительным взглядом.

– Я ничего не искала, я просто…

– Просто шарилась по кабинету Крутого, правда?

– Нет. Я оторвала пуговку и искала нитку с иглой. Дверь была открыта.

Вру, краснея, кажется, до кончиков волос, а Фари только усмехается. Вряд ли он поверил, но в моих руках пусто. Я ничего не брала, а тот листик, на который все записала, успела спрятать вместе с ручкой.

– Ладно поёшь, малышка, да вот только врать ты можешь кому угодно, но только не мне.

– Я не вру.

Порываюсь уйти, сбежать отсюда, но Фари резко за руку меня перехватывает, до боли сжимая ее свой лапой.

– Осторожнее, девочка! Кто бы тебя ни прислал сюда, им было абсолютно плевать на тебя! В опасные игры играешь. Крутой не знает пощады. Уйди по-хорошему, если жизнь тебе дорога.

Его захват как клешня, а взгляд точно сканер, и, будучи пойманной на горячем, я начинаю паниковать:

– Уберите руки, я ничего не сделала! Мне больно!

– Что здесь происходит?

Савелий Романович. Он появляется в дверях, здоровается за руку с Фари.

– Здравствуйте, – лепечу, и Фари меня отпускает. Быстро выравниваю спину, отхожу на шаг назад.

– Что ты здесь делаешь?

– Копается в твоих вещах, – язвит Фари, а я то на него, то на Крутого смотрю и не знаю, что сказать в свое оправдание.

– Неправда!

– Эдик, там Ганс пришел, что-то снова хочет. Пойди глянь.

Фари уходит, и мы с Савелием Романовичем остаемся наедине.

– Я слушаю, воробей.

Он подходит ближе, наступает на меня, как лев на овечку. Крутой поверил Фари или мне? Я понятия не имею.

Признаться или включить дурочку? Кажется, я выбираю второе.

Облизываю губы, невинно хлопаю глазами – авось пронесет.

– Я… я это. Платье порвала. Искала нитки. Дверь была открыта. Я заблудилась.

Глава 16

На лице Крутого читаю раздражение.

– Здесь нет никаких ниток, воробей.

– Да, я уже поняла. Извините, что вот так влезла. Я ваш пиджак хотела вернуть. Он постиранный. Вот.

Боже, пиджак – моя спасательная шлюпка. Подхватываю его и достаю из пакета, осторожно кладу на диван.

Стою и не шевелюсь. Жду реакцию, Савелий Романович подходит ближе и осматривает вещь, вроде бы остается довольным.

– Девочка, у меня все построено на доверии. Кто со мной – живет хорошо и сыто. Я могу тебе доверять? – спрашивает прямо и так открыто, что у меня в висках пульсирует от напряжения. *Просто скажи "да".*

– Да. Конечно, да.

По правде, я не готовила речь, это все импровизация. Просто ориентируюсь, как и что сказать, чтобы быстрее втереться в доверие. Как какая-то змея, крыса, которой, по сути, я и являюсь.

– А теперь скажи, почему ты была в моем кабинете на самом деле?

Подходит ближе, и я теряюсь. Во рту сухо становится, почему-то начинает трясти.

– Я… я это. Просто.

Крутой давит энергетически, физически, морально – как угодно. Я чувствую, как тарабанит сердце, ладони вспотели, в разведку меня точно посылать нельзя.

– Что просто?

– Просто хотела увидеть вас. Искала повод.

Боже, Даша, ЧТО ты снова несешь?! Успокойся, выровняй, ты сейчас сама себя запалишь.

– Ладно, допустим. Вот он я. Почему ты не смотришь мне в глаза?

Крутой загнал меня в угол. К стенке прижал, как мошку, выкрутиться не выйдет, и басня про пуговицу с нитками не сработала.

– Вам честно сказать?

– Со мной нельзя по-другому.

– Вы меня пугаете, Савелий Романович.

– Думаешь, то, что обо мне говорят, правда?

– Думаю, да.

Крутой наклоняется, заставляя меня всю просто трепетать рядом с ним.

– На самом деле я хуже. Жру младенцев на завтрак.

Меня бросает в липкий пот, а Савелий Романович усмехается своим большим ртом.

– Это не смешно.

– А я люблю такой юмор! Интересно, что во мне тебя пугает больше всего, воробей?

Не могу даже ответить. Стою и хлопаю на него ресницами. Крутой смотрит на меня, а после разражается громким смехом. Таким заразительным, что я чувствую, как щеки стали пунцовыми. Он просто издевается.

"Все" – сказала бы я, но сдерживаюсь.

– Меня пугает ваш взгляд. И ваши руки. Вы на зверя дикого похожи. На льва.

– Тебе точно восемнадцать?

– Да.

Крутой протягивает руку ко мне.

– Коснись меня.

Осторожно вкладываю руку в его ладонь, видя, что она там утопает. Лапа это львиная, а не ладонь.

– Ну что, страшно?

Касаюсь пальцами его смуглой кожи. Грубая большая рука. По телу бегут мурашки.

– Не знаю.

– А так?

Привлекает меня к себе. Быстро, жестко, тогда как я теряюсь и одновременно вся сжимаюсь в тугой комок. Невольно за плечи его ухватываюсь (чтобы не упасть).

– Вы меня не обидите…

Его руки ложатся мне на талию. Сжимает, как будто клешнями.

– Какого черта ты роешься в моих вещах, быстро сказала!

О боже, он не верит, не верит ни единому моему слову!

– Мне было просто интересно! Я ничего не брала, пустите!

– Ты врешь, маленький воробей. А может, мне перебрать твои перья?

О нет, этого мне точно не надо.

– Я хотела лучше узнать вас. И все! Ничего больше.

– На хрена?

– Да потому что вы мне нравитесь! Что непонятного?!

Савелий Романович усмехается, а я прикусываю язык. На кой черт я это ляпнула?! Чтобы Крутой отстал или скорее потому, что это чистая правда… На нервах сказала, просто вырвалось. Снова.

– А что еще ты хотела, Даша?

– Ничего, пустите!

– Не пущу. Не дергайся! Ты пахнешь пьяной вишней. Как ликер.

Вот что значит попасть в лапы зверя. Я изо всех сил трепыхаюсь, как птичка, а ему хоть бы что! Держит обеими руками, не шелохнется.

– Я никогда не пробовала ликера. Не знаю даже, какой он на вкус!

– Сейчас попробуем.

Вот тут уже я теряю почву под ногами, потому что Крутой зажал меня, как мошку, сдавил мою шею ладонью, а после наклонился и впился в мои губы горячим поцелуем.

Это словно торнадо, какой-то неугомонный ураган. По правде, это мой первый в жизни поцелуй. Бабочки проснулись, ожили и затрепетали острыми как бритва крылышками. Его губы теплые, колется щетина.

О боже, Савелий Романович меня целует! Поначалу нежно, словно пробует на вкус. И я тоже. К своему стыду, все же чувствую терпкий вкус его губ, а после распахиваю глаза. Негодование просто распирает.

– Ну что, попробовали? – лепечу тихонько, а Савелий Романович только усмехается.

– Нет, что-то не распробовал. Еще надо, – басит Крутой и снова целует меня в губы, а после перехватывает мою голову и устраивается поудобнее, сильнее вжимает меня в себя и в этот раз проталкивает настырный язык мне в рот.

От шока я маленько торможу и чувствую только, что плыву где-то на облачке. Высоко и совершенно без страховки. Осторожно ухватываюсь за крепкие плечи Савелия Романовича, чтобы не упасть.

Я не знаю, что со мной. Чувствую только, что стало очень мокро и горячо между ног, все аж заныло, и сильно потянуло внизу живота. Ноги задрожали, меня повело, а после… после распахивается дверь.

– Хм… извините, что помешал, но там Круглов пришел. Побеседовать хочет, пускать?

Фари вошел, и Савелий Романович резко прекратил поцелуй. Отошел от меня, убрал руки.

Я же так и стою ошарашенная. Губы горят от его жесткой щетины, в голове мед, а в кармане сворованная информация, но я вроде выкрутилась. Вроде бы.

– Да, пускай.

Крутой поправляет пиджак и садится за стол, тогда как я тушуюсь. Стыдно, непонятно, что это вообще только что было.

Савелий Романович меня поцеловал. Без разрешения просто прижал к стене и “попробовал”. А я и не упиралась… Как дурочка просто, еще и отвечала на поцелуй.

– Ты еще здесь?

Фари сверлит меня взглядом.

– Я уже ухожу!

– Она никуда не уходит. Сядь на диван, воробей, мы не договорили.

Ловлю молнию во взгляде Фари и послушно устраиваюсь на краю дивана, стараясь не привлекать к себе внимания. Это первый шаг, Крутой оставил меня при себе и поцеловал меня!

О боже, это не входило в мои планы, но спасло меня от раскрытия. Крутой бы обыскал меня, я в этом ничуть не сомневаюсь.

Сердце колотится как маленький барабан. Как реагировать, не знаю. Я маленько в шоке от того, что творю.

Это была просто случайность, правда? Зачем Крутой это сделал? Зачем я ляпнула ему о том, что он мне нравится?! Это же не так…. Или, скорее, очень даже так. Боже.

Пытаюсь собрать мысли в кучу, а после вижу в дверях мужчину в форме. Он входит первым, а за ним мельтешит девочка. Еще совсем ребенок, лет тринадцати.

Затаиваюсь, ничего уже не понимаю. Да, к Крутому часто приходят всякие личности, но зачем этот мент привел сюда ребенка? Что происходит…

Глава 17

– Здравствуй, Савел.

– Савелий Романович для тебя. Говори. Я слушаю.

В голосе Крутого сталь. Холодный, прямой, уверенный. Со мной он говорит более мягко, или мне так хочется думать.

Гостям никто не предлагает присесть. Фари стоит рядом, облокотившись о стену. Они здесь хозяева, и мент отлично понимает это.

Я вижу, как у Круглова по виску скатилась капля пота. Он жутко нервничает, мнет манжеты подрагивающими пальцами.

Эта девочка стоит за его спиной и, кажется, не понимает, что здесь происходит, так же как и я.

– Я пришел сказать, что денег не будет. Кредиторы отобрали последнее, занять не вышло, квартиру списали.

– Мне насрать на твои объяснения. Фари!

– Нет, стойте! Я же сам пришел, Савелий Романович! Мне очень жаль, что все так вышло. Мы не первый год знакомы…

– Не виляй, майор, здесь тебе не твой участок, а моя земля. Ты продался конкурентам, подставил меня и создал мне огромные проблемы. Мы получили ущерб, потери в людях и ресурсах. Я тебя уже предупреждал, ты не слышал.

– Знаю, я виноват, но я хотел как лучше! Так вышло, мы просто не поняли друг друга.

– Нет, ты просто хотел усидеть на двух стульях и потому врал весь год. Ты мне надоел. Фари, проводи.

– Подождите! Давайте по-хорошему договоримся. Вот.

Этот мент берет за руку девочку и подталкивает ее вперед. Она маленькая и худенькая. Дрожит, смотрит на Крутого испуганным взглядом.

Длинные черные волосы, огромные синие глаза. Ее нижняя губа разбита. Вот и она, любовь родного папы.

– Это че такое? Кто это? – спрашивает Крутой, закуривая, а Круглов кладет руки на плечи девочки.

– Это Мила. Моя дочь. Савелий Романович, возьмите ее себе в уплату моего долга. Она хорошая. Вы же все равно не женаты – вот, невестой вам будет.

Повисает долгая пауза, и я слышу, как барабанит мое сердце. Крутой молчит, смотрит на эту девочку тяжелым взглядом, жадно затягиваясь сигаретой и выдыхая дым через нос.

Я же порываюсь высказать все, о чем думаю, но затыкаюсь. По правде, слов даже нет. Что они здесь творят, как так можно-то? Дарят, отдают, продают девушек, а эта Мила… она же еще ребенок. Девочка совсем, я вижу, как ее глаза наполняются слезами и она молча опускает взгляд.

Тот самый момент, когда понимаешь, что попала вообще не в ту компанию. Это какой-то кошмар, а не клуб, что у них тут за законы волчьи? И они сами волки! Дикие, вольные, возомнившие, что им все можно.

– Не надо… не отдавай меня ему, – тихонько говорит Мила. Ее пальцы подрагивают, впрочем, как и вся она.

О боже… Неужели Крутой пойдет на это, неужели пойдет?

От страха я даже пошевелиться не могу, да и этот мент. Как так можно – привести свою родную дочь к матерому бандиту и просто отдать ему? Это же родной отец, а не отчим даже, как у нас с Алисой, которому на чужих детей плевать с высокой колокольни.

Вижу, как Савелий Романович оперся сильными руками о стол, как серьезно смотрит на эту девочку, а после переводит взгляд на Круглова.

– Ты ебанулся, майор, какая из нее невеста?

– А что такого?.

– Ты охуел, я тебя спрашиваю?!

– На время, Савелий Романович, отсрочку, пожалуйста! Я все разрулю! – лепечет этот мент, тогда как девочку начинает бить крупной дрожью, да и меня тоже. Лучше бы я ушла и не видела этого всего. Лучше бы не видела.

На миг мне кажется, что глаза Крутого стали черными. Он разозлился, и, пожалуй, я еще его ТАКИМ не видела. Жестокий, бешеный зверь, и я могу только представить, каково сейчас этой Миле, которую родной отец пытается сбагрить бандиту за долги.

– Хорошо, Дима, тебе нужна отсрочка, а МНЕ что с ней делать?!

– У меня больше ничего нет! Вот, только Мила осталась. Пожалуйста. Она послушная. Давайте договоримся.

– Фари, убери его! Просто, мать твою, с глаз моих СОТРИ! – басит Крутой и тушит сигарету. Я вижу, как он напрягся, как ходят желваки от злости на его скульптурном лице.

– Куда?

– На хуй! Вообще уже офонарел.

– Савелий…

– ПОШЕЛ ВОН! – Крутой прогремел на весь кабинет, а я сжалась вся, захотелось превратиться в маленькую точку. – Еще раз сюда припрешься – ноги переломаю! Идиот, – прорычал и достал бутылку коньяка, плеснул в стакан и выпил залпом. Фари увел этого мента с девочкой, а я так и осталась сидеть на диване, желая слиться со стеной.

Когда мы остаемся снова одни в кабинете, я вижу, как разозлился Савелий Романович, но близко к нему сейчас подходить не рискую. Тихонько поднимаюсь, сглатываю, перевожу дыхание.

– Спасибо вам.

– За что?

Кажется, он и правда не понимает. Напряжен весь, аж рубашка на нем трещит.

– Вы пожалели ее.

– Нет, мне этот геморрой на хуй не сдался.

– Но ваше решение ее спасло!

– Ее уже не спасти, Даша.

– Почему вы так говорите?

– Круглов сильно нарвался, и за ним уже полгорода охотится. Он опустился, и у него больше ничего нет. Не мне, так кому-то другому ребенка своего предложит. Вопрос времени. Я отказался, а кто-то другой, может, и согласится. Невеста, мать его.

– Так спасите эту девочку, пока не поздно!

– Я похож на господа бога?

– Нет, но ее отец…

– Будет сам разбираться, а ты не лезь туда, куда тебя не просят! – гаркнул на меня, а я сжимаю кулаки от негодования.

– Легко говорить так, когда полны власти. А если бы вашу дочь так же?!

Вера предупредила не лезть к Крутому с личными допросами, он этого не выносит, но уже поздно.

– А разве видно, что у меня есть дети?!

Буравит меня тяжелым взглядом, слышу в его голосе раздражение.

– Не знаю… что-то не похоже.

– Оно и к лучшему. Девочка, ты не в сказку попала, так что сними свои замыленные розовые очки.

– Надо видеть в жизни хорошее!

– Надо видеть в жизни реальность прежде всего.

Не знаю почему, но меня это задевает.

– Я не жила в сказке, чтоб вы знали, но, несмотря на это, мне хочется верить в добро.

– А как ты жила? Где твоя семья?

Вопрос цепкий, точно выстрел, я коротко киваю:

– Нет у меня семьи. Я сама за себя, – вру без заминки. Не буду ему говорить про Алису. Если Крутой Миле не захотел помогать, то и моей сестре уж точно не на что рассчитывать.

Уверена, так будет безопаснее для Алисы. Лучше, чтобы о ней никто не знал, а со своей совестью я разберусь тогда, когда она будет в безопасном месте, подальше от отчима и цепких рук Давида Алексеевича.

– Девочка, если пройдешь испытательный срок, мы твоей семьей будем.

– А если не пройду? На окружную отправите, как и обещали?

– Да, надеюсь, это понятно?

Внутри что-то жжет. Крутой не врет, не виляет, а говорит прямо, как всегда. Этот наш поцелуй не значил для него ровным счетом ни-че-го.

– Более чем, и это…Савелий Романович, купите себе вишневый ликер! – язвлю, обида распирает.

– Зачем?

– Чтобы было что пробовать! А меня больше пробовать не надо, – говорю прямо, едва сдерживая слезы, а Савелий Романович только усмехается:

– Острая на язык, маленькая язва. Уверен, в постели ты тоже огонь.

– Этого вы не узнаете!

– Посмотрим.

Вот нахал, а! Посмотрит он, я бы ему сказала!

– А тут и смотреть не на что!

– Думаю, ты меня хочешь, Даша.

От его наглости меня просто распирает.

– Вы слишком самоуверенны, заносчивы, некрасивы и вообще не в моем вкусе!

– Правда?

Крутой откидывается на кресле. Сидит как король, настоящий хозяин города. Если по-честному, то мне сложно оторвать от него взгляд. И вроде мужик мужиком, ну некрасивый он, а я не могу перестать пялиться на него.

– Да! Детей можно вами пугать! И вообще, ваш поцелуй был ужасен, мне вообще не понравилось!

– Что ж, ты тоже не в моем вкусе. Двигаться не умеешь, ни сисек, ни жопы, выгоревшие патлы – ничего особенного, – усмехается. Да он просто издевается! У меня уже щеки пылают, и я едва стою на ногах. Мне таких обидных слов никто в жизни не говорил.

– Ясно, значит, у нас взаимная антипатия, и это прекрасно. Ну тогда я пошла?

– Ну, иди.

Облили друг друга дерьмом, прекрасно.

Внутри что-то колет, но я не позволяю себе раскисать. Крутой просто “попробовал”, как он выразился. Наш поцелуй для него точно глоток ликера, не более, а для меня это впервые в жизни.

Я старательно тренируюсь, ведь мое дебютное выступление на сцене уже через две недели, и я должна сделать все, чтобы мой танец понравился всем. Так я стану частью “семьи”,

как сказал Савелий Романович, а мне это и надо. По-другому я просто не смогу быть ближе к нему, и да, он мне не нравится, он меня просто бесит!

Тем же вечером я звоню Мамаю и зачитываю ему все, что успела записать. Я сливаю информацию и не говорю только о той малышке Миле. Не хочу ее впутывать в эти разборки, и мне страшно подумать о том, что ее отец может предложить девочку тому, кто от нее не откажется.

К сожалению, я оказываюсь слишком наивной, потому что эти данные не устраивают Мамая, и вместо желанной свободы от долга Давид Алексеевич орет на меня и велит продолжать “работать лучше”.

Глава 18

Вхожу в клуб. Я сам его строил, точнее, мы с Фари вместе. Это наше гнездо, наш второй дом, и здесь чего только не было. Формально заведение для отдыха, по факту – наша дойная коровка, через которую мы прогоняем левый кэш.

Все откатано, и официально не придерешься. Недаром у меня работает Ганс – лучшего финансиста не сыскать в городе. Гошу знаю давно, он прозрачный, как стекло. Я когда-то его матери помог еще вначале. Так и познакомились.

Девчонка. Моя вредная голубоглазка, которая не умеет танцевать. Почему я называю ее своей? Я не знаю, и мне это не нравится. Так же как ее хрупкая фигурка, пытливый взгляд, колючий характер.

Даша. Она меня раздражает, выводит и бесит до такой степени, что сводит скулы. А еще я хочу ее не меньше, и это просто кипятит мозг.

Она копалась в моем кабинете, притащила мой пиджак. Повод искала? Хочу верить. Пока. Воробей упорно доказывала, что я ей не нравлюсь, и это было такой забавной неправдой.

Даша не умеет врать, или я так хочу в это верить. Хочу верить в то, что не такая, как все, потому что, блядь, она не похожа на других. Ни разу. Какая-то отдельная, дурманящая вишня, крепкая и вставляющая просто за секунду.

Я не знаю, почему вообще набросился на нее. Как с цепи сорвался. Мы спорили, девчонка трепыхалась, как птичка, и я не выдержал, зажал ее и впился в вишневые губы.

Так и знал, Даша оказалась слаще меда. Вкусная, ласковая, нежная… наркотик в чистом виде, дурь. Пухлые губы, и пахнет от нее пьяной вишней так, что голова кружится.

У меня встал на нее, аж обожгло всего, по позвоночнику пробежало. Давно такого не было, чтобы вот так завестись от какой-то девки обычной, хотя воробей не обычная. Есть в ней что-то, что меня притягивает к ней и бесит в одночасье.

Она не в моем вкусе, мне такие не нравятся, я уже говорил? Так вот Даша последняя, кого бы я выбрал. Я таких не люблю, такие меня не выдерживают. Вот Кира – другое дело, а эта… кипятит кровь.

Ее русые волосы оказались на ощупь как шелк, кожа бархатная, теплая, фигура – песочные часы. Смешно сказать, но мне хотелось ее трогать, лапать, блядь, хотелось, особенно тогда, когда сирена за плечи меня обхватила, застонала мне в губы и начала отвечать.

Кукла Даша, мать ее. Сам не знаю почему, но меня пробрало. По венам ядом побежало, аж в голову ударило, повело. Прямо там, в кабинете, захотелось тряпки с нее содрать и трахнуть.

А потом Фари застукал нас. Я взбесился, но не подал вида. Мою конфету от меня оторвали, а я не наелся! Попробовал только, сам себя раздразнил.

Я не хотел этой сцены, ждал Круглова, но уж точно не того, что он припрется с “невестой”. Это взбесило, вывело из себя.

Конечно, мне разные подарки предлагали: машины, дома, бизнес, но ребенка своего отдать – это, блядь, уникумом надо быть, хотя я уже ничему не удивляюсь.

Все покупается и продается. Если Круглов уже и на это пошел, он не жилец. Не я, так кто другой его за махинации прибьет, вопрос времени. Нельзя и хорошим, и плохим быть одновременно, сидеть одной жопой на двух стульях.

Нельзя “и нашим и вашим”, у нас так не работает. Ты или выбираешь сторону, или ты вообще вне круга. А те, кто не с нами, – те точно против нас.

“Невеста” его еще должна в куклы играть, а он уже ею торгует, гребаный мусор.

По правде, захотелось прямо там его удавить, но девочка та, дочь его, рядом была, да и Дашу я сдуру оставил при себе в кабинете. Слишком грязно и много глаз, мы так не делаем.

Сирота. Воробей сирота. Я не нашел по ее фамилии никого из ее родни. Это что-то для меня меняет? Нет. Мне похуй. Я тоже уже сирота, хоть таким не родился, но Прайд теперь мне заменяет все. Такой поддержки, как здесь, я в родной семье в жизни не получал. За меня в Прайде любой встанет, и я тоже – загрызу за каждого, кто в моем кругу.

***

– Савел, у тебя встреча завтра с Беркутом. Я договорился.

Сцепляю зубы. Мы с Виктором когда-то давно вместе начинали и даже пытались сотрудничать, но дороги разошлись, мы особо не были друзьями. И пока Беркут сидел в тюрьме, все было сносно, а теперь он вышел, и нам снова слишком тесно в одном городе.

– Ясно.

– Не нервничай, он будет один. Сказал, будет налегке.

Усмехаюсь. Фари тот еще шутник.

– Витенька и без лома в багажнике? Не смеши меня. Его и одного много, Фари! Ладно, я приеду. Куда?

– У аэропорта, там площадка открытая.

– Хорошо, разберемся по ходу.

– Я тут спросить кое-что хотел.

– Что?

– Не слишком ли ты торопишься?

Как чуял. Фари знаю как облупленного, стоило ожидать нравоучений именно от него.

– О чем ты?

– Не прикидывайся чайником, сам знаешь о чем! Эта девка – темная лошадка. Да, хвостом крутит, да, невинно хлопает ресницами, но не ведись. Савел, просто не ведись! Она не нашего круга. Чужая. Ты бы лучше с Кирой разобрался, а то только голову ей морочишь!

– Спасибо за нотацию, но я сам как-то со своими бабами разберусь.

– Тебе бы в отпуск, Крутой, а то кидаешься уже на всех. Даже на тех, на кого не надо. Поедь отдохни в горы на две недели. Вы же хотели с Кирой. У нас все откатано, новая сделка скоро, мы с Даней и без тебя справимся.

Фари как клещ – умеет приебаться, хрен отскребешь потом.

– Сначала дело, потом отдых. Вместе поедем.

– Ладно, вместе так вместе. Как хочешь.

– Как малой, кстати?

– Лучше.

– С собой его берите. Ему горный воздух полезен.

– Это к Монике. Она решает.

Закуриваю, кивая. Фари тот еще каблук, но только для одной бабы.

– Моника в постели за тебя решает?

– Нарываешься, брат. Моника решает только то, что ребенка касается. Сам бы уже женился. Кира спит и видит, когда ты ей предложение сделаешь.

– Женился уже раз, мне хватило. Ладно, это лирика, где Брандо? Ты с ним говорил?

– Нет, он, похоже, загулял снова. Хуй поймешь, где его носит! Шатается где-то.

– Скажи, чтоб был готов, сделку с Саней будем проводить, его участие никто не отменял.

– Конечно.

– И да, передай, чтоб предохранялся и не трахал всякий сброд! – смеюсь, подкалываю. Фари этого не выносит, а мне нравится расшатывать его. Он тогда легче в разговор вступает, переживает за малого.

– Ну и кто из нас мамочка? Брандо тридцать лет не за горами. Уж как-то разберется, кого и как трахать!

Смеемся.

– Что за шутка? И мне расскажите.

Ганс подходит, здоровается с нами.

– Здоров, Гоша.

– Круглов, что ли, приходил или я обознался?

– Он самый.

– И вы его так просто отпустили? Вообще-то он должен нам как минимум трешку в центре. На фига вы дали ему уйти? Может, он бы чего интересного предложил!

– Полегче, Гоша. Ты переработал, – осаждает его Фари, но я уже услышал упрек.

– Точно! Ганс, как же я не додумался – надо было послушать “интересное предложение” Круглова и взять его “невесту” тринадцатилетнюю за долги! Так бы мы возились не только с этим мусором, но еще и с его дитем.

– Прости… я-то откуда знал, что тут такая жопа.

– Твое дело, Ганс, – это заведовать деньгами! Все, больше я тебя ни о чем не прошу.

– Остыньте! Хорош бодаться, было бы из-за чего! Савел…

– Я все сказал! Мне этот головняк на хуй не сдался! Месяц отстрочка и пиздец Круглову! И да, Соловью набери! На сделке ВСЕ чтоб были!

Подрываюсь, ухожу в кабинет. Не знаю, почему так злюсь, распирает просто. Мне надо все контролировать и за всех отвечать. Даже тогда, когда на косяки указывает Ганс, когда Фари меня поучает, Брандо не пойми с какой на этот раз подружкой пропадает и Беркут сверху хочет забрать мои земли. Витенька, блядь!

А еще эта девочка, которая мне НЕ нравится. Ни ее точеная фигурка, ни русые шелковые волосы, ни огромные голубые глаза и скверный ежистый характер. Бесит просто до невозможности, а еще я хочу ее как сумасшедший.

Глава 19

Эти две недели промелькнули как один день, потому что проходили в ежедневных тренировках. Я стараюсь, учу движения и готовлюсь к дебютному выступлению. Оно уже сегодня, и, как назло, сегодня же день рождения Фари.

Крутого я видела всего раз за это время, и то мельком. Он занят, все время с кем-то по телефону говорил, что-то не получалось, я видела, как Савелий Романович был напряжен, как кричал на кого-то. Беркут. Виктор Беркут. Они с ним, видимо, поругались, но деталей у меня нет.

Часто приходил Соловей, Ганс. Один раз я уловила, как они разбирают кэш. Я никогда не видела еще столько наличных денег. Ганс выгружал их из дипломата прямо на стол в кабинете Крутого.

Сделка прошла удачно, хоть и с проблемами, и я могу только надеяться на то, что та информация, которую я слила Мамаю, не создала им этих проблем.

Я больше не рискую входить в кабинет Крутого, но сдаю то, что слышу мельком из разговоров в Прайде.

Какие-то обрывки про Беркута, землю, про застройку и казино. Вся эта каша только злит Давида Алексеевича. Ему нужна конкретика, которой у меня, к сожалению, нет.

Сегодня в клубе настоящий праздник, бал, торжество. Все красиво украшено, накрыты столы, и уже сходятся гости.

Много, много гостей. Вся бандитская элита, и, естественно, я никого из них не знаю. Несут подарки, конверты, цветы, но семьи Фари я не вижу. Думаю, если она и есть, то Эдик ее сюда не приведет в такой день.

Они не показывают близких и, как бы ни обстояли их дела, всегда очень осторожны.

– Люба, я тебе уже все сказал!

– Ну почему? Валера, пожалуйста!

Выйдя из гримерки, вижу Чародея. Он садится у бара, а за ним бежит молодая девушка с темными короткими волосами.

– Ну что во мне не так? Просто скажи, ну Валера!

– Давай потом, ладно?

Чародей заказывает водку и выпивает сразу несколько рюмок, тогда как эта девушка смотрит на него влюбленными глазами.

– Я позвоню, да?

– Да.

Валера чертыхается, проводит руками по лицу.

– Здравствуйте.

– Здоров, Дашка. Ты еще здесь? И даже цела! Умница!

– А это кто? Ваша девушка?

Валера снова опрокидывает в себя водку.

– Это фанатка нашего “бизнесмена”. Привет, Даша.

Ганс. Учтив и спокоен, как всегда. Сегодня при полном параде, и он мне нравится. Создает впечатление ходячего калькулятора, умник, всезнайка, чуть-чуть психолог.

– Добрый вечер.

– Валера, зачем мучаешь Любовь?

– Я никого не мучаю! Она сама. Устал уже от этой! Везде за мной таскается.

– Интересно, что ее в тебе привлекает? Ты бывший зек, практикующий вор, и у тебя даже нет своей квартиры. Похоже, Любаша малость двинутая, – язвит Ганс, на что получает от Валеры прекрасный такой фак.

– Может, она вас любит, – осторожно предполагаю, а Валера только усмехается:

– Походит и отвяжется. Не первый раз такое. Как ты, Даша, никто тебя тут не обижает?

– Нет. Додик пытался, но он в больнице.

– Аха, я слышал! Крутой провел с ним воспитательную беседу.

– Савелий Романович со всеми такой жестокий?

– Да.

– Я слышала, что Крутой прощать не умеет. Это правда? – спрашиваю мужчин осторожно, Ганс кивает, а Валера добавляет почти шепотом:

– Не верь басням, которые про Крутого травят. Правда гораздо хуже!

– А Фари какой?

– Фари? Ну… он умен, как черт. Эдик стратег, в отличие от Крутого, который привык бить в лоб. Фари может договориться с кем угодно, он может быть добрым, услужливым, когда ему надо, и даже помогать, но это все равно будет Фари. Я бы тебе не советовал с ним связываться, впрочем, как и с Крутым. Не надо тебе это девочка. Просто не надо.

Валера уже поплыл, его развезло от алкоголя, и, как я понимаю, в таком состоянии он и маму родную продаст, все расскажет.

– Может, хватит пьяные бредни вешать на уши девочке?!

– Да я что? Гоша, я ж от чистого сердца! Ох, Даша – радость наша! Какая ты красивая – чудо!

– Валера, иди проспись.

А это уже Крутой, и я не заметила, как он подошел. Фари рядом стоит, они оба в черных костюмах, как какая-то мафия, хотя почему “как”? Они и есть мафия. Криминальная элита, верхушка, некие короли города, которых я сдаю.

– Добрый вечер, Савелий Романович. С днем рождения, дядя Эдик.

Ну а как мне еще его назвать? Не по кличке же.

Вижу, как Фари недовольно поджимает губы.

– Спасибо.

– Дебют сегодня, воробей? – спрашивает Крутой, и я на миг теряюсь.

– Да. Я готова. Вам не понравится.

Фари глаза закатывает, а Крутой складывает руки в карманы, выпрямляет спину и холодно бросает:

– Даже не сомневаюсь, что будет танец полудохлой газели.

Подъебнул. Мы в последнее время только так и общаемся.

– Лучше не смотрите, чтобы плохо не стало!

– Я выпью таблетки от тошноты.

Укололи друга, какие молодцы.

На самом деле мне страшно. Сегодня Крутой решит, что со мной делать. Станцую хорошо – возьмет к себе, плохо – выкинет на окружную, и весь план к чертям. Я сестру потеряю и сама умру – и это без преувеличений.

***

Я думала, что уже знаю, как здесь все устроено, но я ошиблась. На самом деле я видела только верхушку айсберга, потому что настоящая вакханалия начинается в эту ночь. Сегодня здесь все звери в сборе, они много пьют, много курят и позволяют себе все. Реально все.

Деньги расширяют рамки, а большие деньги их просто ломают. Наши танцовщицы выходят на сцену, пока я пытаюсь собраться с мыслями, а еще они обнаженные.

Сегодня все, кроме меня, танцуют без бюстгальтера. Верх полностью открыт. Они это делают специально: много богатых гостей, чаевые просто рекой льются.

Меня же всю колотит. Я переживаю. Это мой дебютный танец, и так не вовремя. Его назначили именно в день рождения Фари, когда в зале полно людей и все внимание идет на сцену.

Кстати, о сцене: там не только девушки танцуют. Я вижу Брандо впервые за долгое время, и прямо там он сейчас зажимает Нелли и жадно лапает ее за груди большими ручищами.

Для меня это дико, неприлично и вообще где-то за чертой, хотя кажется, что только для меня. Брандо ничуть не стесняется, Нелли подтанцовывает ему, виляя задом, а остальным, похоже, вообще никакого нет дела.

Этот Саша, он же Брандо, зарвался. Я вижу, что он чувствует вседозволенность. Некий излюбленный братик Фари. Его здесь обожают, и он отлично этим пользуется.

Молодой, горячий, безбашенный и такой же дикий, как брат. Они одной крови, и Брандо опасен. Я это поняла, когда он зажимал меня. Он просто без тормозов, от него можно ожидать чего угодно.

Я вижу, как Брандо голодно лапает Нелли большими руками за груди, за живот, то и дело засовывая ей деньги в трусы. Играет музыка, шампанское льется рекой, у них праздник. Они все чувствуют себя здесь королями жизни. Все, кроме меня.

Глава 20

Скоро мое выступление, иду в зал, беру воду. Что-то меня колотит все сильнее, особенно тогда когда вижу Савелия Романовича. Они все сидят за столом: Крутой, рядом Фари, Соловей, Ганс. У них отдельная компания, а еще здесь много женщин. Красивые, роскошные, смелые, но я хочу, чтобы сегодня Крутой смотрел только на меня.

Хм, надеюсь, таблетки от тошноты ему помогут, хотя, по правде, слышать это мне было обидно. Я докажу Крутому, что он сильно ошибается насчет меня.

– Дашка, ты еще не готова?! Иди переодевайся, быстро!

Разгар ночи, меня зовет Карина. Киваю, прохожу в гримерку. Я опаздываю, дико спешу, засмотрелась на Савелия Романовича, как обычно, едва не пропустила свое время.

Бегом напяливаю платье, поправляю прическу и макияж. Туфли… черт, где мои туфли?! Куда я их дела, куда?

– На, растеряша!

Кира. Слава богу, она мне помогает, и уже перед самой сценой я напяливаю эти дико высокие ботфорты, туго зашнуровываю до средины бедра.

– Спасибо!

– Всегда пожалуйста.

И все в какой-то дикой спешке, ботфорты жмут, но я не обращаю внимания. Сейчас наш выход, и у меня там будет отдельное соло. Все будут смотреть на меня, этот танец станет решающим.

Приглушается свет, сменяется музыка – мы выходим. Танец медленный и эротический, с ярким финалом, и все бы ничего, я много тренировалась и помню движения, вот только мои ботфорты…

С ними что-то не то. Они все же давят, колют, жмут. По правде, ощущение такое, что я хожу по каким-то гвоздям.

С каждым шагом жутко печет. Больно невероятно просто, но уйти сейчас со сцены означает все испортить.

Я вижу, как Савелий Романович смотрит на меня. Понимание приходит быстро. Неужели это и есть его испытательный срок? Похоже, да. Они не работают со слабаками.

Сглатываю, пытаясь попадать в такт хотя бы немного, но чувствую, как стопы нещадно разрезает что-то острое. Похоже на битое стекло.

***

Пот катится по вискам, мне стало жарко. Нет, не оттого, что я двигаюсь хорошо, – от боли. Я медлю, ступаю осторожно, морщась, прыгая, как заяц, в этих ботфортах. Поглядываю в зал и быстро понимаю, что я так просто завалю танец.

Я не то что в такт не попадаю, я вообще мимо. Полудохлая газель, боже, Крутой был прав, сейчас я двигаюсь именно так.

Все смотрят на меня, и я ловлю презрительную усмешку Киры. В отличие от меня, она танцует как богиня и сейчас довольно подмигивает мне, усмехаясь.

Сцепляю зубы, ведь это не случайность, а если ее об этом Савелий Романович попросил? Он же может, конечно может. Специально. Чтобы я сдалась, а он выиграл.

Наброситься на нее сейчас означает сразу проиграть, да и я не смогу ничего сделать. Достаточно посмотреть на Киру и на меня. Это просто глупо.

***

– Что это с ней, дыма нанюхалась?

Ганс присматривается на сцену, и я тоже. Там девочка моя танцует. Хуево. Хуево, блядь, танцует, едва двигается. Еще хуже, чем тогда в випке. Регресс какой-то, двигаться разучилась или что?

Воробей сказала, мне не понравится. Не то слово, блядь, я просто в шоке.

– Обдолбанная, сто пудов!

– Я же говорил, Савел. Она никакая. С тебя пять штук. Лучше бы Лику взял, больше было бы толку.

Фари. Доволен, как черт, он любит быть правым, и сейчас как раз такой момент.

Сжимаю руки в кулаки. Вот что, блядь, с ней такое на этот раз?! Час назад была нормальная и теперь едва двигается, но постепенно девочка приходит в себя.

Вижу, как даже в ритм начала попадать хоть иногда, но почему-то вздрагивает, а после ловит мой взгляд и гордо поднимает голову.

Ну наконец-то! Проснулась, мать ее. Танцует теперь нормально, без заминки и очень даже ничего. Настолько ничего, что у меня в штанах все дымится. Чертовка маленькая! Что творит!

Нет, Даша мне не нравится, но я, сука, взгляд от нее оторвать не могу! Точеная фигура, осиная талия, плотная грудь, худые длинные ноги. Светлые волосы с каплей меди, боже, она двигается как река.

Плавно, нежно, на грани вызова. Мне и всем остальным тоже.

Оборачиваюсь и вижу, как мужики на воробья моего слюни уже пускают, и мне не нравится это.

Новенькая, свежее мясо всегда интересно. Бесит! А после Даша к шесту идет и вытворяет там какое-то безумие. При всех.

У меня встает, напряжен весь до предела. И Кира, как назло, тоже на сцене, так бы уже пустил под стол.

Вот на хуя так двигаться?! Когда она так научилась? И вроде нет там ничего откровенного, грудь полностью закрыта, задница тоже, платье длинное, а вставляет похлеще, чем голая баба.

Маленькая гибкая сучка старается, испытательный срок отрабатывает.

Сцепляю зубы. У меня болит уже все, горит, дымится!

Похрустываю суставами, чтобы отвлечься, хотя не смотреть на нее просто не могу. Завел себе зверька декоративного – вот и любуйся!

Чертов псих. Смотреть можно, трогать нет. Сам себя дразню, вообще не понимаю, какого ляда пялюсь на нее! На что, блядь, смотреть? А все же есть на что.

***

Крутой смотрит, так что терпи, Даша, двигайся хотя бы как-то, терпи!

На удивление, адреналин дает сил, в какой-то момент боль отступает, либо я себя так настраиваю, и я все же вливаюсь в танец. Стараюсь, двигаюсь, ловлю ритм, потому что вижу, как Савелий Романович смотрит.

Сейчас прямо на меня, ни на кого больше, и мне нравится. Мне это помогает, хотя слезы почему-то то и дело текут из глаз. Здесь полутьма – к счастью, этого никто не увидит.

В какой-то миг музыка меняется – это мое время. Девочки отходят на второй план, давая мне пространство.

Я прислушиваюсь к музыке и все же завершаю соло. Стараюсь изо всех сил и исполняю танец до конца.

Я смогла, я сумела, хотя, по правде, уже почти не чувствую ног. Стопы горят огнем, и кажется, будто с них содрали кожу и подожгли.

Но я Крутому доказала, и я… я не успеваю зайти за кулисы, потому что в какой-то момент у меня темнеет перед глазами, я падаю. Почему-то ноги подгибаются, и я лечу вниз прямо со сцены. Он все же победил.

Глава 21

Мне уже хочется ее придушить. На воробья все роняют слюни, каждый хочет ее поиметь. Тронуть мое, которое я даже себе не разрешаю.

Как бы я нагнул ее. Под себя выставил и трахнул. Посмотрел потом, как бы Воробей отплясывала, а после девчонку пошатывает.

Один раз, второй, а дальше она падает. Летит со сцены вниз головой. Резко, молниеносно просто глаза закатывает и сваливается на пол.

– Блядь!

– Епт! Твою ж мать! – кто-то вскрикивает, а я подрываюсь и бегу. К ней.

– Даша!

– Савелий Романович, что с ней такое?

Вера уже тут, обступили нас со всех сторон, а я вижу, что девчонка глаза закрыла. Ее лицо мокрое, ресницы светлые только трепещут. Бледная вся, губы искусаны, со сцены не было видно.

И не шевелится воробей. Вырубило ее просто, сломалась, точно кукла.

– Она что, померла?

– Заткнись, Ганс!

– Что делать? Давайте скорую…

Проверяю ее руки, все чисто, да и не принимает она, я бы такое вынюхал с первой же встречи.

Что тогда, что с ней такое?

– Эй, Дарья! Даша!

Хлопаю ее по бледной щеке, но ноль просто реакции. И горячая стала, как уголь. Какого черта она ревела на сцене? Вот на хрена танцевать и рыдать, кто так делает?

– Ну что, Савел, живая?

Хватаю ее руку, тонкое запястье, слушаю пульс. Нам на юбилее Фари только трупа не хватало. Под полупрозрачной кожей медленно тикает.

– Живая. Отойдите! Отойдите, дайте воздух!

Подхватываю воробья на руки и выношу из клуба. Погуляли, мать ее, праздник удался.

***

Девчонка – проблема, мать ее, на мою голову. Она оказывается легкой, как пушинка. Светлая кожа с россыпью веснушек, длинные ресницы, пухлые губы. Даша в отключке полной, когда я укладываю ее в машину на заднее сиденье.

Снег падает на плечи, мороз ударил, но мне тепло, жарко даже. Снимаю пиджак, набрасываю на проблему, чертыхаясь, как только можно.

Сука, это не девочка – это беда! Все время, все время с ней какой-то пиздец происходит, с первого дня!

– Савел, с вами поехать?

– Нет, я сам, Ганс – на контроле!

– Ага.

– Эй, ну-ка, открывай глаза.

Хлопаю ее по щекам, ноль просто реакции, и это мне не нравится. Какого хрена с ней случилось, я просто не понимаю, пока не обращаю внимание на ее ноги. Ходули пятнадцатисантиметровые зашнурованы до средины бедра. На черта такие носить, кому, блядь, это надо? Она что, ноги себе переломала?

Достаю нож и срезаю один сапог, стягиваю его, а после просто охуеваю, когда вижу ее стопу.

– Епт!

Нога вся в крови, в мясо исколота.

Снимаю второй сапог. То же самое, еще хуже даже.

– Это что такое…

Приехали, что называется. Потанцевала, блядь. Двойная подошва, из колодки торчат осколки стекла. Как она танцевала, как Даша вообще стояла в этих туфлях, фаршированных стеклом?

Времени нет, сажусь за руль и бью по газам в больницу. Какой-то бес шепчет просто оставить ее. Проблема ведь не моя, но нет. Не с ней и не так.

Я знаю одного штопаря толкового. Как раз наш случай. Хороший врач, и рот всегда на замке. Как ценное золото, наши передают его из рук в руки. Игорь. Игорек, мать его. Погосов.

Ловлю Игоря в травме, держа Дашу на руках. Все еще без сознания, никакая просто.

– Игорь! – ору на все отделение, с ног Даши кровь капает на белый кафель. Вижу, что привлекаю внимание, но, честно говоря, мне абсолютно похуй. Пусть смотрят. Желательно прямо в глаза, а не в спину.

Игорь с пациентом стоит. Папка в руках, белый халат, медицинский костюм. Айболит чертов, вот только он, когда замечает меня, подходить не торопится. Наоборот, резко разворачивается и с видом занятого кактуса шлепает в другую сторону.

– Погосов! Я тебя вижу! Иди сюда!

Да, я и черта достану. Хуй он свалит, я уже его увидел. Останавливается, идет ко мне.

– Здравствуй, Савелий Романович, давно не виделись.

– Я к тебе. Помочь надо.

– Честно говоря, боюсь спросить, что случилось?

– Стекло. Порезалась.

Игорек уж больно нервный, видно, уставший, как черт, но все же принимает нас.

Заходим в манипуляционную вместе, он сразу сует малой под нос что-то вонючее.

Воробей распахивает глаза, пьяно на нас смотрит, а после видит свои ноги все в крови и начинает рыдать.

***

Фари

Мы всегда были осторожными, потому что выжить можно было только так. По молодости мы натыкались на все грабли, какие только можно, мы учились на своих ошибках, и все не зря.

Мы добились власти, уважения, связей, и теперь Прайд – это не просто способ заработать, это наша жизнь. Наш круг, семья, если хотите, и я терпеть не могу, когда кто-то чужой пытается в него влезть без разрешения.

Не брать людей с улицы. Савел сам придумал это правило и теперь сам же его нарушает. Он расстраивает меня, потому что ничего не боится, а бояться все равно надо, как бы ты высоко ни поднялся. И дружить с полезными людьми тоже надо, а не на три буквы их посылать, как Савва любит делать.

Да, это резво, это смело, но недальновидно. Савелий никогда ничего особо не боялся, боялся я за него, и в разных ситуациях это нам помогало. Крутой всегда был диким и пробивным, потому вместе нам работалось очень даже неплохо.

И сейчас как раз тот момент, когда Прайд идеален. У нас уже есть все, кто нужен, и новые люди просто не требуются. Особенно бабы. От них одни проблемы, а Савелий не слышит. Ему плевать, и это просто выводит.

Я говорил, Ганс уже ему говорил, но у Крутого на все свое мнение, и если бы он не был моим братом, то я бы уже переломал ему кости, а так мне приходится мириться с его закидонами.

А еще мне приходится терпеть ту подставную девку, которая влезла в наш клуб. Крутой не верит, смеется над моими предположениями, да вот только хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Да, я ничего толком о ней не нарыл, но она мне просто не нравится. Не знаю, чуйка какая-то, и эта Даша ни разу не простая.

Актриса, возможно, не знаю, но у нее есть какой-то секрет, и не дай бог она окажется крысой. Порой мне кажется, эта девочка просто не понимает, куда попала и что мы делаем с теми, кто нас предает.

Сева тоже не понимает, что творит. Он ослабил бдительность и перед ней уже даже не скрывается ни черта. Крутой ей доверяет, смотрит на эту девку с хуем наперевес.

Не уверен, что он прямо влюбился в Дашу. Просто Крутому льстит то, что эта девка смотрит на него как на бога. Он с ней играет, забавляется, упражняется в своем превосходстве.

Савел ее хочет и не берет. Играет с ней, сам себя дразнит, и все бы ничего, пусть развлекается, но так открыто мы не делаем.

Если заводим семьи, то очень тихо, чтоб никто не видел и не знал. Крутой же плевал уже и на это.

Он завел себе новую игрушку в клубе и развлекается с ней, вот только эта девочка сама еще, похоже, не понимает, что после того, как лев наиграется с живой добычей, он всегда ее давит и жрет.

Глава 22

Я прихожу в себя в совершенно незнакомом месте и вообще не понимаю, как здесь оказалась. Белые стены, воняет стерильностью. Напротив меня Крутой стоит мрачнее тучи, и рядом с ним какой-то врач.

А мне больно. Невыносимо просто. Смотрю на свои стопы, они все в крови. Я лежу на какой-то кушетке на пеленке.

Слезы катятся по щекам, правая нога особенно сильно болит. Адски.

– Савелий Романович, что происходит?

Крутой подходит ко мне, я вижу вблизи его лицо. Суровое, и взгляд такой тяжелый, серьезный, злой.

Боже, я же в сорвала выступление! Я это помню. Что теперь будет?

– Зачем, девочка? – спрашивает, а я не понимаю. От боли спирает дыхание, только и могу, что носом шмыгать.

– Что?

– На кой черт танцевала?

– Испытательный срок же. От вас.

И я его не прошла. Я вижу, как Крутой свел брови. Точно не прошла, трындец мне будет.

– Что? Что ты сейчас сказала?

– Не выгоняйте, не надо меня на окружную. Буду танцевать при любых условиях, – все, что получается выдавить, а после вижу, как доктор подошел, сел на стул рядом со мной, надел перчатки стерильные, включил лампу.

– Стекло вынуть надо. Ложись.

И начинает ковыряться в подносе с инструментами. И ножницы, и пинцеты там – чего только нет.

– Что? Нет! Не трогайте меня!

Забиваюсь к стене, чувствую себя загнанной в угол, вот только от этого еще больнее. Намного, и не до шуток уже мне, ни капельки.

– Савелий Романович?

Кажется, моего мнения тут никто даже спрашивать не собирается.

– Делай что надо.

Вот и подтверждение.

– Ляг, воробей. Стекло надо достать, спокойно.

Кладет мне большую руку на плечо, а я паникую:

– Я боюсь, не надо!

– Дарья, смотри на меня: или так, или под наркозом сделают!

Крутой берет меня за подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза. Холодные омуты, серо-гранитные, с синим отливом, и, как ни странно, это меня успокаивает. Не про наркоз, а то, что он меня коснулся.

– Я вытерплю. Не надо наркоза.

Этот момент. Не знаю, как так выходит, но я беру Савелия Романовича за руку. Нагло, пожалуй, но я сейчас немного не в себе, так что спишу на это.

Я держу его за руку крепко, все время не отпуская, пока доктор Игорь ковыряется у меня в ногах. Сначала в одной, а после во второй тоже. Вытаскивает по кусочкам стекло, промывает, на правую ногу накладывает швы, местно обезболив.

Все это время я не шевелюсь и не отпускаю огромную руку Савелия Романовича. Он не отходит, гладит меня по волосам. Он рядом, что действует для меня круче любого анальгетика.

– Так-с, ну я молодец, конечно! Четыре операции и ты на десерт! Красота-то какая вышла, только не прыгай пока, береги ноги.

Вижу, как Крутой кладет в карман Игорю деньги. Много денег, целую пачку. Тот кивает, молча забинтовывает мои бедные ножки, которые после всех этих манипуляций больше похожи на лапки подбитого зайчонка.

– Спасибо, Игорь. Ты никогда не подводишь.

– Вы мне выхода не оставляете. Всегда пожалуйста.

– Спасибо, – тихо лепечу и пытаюсь встать на ноги, но не могу, точнее, мне не позволяют. Савелий Романович подходит и с легкостью подхватывает меня на руки, прижимает к себе.

***

Сказать, что я малость офигеваю, – это ничего не сказать. И страшно мне, и боязно, и стыдно – и все вместе просто.

– Пустите, я сама могу идти!

Крутой молчит, несет меня по коридору, как пушинку. На улице глубокая ночь, и мне становится дико. Как зверь в свое логово тащит. Неизвестно куда.

– Пустите! А-а, помогите!

Отпускает быстро, я едва не падаю. Больно стоять, ужас.

– Тебе нашатырь в голову ударил или что? Че ты орешь на все отделение?!

– А чего вы не отвечаете, что мне думать?!

– Цыть! Молчи уже, проблема!

Савелий Романович не то что зол, он просто взбешен. Конечно, я же отвлекла его от праздника, и это обижает.

– Я не проблема! – выпаливаю, едва стоя на ногах. Не знаю, что со мной, я просто такого внимания от Крутого не ожидала. Я не готовилась, и мне стыдно, что он носится со мной, как с маленькой. Я не привыкла, чтобы обо мне заботились, и я даже не знаю, как эту заботу надо принимать.

Крутой молчит и смотрит. Долго смотрит, а после резко подходит и рывком подхватывает меня на руки, перекидывает через плечо и просто выносит из больницы на улицу. Под мои вопли, естественно.

– Не трогайте, да пустите уже меня!

Тарабаню его кулаками по широкой спине, а Крутому хоть бы что. И не шелохнется. Выносит меня босую, в одном только платье, на мороз. И снег идет, и холодно, ночь на дворе, а я в его руках, так близко. Испуганная, дрожащая, как недобитый заяц.

– Не знал, что ты такая голосистая. Может, тебе в певицы?

– Немедленно опустите меня на пол! – пищу, Крутой открывает дверь машины и буквально запихивает меня в салон.

– Чего ты орешь, воробей, что за паника?

– Я сама, сама могу идти!

– Как идти?! Здесь грязно, ты босая, глаза, блядь, открой! – рычит и садится за руль, заводит машину, включает печку, прогревает. В меня тут же летит его пиджак. Бросил, как в собаку какую-то.

– Холодно здесь, прикройся, беда.

– Как любезно. Чуть не померла!

– Какая ты нервная. Пожалуй, таблетки нужны тебе, а не мне.

– Да, я истеричка, довольны?!

– Еще бы. Возьму святой воды, – отвечает спокойно, а меня просто вымораживает. Хочется плакать и в кроватку. Все. Я устала на самом деле, я думала, что не встану уже после того танца на стеклах.

Едем по ночной дороге. Неизвестно куда. Первая решаюсь заговорить, прощупать его настроение:

– Савелий Романович, зачем вы привезли меня сюда, если я для вас только проблема?

– Скажешь, не надо было?

– Да, не надо. Я сама отлично справлялась!

Обхватываю себя руками, защищаюсь, но поздно.

– Ты чуть копыта в моем клубе не откинула. Можно и поблагодарнее быть.

Ах вот оно что! Он надеется, что я теперь ему по гроб жизни должна буду (на самом деле не знаю, что со мной, то ли гормоны в голову ударили, то ли просто я еще с Крутым никогда так близко не была, и это будоражит).

– Ну не откинула же. Спасибо, конечно, Савелий Романович, но я вас ни о чем не просила. И вообще, мне ваши подачки даром не сдались, ясно?

Да, я уже говорила, что язык мой – враг мой, и сейчас снова такой случай. Вижу, как Савелий Романович напрягается, а после с силой ударяет по рулю, отчего тот аж хрустит.

– Блядь, да ты можешь хоть один день ЭТОГО не делать!

Поворачивается ко мне. Запретный прием, потому что Крутой все же адски красивый. Блин… Только сейчас разглядела, иногда я тормоз, так вот Савелий Романович по-мужски весьма симпатичен. Мужественный такой… аж бабочки мои пьянеют от него без всякого ликера.

– Чего не делать?

– Не создавать мне проблем.

– Я ничего не создавала, они сами!

– Девочка, на меня больше ста человек работает, а пиздец всегда только у тебя!

Становится обидно. Он ведь прав. Вечно у меня какие-то проблемы, и все не то что не по плану идет, оно вообще кружится в другую сторону.

Слезы застилают глаза, и снег снова начался. Такой пушистый, хлопьями просто падает, к черту!

Дергаю за ручку двери – закрыто. Психую. От Крутого у меня такие мысли в голове, что самой страшно. Все тело как струна натянутая, боже, что это такое.

– Откройте дверь. Туда… на обочину сверните.

– Зачем?

– Домой пойду.

– Нет.

– Вы… вы просто невыносимый!

– Спасибо, знал, что я тебе нравлюсь. С первого дня, девочка, ты меня хочешь.

Да он издевается, а я психую. Кажется, я сейчас потеряю сознание, и Крутой меня сожрет.

– Ничего подобного, остановите машину, СТОП!

– Успокойся, не съем.

– Откройте эту чертову дверь! ПОМОГИТЕ!

Кажется, я все же надышалась и дыма, и нашатыря, вместе взятых, потому что мои нервы сдают и я просто набрасываюсь на Крутого.

Не знаю, что со мной, я обычно не буйная, а тут как с ума сошла.

Дерусь, как умею. Как могу, толкаю его, хочу забрать ключи, но силенки мои слабые, и Крутой в два счета меня просто зажимает.

В общем, как-то так выходит, что я трепыхаюсь, а после Савелий Романович резко тормозит, за гриву меня берет и впивается в мои губы опасным диким поцелуем. Допрыгалась, Даша, он все же поймал меня в силки.

Глава 23

Этот поцелуй как торнадо. Я не могу двигаться, отступить, упираться – я вообще ничего не могу. Крутой меня как мошку зажал, набросился на меня и не отпускает.

А я и не хочу, если честно, и уже не пытаюсь сражаться с ним. Я вижу, как он глаза закрыл и целует меня. Так опасно, страстно, запретно и по-взрослому, что вся моя спесь куда-то делась. Мне бы выжить уже, а там разберемся.

Его запах дурманит, губы теплые, щетина колючая, мне нравится. Я чувствую его терпкий вкус, а после Савелий Романович смело проталкивает язык мне в рот. Как это называется? Французский поцелуй? Я не знаю, но это как космос, только круче. В тысячу раз.

В голове мед, в животе бабочки кружатся, точно снежинки. Приятно, ново, сладко, безумно, стыдно, и… и хочется еще.

Не знаю, все мое тело трепещет, пальцы рук немеют. И правда, как ликер, я уже вся опьянела. Чувствую, как Савелий Романович гладит меня большой рукой по волосам, заправляет их за ухо, проводит большим пальцем по моей щеке и открывает глаза.

– Успокоилась?

– Да.

Мое “да” получается тихим, ошарашенным, спокойным, а Крутой усмехается. А еще я вижу, как у него из брюк эрекция выпирает. Щеки вмиг вспыхивают, только и могу, что хлопать ресницами. Я не готова. У меня еще не было мужчины.

– Сиди уже спокойно, доедем скоро.

И я слушаюсь. То ли от усталости, то ли от пережитого сегодня просто затихаю, я доверяю Савелию Романовичу себя.

Не помню, чтобы меня хоть кто-то так носил на руках, чтобы меня за руку держали или решали мои проблемы. Это, оказывается, приятно, когда есть тот, кто может помочь, кто может поддержать и не бросить в сложной ситуации.

Так думает моя уставшая от боли голова, и, кажется, я даже успеваю задремать в машине Крутого, потому что, когда распахиваю глаза, мы уже совершенно в другом районе.

Крутой за рулем. Сосредоточенно на дорогу смотрит, держит сигарету в зубах, но не закуривает. В салоне жара, он рубашку на две пуговки верхние расстегнул. Я вижу его грудь немного, покрытую волосами. И правда, как лев.

Печка работает на всю катушку, замечаю, как у Савелия Романовича пот катится по виску.

– Согрелась?

– Да.

– Наконец-то.

Выключает печку, а я смотрю, что мы где-то на пустынной дороге и вокруг только ночь.

– Куда вы меня везете?

– В лес. Медведям скормлю. Они любят истеричек.

– Что?!

Дрожь разливается по всему телу, Крутой молчит, а после его губы растягиваются в усмешке, поворачивается и опасно смотрит на меня.

– Не трясись, воробей. Не обижу.

Вот гад, а! Он просто издевается надо мной, смешно, видите ли, ему.

– Не доверяешь ты мне, девочка. Правильно делаешь.

Закуривает, жадно затягивается сигаретой, выдыхая дым через нос. Меня не смущает это запах, мне нравится. Ему идет.

– Подвезите к остановке, пожалуйста.

– А домой как доберешься, на коленях?

Смотрю на свои перебинтованные ноги. Болят, больно даже шевелить пальцами. И я все еще без обуви.

– Придумаю что-то.

– Сиди уже, сказал же, довезу.

– Вы знаете, где я живу? – с настороженностью спрашиваю, а после понимаю, что у меня адрес был записан в документах. Мамай и тут влез. Он знал, что Крутой проверять меня будет.

– Знаю.

– Савелий Романович, – обращаюсь тихо, надо как-то вырулить. Хоть чуть-чуть.

– Что?

– Я не истеричка. Правда. Извините, что набросилась на вас.

Он молча кивает, а мне неймётся.

– А вам понравился ликер сегодня? – спрашиваю осторожно, ну а что? Мне же интересно.

– Какой еще ликер?

– Этот.

Прикладываю пальцы к губам, и Крутой усмехается. Берет мою ладонь и целует ее, осторожно сжимает в своей большой руке.

– Понравился, но мало. Я обычно много употребляю.

– Боретесь с пристрастием?

– Скорее с зависимостью.

– Зависимость пагубна.

– Я не без греха.

– А какие еще грехи у вас имеются?

– Лучше тебе не знать, – коротко ответил Савелий Романович, и остаток пути мы ехали молча. Я куталась в пиджак Крутого и частенько поглядывала на него. На его строгий профиль, крепкое тело, по-мужски красивые сильные плечи, а он держал меня за руку. Все время.

А еще я наслаждалась его запахом, как какая-то дикая самка. Я вдыхала его, и у меня от этого немного кружилась голова.

Крутой же смотрел на дорогу. Иногда ему кто-то звонил, он коротко отвечал, что занят, а я радовалась тому, что, несмотря на все, Савелий Романович предпочел помочь мне сегодня, а не остаться в клубе в окружении множества других девушек.

– Выходи.

Мы уже у моего общежития, хотя живу я здесь всего ничего. Вещей почти нет, пара тарелок, пара чашек. Из дома отчима я почти ничего не брала и теперь понимаю, что не готова к приему гостей – и Савелия Романовича особенно.

– Это… спасибо, что подвезли. Я сама дойду.

Хлопаю ресницами, но, кажется, его терпение на исходе.

– Ну-ну.

Крутой подхватывает меня на руки и несет прямо до моей двери, как куклу. И я совру, если скажу, что мне это не нравится.

Нравится. Быть в такой опасной близости к нему, чувствовать его руки на своем теле, вдыхать запах.

Не знаю, что это, у меня такой реакции на мужчин никогда в жизни не было, впрочем, у меня и мужчины-то еще не было.

Совсем не до того было. После смерти мамы я оканчивала учебу и подрабатывала в магазине. Не до свиданок как-то, да и никто не нравился мне. А Савелий Романович нравится. Очень, и от этого еще сложнее носить маску смелой амазонки.

Я не такая на самом деле, но что мне остается? Я должна выжить в этой среде, а слабых они не любят.

Оказавшись внутри помещения, я вижу, как Савелий Романович осматривается, но не замечаю на его лице презрения, ничего подобного нет, но мне все равно стыдно.

– Давно на этой хате обитаешь?

– Нет, недавно.

– Ну, рассказывай, Даша.

Крутой берет мой единственный стул и, повернув его, садится, опираясь на спинку руками.

– Что рассказывать?

Мое сердечко прыгает от испуга. И вот вроде Савелий Романович на моей территории, но все равно ведет себя как дома, как чертов царь зверей.

– Как ты до жизни такой докатилась, девочка, и какой такой страшный секрет ты скрываешь от меня.

Глава 24

Крутой загнал меня, как мышку, угол, припер лапой, а я не могу. Рассказать правду означает поставить под удар Алису. Я не могу, она единственный родной человек, который у меня остался.

– Никакого секрета я не скрываю.

– Я тебя сейчас выпорю.

– Что вы хотите услышать?!

– Правду. Кто подложил тебе стекло в туфли?

Савелий Романович сканирует меня строгим взглядом, а я медленно выдыхаю. Не ту правду он хочет. Уже хорошо.

– Я не знаю.

– Знаешь. Худшее, что ты можешь сделать, Дарья, – это сказать мне неправду. Лги кому угодно, но не мне.

– Вы так цените честность.

– Без честности у меня бы не получились быть там, где я есть сейчас, и иметь то, что я имею. Так что? Кто это сделал?

– Я не видела кто, честно.

– Но догадываешься.

Хочу сказать «да», наябедничать на Киру, но вовремя прикусываю язык. Крутой смотрит на меня прямо, и, кажется, это проверка. Он просто смотрит, сдам ли я кого-то из своих.

– Даже если бы я знала, кто это сделал, я бы не сказала.

– Почему?

– Потому что там ваши друзья. Это я новенькая. С меня спрос.

Повисает неловкая тишина, Савелий Романович поднимется и кладет несколько купюр на комод рядом со мной.

– Что это?

– За сегодня, отработала.

– Не надо, Ганс еще утром мне заплатил.

– На таблетки тебе.

– Какие еще таблетки?

– Успокоительные, – усмехается, а я злюсь. Уколол, удачно, но сил бодаться у меня сейчас нет. Глаза слипаются, я просто хочу спать.

– Очень мило. Благодарю. Савелий Романович, что теперь будет? Я прошла испытательный срок? – спрашиваю с трепетом во всем теле. Я боюсь уже не только того, что правда вскроется. Я боюсь потерять возможность его видеть.

– Я задам один вопрос. Ответь честно. От этого зависит все.

– Конечно.

– В моей семье под названием Прайд есть место для тебя. Ты не предашь нас, Даша?

– Савелий Романович, я вас никогда не предам, – отвечаю как на духу, смотря Крутому в глаза. Я говорю правду, ведь быть крысой не значит предавать. Я просто передаю информацию, так? Я не знаю, я запуталась уже.

– Ты теперь с нами, и каждый в Прайде будет стоять за тебя горой.

Берет меня за руку, сплетаем наши ладони. Савелий Романович нежен ко мне, и мне это нравится. Я чувствую его заботу, хоть до сих пор мне трудно ее принимать.

– А вы тоже будете за меня?

– Я особенно.

Савелий Романович наклоняется ко мне, я обхватываю его за плечи, и мы целуемся. Пробуем друг друга на вкус, и ножки мои уже не так болят. Клянусь, Крутой действует на меня как анальгетик.

Я вся трепещу в его руках, особенно тогда, когда Савелий Романович опускает большую ладонь мне на грудь, слегка ее сжимая через платье. От этого по телу разряды тока проносятся, и мне нравится так. Мне хорошо, особенно тогда, когда Савелий Романович гладит меня по бедру. Ласково, не выпуская когти.

Невольно сжимаю ноги вместе, натягиваю ниже платье. Мне стыдно. Меня так еще никто не трогал.

Крутой убирает руки, момент упущен. Я его испортила, хотя и не была готова к продолжению.

– Игорь заедет скоро, делай перевязки каждый день.

– Хорошо. Савелий Романович! – окликаю его в последний момент уже на выходе.

Я порываюсь было наплевать на все и рассказать правду, но решаю сначала договориться с Мамаем и подготовить Алису к отъезду. Я все расскажу Крутому, но для этого я должна быть уверена, что он поймет мою правду. Да, Савелий Романович помог мне сегодня, но значит ли это что-то для него?

– Что?

– Спокойной ночи.

– Будет что надо – звони.

– У меня нет вашего номера.

Достает визитку и кладет ее на комод.

– Теперь есть, и еще одно правило, если хочешь остаться в клубе, Дарья.

– Какое?

– Танцевать будешь теперь только для меня.

***

Прошло три дня, я уже пытаюсь встать на ноги, хотя это дается сложно. Прыгаю по квартире, как подбитый зайчонок. Больно, боль просто адская, и раны там, все нитками стянуто, доктор Игорь не пожалел швов.

Какие там танцы, я едва до кухни дохожу. У меня что-то вроде больничного, и все, на что хватает сил, – сварганить небольшой ужин и сидеть на кровати читать.

Я все думаю, взвешиваю за и против. Крутой уже нормально ко мне относится, не считая наших подколов друг другу. Может, рассказать все ему? Чтобы… чтобы он пристрелил меня, как крысу, и Алиса тогда останется совсем одна.

Я ведь один раз уже слила контакты Мамаю. Я уже один раз это сделала и продолжаю это делать.

Мне тошно от себя и от этой роли бандитской крысы, которую подослали, чтобы втереться в доверие. Но есть ли у меня выход? Пока я его не вижу. Мне надо еще поработать в клубе, чтобы подсобрать денег. Потом мы с Алисой уедем в другой город, мы затеряемся в толпе.

В руках все время держу визитку Савелия Романовича. Выучила уже его номер наизусть, но позвонить не решаюсь. Да и телефона тут нет. Интересно, думает ли он обо мне, значат ли наши поцелуи что-то для него, кроме развлечения? Он бросит теперь Киру? Что-то изменится?

Я не знаю, я просто… просто хочу честности, хотя сама ему безбожно вру. Вру о себе, о том, что сирота, хотя по факту у меня есть отчим и сестра. Вру о том, что авария была случайной, но единственная моя честность – это то, что я чувствую к Савелию Романовичу. Я не могу это играть, я этого не планировала.

Он мне нравится как мужчина. Очень, с каждым днем сильнее, так что глупо отрицать. И я, наверное, тоже глупая. Кира сказала, что я Крутого не выдержу, что я маленькая для него, но мне все равно.

Когда Савелий Романович меня целует, я чувствую себя счастливой. Такой, какой никогда в жизни не была.

Я что-то придумаю, выкручусь, я… я так себя успокаиваю, пока еще не понимая, что значит по-настоящему быть бандитской крысой.

Вскакиваю от грохота у двери. На часах двенадцать ночи, на мне простая майка и шорты, и гостей я не жду.

– Кто там?

Едва допрыгиваю до двери, а после слышу его низкий голос:

– Бандиты.

Крутой, о мама, зачем он ночью пришел?! Я вообще не готова.

Глава 25

Открываю дверь, тут же вся сжимаюсь, когда вижу Савелия Романовича. Такой высокий, плечистый, крепкий. Он входит уверенным шагом, не разуваясь.

– Я вас не ждала так поздно.

– Ты не одна?

– Одна, конечно. Проходите.

Крутой подходит и нежно целует меня в губы, по-свойски прижимает к себе. Как будто он мой парень, только еще ближе.

Льну к нему, не могу сдержать улыбку. Я чувствую себя с ним как за каменной стеной. С таким вообще ничего не страшно, кроме него самого.

– Разбирай, – командует, складывает пакеты на кухонный стол и сразу садится на стул, точно король.

Осторожно осматриваю принесенное. Бинты, мази, фрукты и шоколадные конфеты – вишня в ликере. Три пачки притащил.

– Спасибо, но я опьянею от такого количества алкогольных конфет.

– Хочу посмотреть на это.

Опасно улыбается, у Крутого точно есть план. Достает сигареты и закуривает, берет мою чашку и использует как пепельницу. Ладно, проехали.

– Это… может, чай попьем?

– А кофе нет?

– Я не пью кофе.

– Ладно, давай свой чай. Покрепче мне.

Начинаю суетиться, потому что кухонька крошечная и тут почти нет посуды, слабый ремонт и здесь всегда холодно. Мне стыдно, что я так живу, наверняка Савелий Романович привык к другому.

Ставлю чайник, открываю конфеты. Когда разливаю нам чай и сажусь за стол, Крутой одним движением подтягивает меня к себе вместе со стулом.

Ближе, еще ближе, а я сглатываю. Хоть бы он не заметил, как у меня горят щеки.

И словно кухня эта еще меньше стала, и мне так… аж низ живота сводит, когда его запах вдыхаю.

– Я так и не поблагодарила вас. Спасибо, что в больницу довезли. Ну и вообще. Не бросили. Не знаю даже, почему вы так добры ко мне.

– Пожалуйста.

Прожигает меня темно-серыми глазами, а я теряюсь. Вот так один на один с Крутым быть опасно. И вот вроде бы спокоен он как танк, но это только иллюзия. В любую секунду может напасть и откусить голову.

Я напряжена до предела, на максимум выкручена. Я должна играть другую роль, более смелую и бойкую, но рядом с Савелием Романовичем мне сложно притворяться. Он словно видит меня насквозь.

– Ты скромно живешь.

– Да, условия тут не очень. Для вас.

Обхватываю себя руками. Я в майке и шортах, и еще мне стыдно. Лифчика нет, Крутой запросто может увидеть мои соски, которые от этого дубаря уже превратились в камушки, стоит ему чуть опустить взгляд.

Но он не смотрит туда вроде бы.

В этой лачуге у меня все время мерзнут ноги, но жаловаться Савелию Романовичу я не буду. И так неловко. Он бинты притащил, лекарства и даже конфеты. Зачем? Я не знаю.

– Это для тебя тут не очень условия, – басит и тушит сигарету, а я конфеты уплетаю. Одну за другой, пока не ловлю его взгляд. Вот уже где точно стыдно.

– Любишь такие?

– Да я любые конфеты люблю.

– Не балованная ты, Даша. Редкость.

– Не думаю, что это чем-то меня отличает от других.

Тушуюсь, потому что Крутой проверяет меня, точно щупальцами прощупывает, изучает границы, а еще я чувствую его руку, которой он гладит меня по спине. Он не просто так пришел, и мы оба это понимаем.

– Я еще чай поставлю…

Подрываюсь, но Савелий Романович за руку меня успевает взять, резко так, а после подхватывает за талию и усаживает прямо на стол, оказываясь между моих ног.

– Вы чего?

– А что, нельзя?

Шире разводит мои колени, вклинивается между ними. О мама, это уже серьезно.

– Я не знаю.

Сглатываю, когда Крутой кладет большую руку мне на шею, поглаживает венку на ней, а я в глаза его смотрю. Гранитного цвета, и понять не могу, что со мной такое.

– Почему так дрожишь, воробей? – говорит, но не отпускает, а наклоняется и заправляет мой локон волос за ухо. У меня тут же табун мурашек, и так… хорошо. Приятно.

– Здесь холодно.

– Маленькая лгунья. Выпорю.

– Только попробуйте, – усмехаюсь, но меня и правда колотит, и не от холода уже. От страха и еще чего-то. Запретного, желанного, тайного.

Ерзаю на столе, осторожно касаюсь ладони Савелия Романовича в ответ. Внутри все трепещет. Ну можно хоть один раз сделать то, что я хочу?

– Савелий Романович, у меня есть от вас секрет. Я хотела признаться.

Может быть, не время, а может, хороший момент сказать ему правду? Когда Крутой спокоен, когда рядом с нами никого нет. Только ножик в шкафчике, которым за эту самую правду он может меня порешить.

– В чем?

Наклоняется ко мне, его горячее дыхание опаляет мою шею. Бегут мурашки, разливаются по коже табунами, а после Савелий Романович медленно опускает лямку моей майки вниз и целует меня в плечо, кусает, зализывает большим языком.

Опасная ласка зверя, на грани, на лезвии ножа.

Вдыхаю его запах и… клянусь, я не знаю что это, но это просто сильнее меня. Мне так хочется, чтобы Савелий Романович был ближе, чтобы трогал меня, и в то же время я отлично понимаю, что нельзя, это опасно.

– Не знаю, как сказать.

– Скажи как есть.

– Я… вы… – Сглатываю, поднимаю на Крутого глаза. Он большой, крепкий, здоровый. Такой раздавит и дальше пойдет, но мое тело отказывается это воспринимать, и, кажется, я уже лечу к нему, точно мотылек на пламя.

– Мне не нравятся ваши поцелуи! И вы тоже. Тоже мне очень НЕ нравитесь!

– Конфет переела?

– Конфеты ни при чем.

– Ах да, мною же детей пугать можно.

– Именно!

Я готова расплакаться, но мне проще оттолкнуть Савелия Романовича и наговорить ему всего, лишь бы оправдать то, что я по уши влюбилась в Крутого.

– Ну я уже понял, что не в твоем вкусе. Ты тоже не в моем и близко, – басит и целует меня в шею. Так близко, и вот мы вроде говорим одно, а делаем совсем другое!

– Вот и славно! Чудно. Значит, у нас все взаимно.

Затихаю, смотрю на реакцию Савелия Романовича, а она есть. Его взгляд потемнел, плечи напряглись, и я уже, честно, не знаю, зачем завела этот странный разговор.

– Ты тоже мне не нравишься, девочка. Аж плохо мне от тебя.

– Правда?

– Сама посмотри.

Берет мою ладонь и прикладывает к своему паху, а я в шок прихожу, потому что у Крутого там эрекция просто каменная, и я чувствую, как сердечко мое пустилось в галоп.

– Ого… вам больно?

– Еще бы, хроническое уже, – басит Савелий Романович осипшим голосом, а после наклоняется и впивается в мои губы поцелуем.

Отвечаю, позволяю, не сопротивляюсь. На этот раз Крутой целует меня более напористо, и вот его ладони уже у меня на талии, он привлекает меня к себе.

Секунда, две, три, его губы настырные, так же как и язык, который он проталкивает мне в рот. О боже, о мамочки мои, это что-то дикое, такое голодное и бешеное!

Какой он сильный и в то же время нежный со мной, а еще я чувствую его каменную эрекцию, которая выпирает из брюк большим таким бугром. Это отрезвляет, и я распахиваю глаза, смотрю на него, хлопаю ресницами.

– Вам совсем что-то плохо стало от меня. Отойдите лучше, не то скорую надо будет вызывать.

– Ага, санитаров, блядь. Иди сюда, девочка, лечить меня будешь.

Опомниться я не успеваю, уйти мне никто не дает. Савелий Романович с легкостью подхватывает меня на руки и несет в мою комнату.

Укладывает меня, как куколку, на кровать. Он все делает сам, довольно быстро, умело, без капли промедления.

Я на миг от этого сладостного кайфа теряюсь, но быстро прихожу в себя, когда Крутой с легкостью подминает меня под себя и я чувствую его возбуждение. Огромное такое возбуждение. Твердое как камень и прямо мне в промежность утыкается.

Крошки рациональности уже где-то орут. Вот это уже не игрушки.

Допрыгалась, Даша, Савелий Романович же трахнет меня сейчас чисто в целях профилактики.

Глава 26

– Подождите, Савелий Романович, давайте не будем спешить.

– Почему? Я вижу, ты тоже хочешь.

– Да, но…

– В чем дело, воробей?

Тот самый момент, когда вроде понимаешь, что уже взрослая. Мне можно все, но опыта ноль. Я не знаю, как себя вести, я не готовилась и вообще понятия не имею, как дальше играть амазонку, если я ни разу сексом не занималась.

Поднимаю на Крутого глаза. Пожалуй, правда тут не помешает.

– Мой цветок. Он не сорван, – говорю тихо, Савелий Романович меня отпускает, и я обхватываю себя руками. Да, может быть, я все запорола, но я реально не готова. Кроме поцелуев, у меня вообще опыта нет. Никакого.

– Не понял. Что?

Кажется, Крутой и правда не понял. Серьезно, о мама дорогая, еще и пояснять придется!

– У меня еще не было мужчины. Я девственница.

Моя правда производит эффект. Савелий Романович свел брови, буравит меня тяжелым взглядом, а мне стыдно.

– В смысле? А парень? Тебе же восемнадцать.

– Нет, я не ходила на свидания еще.

– Ясно.

Что-то он не рад. Совсем. Напрягся весь, аж руки от меня убрал.

– Это что-то меняет для вас?

– Нет. Моей хочешь быть, Даша? – спрашивает серьезно, и у меня только один честный ответ:

– Хочу.

Глубокий вдох, Крутой медленно снимает с меня майку, я остаюсь обнаженной до пояса перед ним. Затихаю, никакой брони нет, только не здесь и не сейчас с ним.

Молчу, только и могу, что хлопать ресницами. От смущения, желания, предвкушения и ощущения того, что я очень этого хочу.

Савелий Романович смотрит на мои груди как лев – так голодно, словно хочет сожрать. Становится опасно, стыдливо прикрываюсь ладонями. Мне до Киры далеко, наверное, он к другому привык.

– Не смей! Хочу смотреть на тебя.

Грубо, но честно. В этом весь Крутой.

Замираю, когда Савелий Романович накрывает ладонями мои груди, сжимает нежные полушария. Сначала одну грудь, а после вторую. Довольно ощутимо, но не больно. Он контролирует силу.

Крутит мои соски, делая их напряженными, а после наклоняется и обхватывает грудь губами, бьет по ней языком.

– О боже…

Я такого никогда не чувствовала. Когда ты в чужой власти и Он может делать с тобой, что хочет. Это приятно, так ново и очень-очень сладко. Тягуче, томительно и возбуждающе.

Приобнимаю Савелия Романовичами за шею, льну к нему ближе, еще ближе, а после он ладонь опускает мне на живот и забирается прямо в трусики.

– Ой, нет!

– Не бойся. Расслабься.

Стыдно, порочно и очень открыто. Этот миг, наша близость и мое падение в его лапы. Я слушаюсь Крутого беспрекословно. Конечно же, он ведет, и мне это нравится. Не больно, а наоборот. Опасно, по-взрослому и безумно приятно.

Савелий Романович трогает меня между ног. Нежно, осторожно так. Гладит по мокрым складочкам, быстро находит клитор и начинает ласкать его, не входя внутрь.

– Что мне делать? Как вам нравится?

Не пасую, целую его в ответ, но лезть к мужчине ниже пояса не рискую. Я неопытна, что делать, даже не знаю.

– Здесь.

Крутой берет мою ладонь и кладет себе на пах. Быстро подхватываю, осторожно начинаю гладить его, стараясь не застонать от того, какая там эрекция выпирает. Честно говоря, я боюсь представить его размер.

Мы лежим близко, я обнажена до пояса, а Крутой в одежде, но его рука у меня в трусиках, и то, что он там творит ею… это что-то противозаконное.

Я стала мокрой, я это чувствую, бабочки во мне проснулись и активно трепещут крылышками.

Савелий Романович гладит мой клитор двумя пальцами, бьет по нему, а после размазывает мою же влагу и опускается вниз, к складочкам, растягивает их у входа, и я чувствую, как в животе что-то сильно сжимается.

И мне страшно, и дико, и так приятно, что хочется плакать. Не до игр мне уже совсем. Я настоящая сейчас с ним, с ним одним только.

Мы целуемся, а после Савелий Романович ложится на меня, проталкивает язык мне в рот и начинает толкаться им мне в небо, одновременно с этим мастурбируя мой клитор, растирая его так ритмично, сладко, словно… словно он бы так делал членом.

И мне нравится. Клянусь, я готова сгореть от стыда, но мне так нравится то, что Крутой со мной делает.

Живот напрягся, грудь стала тяжелой, соски превратились в камушки, а в голове мед. Савелий Романович довел меня до состояния пластилина, не снимая одежды. Одними руками и губами только.

В какой-то момент тянущие ощущения в животе становятся такими сильными, я словно где-то лечу, я на облачке, а после чувствую, как сладость начинает граничить болью, и это так сильно, порочно, одержимо, невозможно… приятно. Быть его.

– А-а-ай!

Забиваюсь птицей в его руках, Савелий Романович царапает меня щетиной и продолжает мастурбировать мне, пока я как одержимая мечусь на покрывале с широко расставленными бедрами, придавленная им, без шанса свести ноги.

– О боже… о господи, боже мой…

Меня отпускают. Быстро хватаю ртом воздух, распахиваю глаза и вижу, какой взгляд сейчас у Крутого. Глаза потемнели, стали почти черными. Савелий Романович тоже быстро дышит, я вижу, как смотрит на меня из-подо лба.

Опасный взгляд, он возбужден, а я… я, кажется, отпустила себя, я слишком много себе позволила.

И еще мне дико стыдно. Я думала только о себе и не доставила Крутому удовольствия просто потому, что не умею. Не думаю, что мои поглаживания ему хоть что-то принесли.

– Савелий Романович, что мне сделать? Вам очень больно… давайте я что-то сделаю, – неловко предлагаю, чувствуя, как пылают щеки от стыда.

– “Что-то” мне не надо. Спокойной ночи, Даша. Спи.

Целует меня в губы так нежно и поднимается, поправляя брюки в паху.

– Блядь…

Что-то его пополам согнуло – и правда, наверное, болит.

Я же натягиваю на себя покрывало. От стыда. Мне не жарко, щеки горят, я вся просто таяла в его руках.

– Вы куда?

– Покурить.

Киваю, мне стыдно поднимать глаза, стыдно вообще уже хоть что-то говорить после того, что Савелий Романович со мной тут делал и как я бесстыже стонала.

Впервые за очень долгое время я расслабилась, он меня расслабил.

Вскоре чувствую, как засыпаю, а Савелий Романович вернулся и рядом лег. Он не уехал.

К себе меня прижал и крепко держит лапой, словно лев охраняет свою львицу.

Я отключаюсь быстро, меня просто вырубает. Мы эту ночь вместе спим, я в одних только трусах, Савелий Романович полностью в одежде. Я прижимаюсь к нему всем телом, вдыхаю его запах, и так тепло мне, так хорошо и безопасно, как еще никогда не было.

Когда я просыпаюсь, Крутого рядом нет. Он рано утром уехал, а я теперь понимаю, что началась совсем новая игра. Куда более опасная, потому что в эту ночь я уже перешагнула черту безопасности. Для себя.

Глава 27

Я думал, меня на куски порвет от перевозбуждения. Девственница, не тронутая она еще. Только когда Дашу раздевать начал, уже доходить стало, что она невинная. Все эти ее неловкие движения и стыд. Блядь, ну кто сейчас стесняется? А она стеснялась, и сильно. Меня.

Прикрывала руками грудь, что-то там лепетала, пока я пожирал ее глазами. У меня встал, мне захотелось ее. Разорвать, сожрать, облизать всю с головы до ног. Давно так не вставляло, очень давно. И все не такие уже, наелся я давалок за деньги, да и бесплатных тоже.

Красивая, дурманящая, моя пьяная вишня на торте. Я хотел эту девочку. Так хотел, что чердак уже рвало, но то, что она невинна, меня притормозило. Я не помню, когда у меня девственница последний раз была, и с Дашей спешить не хотел.

Сладкая, нежная, отзывчивая. Меня вставляло от ее голубых глаз, веснушек, шелковистых светлых волос. Черт, меня крыло так, как ни от одной женщины за последние годы.

Член стоял колом от одного лишь вишневого запаха Даши, и я с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на нее зверем.

Раздел девчонку до пояса, как на картину, блядь, смотрел. Любовался. Сам себе завидовал.

У Даши красивая фигура, лебединая шея, хрупкие плечи. Ее грудь прямо в ладонь мне ложится. Мягкая, приятная, и соски вишневые с ума меня сводили.

Когда опустил ладонь ей в трусы, сам едва не кончил. Даша была мокрая, мокрющая просто, и мне стоило титанических усилий, чтобы не разорвать ее тряпки к чертям, но я сдержался.

Чуткая, нежная, неопытная. То робкая, то смелая, но Даша очень честная. Со мной. Аккуратная и приятная везде. Она быстро завелась и дошла просто изумительно, я сам от этого вида едва не обкончался, как пацан.

Воробей искусала губы, выгибалась кошкой, пищала и целовала меня. Где-то неуклюже, неумело, но все же безумно искренне, так не сыграешь.

Мне это понравилось, я захотел еще, но Даша разрумянилась и с непривычки быстро отключилась. Вырубило ее просто, потому возбуждение мое мне пришлось заткнуть куда подальше.

С ней мне не хотелось торопиться. Как дорогой коньяк, хотелось пить ее мелкими глотками, смаковать, пробовать.

Меня вставляло от нее, и никакой дури не надо. Утром к себе поехал. Зашел в душ, разделся, встал под холодную воду. Перед глазами Даша. Ее полная мягкая грудь, тонкая талия, красивые глаза.

Обхватил член рукой, вода хлестала по плечам, а я сцепил зубы и вспоминал эту девчонку. Как касаюсь ее, оказываюсь между точеных бедер, ласкаю грудь, целую капризные губы, а она стонет мне в рот.

Возбуждение ударило в голову, я кончил быстро, сперма брызнула на стеклянную дверцу душа и я зарычал. Не было ни морального удовлетворения, ни физического толком.

Не помню уже, когда мастурбировал в последний раз. Как пацан зеленый, и мне этого адски мало. Дразню только себя, сам себе не позволяю.

***

Прошло чуть больше недели. Крутой не приходил и не звонил. И я не звонила. Не знаю, та наша ночь казалась мне откровением. Чем-то новым и честным, с моей стороны так точно, но после нее просто тишина, и я не знаю, что думать.

Возможно, Савелий Романович жалеет или просто занят. Кирой, например. Она же говорила мне, что он ее мужчина, и мне выть от этого хочется. Какая же я дура, с какой охотой

я на поцелуи Крутого отвечала. Хуже того, я бы ему и больше позволила. Все-все, что бы он ни захотел.

У нас отношения или нет? Я не знаю. Савелий Романович мне ничего не обещал, кроме того, что я теперь в Прайде. Остальное все настолько тонко, точно папиросная бумага.

Сегодня ко мне приехал доктор Игорь. Понятия не имею, как он узнал адрес, хотя пазл складывается быстро. Его послал ко мне Савелий Романович. Оказывается, он в отъезде в другом городе, потому не приезжал, а я уже себе чего только не надумала.

– Ну неплохо, зажило уже. Шрамы будут, но небольшие, вообще незаметные. Какой же я молодец! – хвалит себя Игорь, а я конверт ему протягиваю. С деньгами.

– Это что?

– За помощь. Спасибо.

– А, не надо! Дядя Савва уже все оплатил. Забери. Пригодятся еще.

Игорь собирает свой дежурный чемоданчик, а я присматриваюсь к нему сильнее. Он молод, видно, что весьма успешен, но зачем он это делает?

– Вы бандитский врач?

– Кто тебе сказал такую глупость? – усмехается, но вижу по глазам, что ему не смешно ни разу. И он не женат. Не знаю, почему подмечаю, что у Игоря нет обручального кольца.

– Савелий Романович вас так назвал.

– Я всех лечу, и мне все равно, бандит мой пациент или нет. Время такое.

– А как вы с Крутым познакомились?

– Штопал его, – усмехается. – Да, кажется, я все же бандитский док. Каких только авторитетов не лечил.

– А вам не страшно?

– А чего мне бояться?

– Ну не знаю, вдруг какой бандит против вас пойдет?

– Девочка, у меня столько должников влиятельных, что, если кто и попрет против меня, порешат его. И да, бесплатный совет от дяди Игоря: нашла бы ты себе другой источник адреналина. Лучше не связывайся с Крутым и его Прайдом.

– Почему?

– Потому что он не знает полутонов и их волчий билет тебе не понравится.

– Что это значит?

– Это значит то, что ты либо в стае его будешь, целованная и защищаемая всеми, либо вне ее. Так вот, попасть в зону “вне стаи” я тебе не советую.

– Почему?

– Загрызут.

Это был странный разговор, Игорь точно так же, как и Вера, Чародей и Кира, не говорил прямо, но намекал, чтобы я не лезла туда, куда упорно прусь.

Чтобы я не сближалась с Савелием Романовичем, но было уже поздно. Я ждала его возвращения все эти дни, и не только потому, что мне нужна была новая информация. Я просто по нему скучала.

Глава 28

Я уже сняла повязки с ног. Все зажило, уже даже не прыгаю от боли, как зайчонок. Еду в клуб. Я не видела Савелия Романовича две недели, и никаких новостей от него не было. Даже не позвонил, хотя мы вроде и не в отношениях, все сложно.

Как ни стараюсь разузнать, никто толком не знает, где пропадает Крутой. Он кому-то помогает, но никаких имен не называют. Фари тоже нет, все как-то притихли. Зато есть Брандо, и его даже слишком много.

Нет, он больше не набрасывается, но не упускает возможности ущипнуть меня за задницу, подмигнуть мне или попытаться напоить меня вином, которое я не пью.

Брандо напоминает мне большого черного волка. Вольного, смелого, окутанного всеобщей любовью и гуляющего сам по себе. Сначала мне казалось, что этот Саша несерьезный, но я быстро поняла, как сильно заблуждалась. Тогда на дне рождения Фари Брандо просто был в хорошем настроении, но он может быть и весьма резким, грубым и даже жестоким.

Брандо один из них, такой же бандит, он часть Прайда. Когда я вижу, как он ведет дела в отсутствие Крутого, во многом узнаю в нем Фари. Та же опасная волчья хватка, ум, жесткость и уверенность в себе.

Нет, Брандо не просто избалованный плейбой, он больше смахивает на гангстера, которому правила нипочем. А еще однажды я вижу, как Брандо отчитывает одного перекупа, и быстро понимаю, что он опасен. С таким либо дружить, либо быть на расстоянии, потому я держу с ним строгий нейтралитет.

А еще Вера жалуется на своего сына Додика, который только-только вышел из больницы. Он все же наркоман, и она рассказывает это со слезами на глазах.

Замотавшись в зале, в один из вечеров Вера забывает закрыть кабинет Крутого, потому я еще раз вхожу туда и выписываю новые данные.

Другой почерк, Брандо развел тут адский беспорядок в отсутствие Крутого и Фари, но все же я узнаю пару адресов и телефонов. Они готовят какую-то сделку, но вроде ничего серьезного.

Давид Алексеевич хвалит меня за эту информацию, но и ее ему оказывается мало.

На мои просьбы прекратить это Мамай угрожает Алисой, и я затыкаюсь. Отправляю Юре заработанные деньги для сестры и могу только надеяться на то, что он не обижает Алису.

И еще одно: Кира куда-то пропала. После дня рождения Фари ее никто не видел. Говорят, она ушла на больничный, хотя чем именно она так резко заболела, никто не знает, а я боюсь связать это воедино.

Я не сдавала Киру Крутому и могу только надеяться, что у нее случился простой насморк.

***

– Савва, где ты? С Волкодавом разобрался?

– Да, подъезжаю. Как у вас?

– Я уже вернулся. В целом порядок, кроме того, что Кира в больнице, но ты ведь и так это прекрасно знаешь.

Фари. Слышу в его голосе подъеб, не удивляюсь. В этом весь Эдик.

– А что с ней?

– Да вот домой шла, ноги переломала. На ровном месте, представляешь?

Закуриваю. Фари уже вынюхал все – когда успел только? Нет, я ему доверяю, но иногда он перегибает. Хочет контролировать все и даже больше, чем я сам.

– Наверное, споткнулась. Дороги дерьмо.

– Савва, ты меня пугаешь. Зачем?!

Стряхиваю пепел с сигареты. Я не совру брату, но и возиться с этим желания нет.

– А затем, что нехуй творить то, что она натворила.

– Блядь, это же Кира! Она наша! Ебанулся, что ли? Или ты из-за какой-то…

– Она не какая-то! И запомни: ее Даша зовут! Она здесь работает, потому что я так решил! Все, разговор окончен!

Тушу сигарету, отбиваю вызов. Мы ничего толком с Фари не обсудили, я не знаю, почему психонул. Просто сорвался. А еще я помню, как Даша за руку меня держала, как ревела, когда у нее из ног Игорь стекло доставал. Целые куски, блядь, стекла чертового.

Я понял, что это Кира, больше некому, больше бы никто не посмел, вот только она кое-чего не поняла: у нас так не принято, и если за три года работы здесь Кира не уяснила этого, значит, она не наша.

Пацаны уже давно отзвонились. Кира, конечно же, во всем призналась сразу. Они сломали ей ноги, и это было мое первое и последнее ей предупреждение. Я никому не даю второго шанса, и ей он уже не положен.

Возможно, это жестоко, но я не умею и не буду по-другому. Сопли на кулак пусть другие наматывают, а у меня все по понятиям будет, и мы или все вместе, или я просто задавлю.

***

– Савва, нас кто-то пасет. Есть утечка, сто пудов.

– Кто?

– Я не знаю, но данные как минимум уже дважды слили. Адрес завода, который мы собирались купить, и контакты поставщиков на сделку. Вот буквально недавно, такое ощущение, что документы кто-то еще видит левый.

– Ты что, смеешься, Ганс? Кто?

– Я не знаю. Я просто только начинаю кейсы готовить, сделка срывается. Кто-то нас опережает. Кто-то все время на шаг впереди.

Сцепляю руки в кулаки. Найду – удавлю же.

– Может, прослушка?

– Да не. В офисе никто новый не появлялся, тут камеры стоят. Подумай, где ты часто мелькаешь и с кем.

– Намек на то, что у нас крыса поселилась?

– Это не намек, к сожалению. Я прямо тебе об этом говорю. Есть информатор. Думаю, где-то уже пару месяцев, не знаю, не уверен пока.

– Мне надо подумать.

– Переговори с Фари и Брандо. Я попрошу вас быть осторожнее и не обсуждать ваши дела в клубе.

– Думаешь, крыса там?

– Нет, маловероятно, просто предосторожность. Я причешу сотрудников в офисе, мне кажется, это кто-то из них. У нас маячит крупная сделка, Брандо сам проведет, и если и эта сорвется, то будет не очень хорошо.

– Конкретнее. Сколько убытков?

– Четыре кейса как минимум. Мы их просто просрем. Снова.

– Понял. Разберемся.

Сука, крыса завелась. Этого еще не хватало.

Глава 29

– Алло, Фари, я уже в городе, надо встретиться.

– Я не могу. Малой снова заболел. Что?

– Мне кажется, у нас есть крыса.

– Серьезно? Савва, только сейчас понял?

– Кто, есть предположения?

– Твоя девка голубоглазая.

– Не смешно.

– А я и не смеюсь. Она это. Сто пудов.

– Фари, блядь! Я на твою Монику не гоню, и ты поосторожнее. Не Даша это. Может, Соловей?

– Когда? Во сне? Ты его так нагрузил, что Даня едва вывозит. Давай еще и на Веру будем думать. Нет, это кто-то левый.

– Хорошо, кто еще? Круглов?

– Есть вероятность. Этот мент нам торчит хуй знает сколько. Он мог, но у него кишка тонка для этого, хотя, судя по тому, что Круглов тебе свою дочь малолетнюю отдать пытался, я уже ничему не удивлюсь.

– Ладно, проверим, без доказательств это просто слова.

– Савва, ты договорился с Беркутом? Решили вопрос?

– Как сказать. Я ему предложил земли на дальних Садах, он послал меня на хуй. Ну и я его тоже. Ни черта мы с ним не договорились. Витюша наглый, и на отъебись ему земли не надо. Он в центре хочет, самые жирные куски.

– Вот на хрена ты такой жадный? С ним надо поделиться, Савва, я тебе уже не раз говорил! Уступи ты эти земли, не обеднеешь. Не скупись, Виктор может быть полезен.

Сжимаю телефон в руке, больная тема.

– А с какого это хуя мне делиться с ним, позволь спросить?! За красивые глаза? Фари, пока Беркут на нарах отдыхал, я работал! И ты работал, так что перебьется. Свяжись с ним и передай: либо земли на дальних Садах, либо ни хуя. Это мое последнее слово.

– А если Витюша в политику захочет?

– Перехочет. Там Гафар с братиками-чеченцами быстро его усмирят.

– Понял. Большой фак Витеньке?

– Именно.

– Ладно, сделаем.

Сцепляю зубы. Этот Беркут как кость в горле, а их же там целая свора. И все как на подбор: малой – юрист, средний – бывший мент, а старшенький – зек, мать его. И сестричка их еще где-то мелькает, но я ее не знаю. Знал бы – давно уже порешил.

Самый приебучий, конечно, Витек. Цербер недорезанный. Он старший, он дикий, и он, сука, мне мешает. Мешает постоянно, мне прямом тесно с ним в одном городе.

Завалить бы Беркута, но, пока он сидит тихо, он мне неинтересен, главное, чтобы ко мне не лез. Свою власть я сам выгрызал до крови и делиться ею не стану. Ни с кем.

В голове мелькает еще пара вариантов. Гафар. Он бы мог теоретически подослать крысу, но не стал бы. Я убью за такое. Черной Бороде очень нравится сидеть в кресле мэра, куда я же его и посадил. Он не будет, да и не его это метод. Хотел бы – прирезал бы меня уже сто раз вместе со своими братьями-чеченцами, но нет. Тут другое. Кто еще против меня прет так некрасиво?

Невольно вспоминаю сестру и то, как ее дилера убивал. Мамаев. Там был еще старший брат Давид, но он свалил тогда быстро в Америку, я не смог его найти, он сменил документы, нет. Столько лет прошло, бред просто, паранойя уже.

Скорее всего, это мусор Круглов снова продался. Больше некому гладить меня против шерсти. Вопрос только, кто заказчик и кому сливают данные в итоге.

***

Мы ищем информатора, и какая-то чуйка подсказывает мне, что он близко. Рядом где-то, но я не могу клеветать на пацанов без доказательств. Нужен конкретный аргумент для наезда, да и это не кто-то из Прайда. Мы здесь все свои, давно уже, система отлажена до предела, и у меня никто никогда голодным не оставался. Нет причины воровать, мы все давно уже сыты.

Жизнь научила меня быть осторожным и не доверять чужим. Закон Прайда на этом и построен. Своих мы забирали под крыло, чужих просто не пускали. Наверное, потому теперь у меня так мало друзей, много должников, а еще больше тех, кто желает мне смерти.

Девчонка. Мой воробей. Единственная отрада в этом хаосе. Даша отвлекает, дает забыться, не сойти с ума. Я хочу ее и в то же время сам от себя оберегаю. Сколько ей там лет – восемнадцать? Она практически в дочери мне годится, совсем уже поплыл, расслабился, размяк.

Фари успел семью завести, в отличие от меня. Нет, я тоже пробовал – неудачно по молодости. Я был женат полтора года, и это были сплошная нервотрепка и ругань. Я хотел семью после смерти матери и сестры, но получил только скандалы.

У меня тогда еще ни хрена не было, а жена хотела всего и сразу. Я бесился, мы грызлись, о верности даже речи не шло, а после она переметнулась к дружку при бабле. Предала меня, сука. Нашла место, где кормили лучше, а я разочаровался в бабах на долгие годы.

Никакой любви и близко не было, а от одного только слова “брак” меня до сих пор тошнит.

С тех пор я основал Прайд. Только для своих, я грыз землю зубами и шел по головам. Все доказать что-то пытался бывшей, да вот только кому это сдалось на хрен. А потом она умерла. Рак. Доказывать что-то мог уже только себе и бабам еще долго не доверял. Многое решали деньги. Даже с Кирой все было гладко только потому, что щедро оплачивал ее услуги.

Со мной сложно, меня тяжело выдержать, ну так и я замуж никого не зову. Не надо мне это, нахлебался по молодости. Теперь куда проще. Бабла примазал – любая даст. Любая. Даже воробушек мой. Она тоже даст, вот только с ней я не хочу по этому пути.

Как посмотрю на ее танцы – член колом стоит, аж больно. Красивая девушка, и вот все в ней вроде ладно, да только что-то все равно не так, и понять не могу, что именно.

***

Фари

Савелий запал на эту молодую девку. Хуже того, не просто запал – он ее хочет, и он в нее влюблен, как какой-то пацан. Это видно уже за километр, и ладно бы просто взял ее развлечься, но Крутой пускает эту левую телку с улицы к нам в круг. Очень быстро она уже с ним рядом сидит, ходит везде с ним, все вынюхивает.

У меня нет ни одного доказательства того, что Даша засланная, но какая-то чуйка меня не отпускает. Почему именно она влезла под его машину? Почему именно эта девочка смотрит на Крутого щенячьим взглядом тогда, когда он уже нажил огромных проблем и ему нужно быть предельно осторожным.

Про осторожность, кстати, Савва вообще уже забыл и положил на нее большой болт. Вместо того чтобы полюбовно разруливать проблемы с Беркутом и документами, утечкой информации, Крутой зажимает эту девку по углам.

Я же злюсь, не знаю, я просто видел, что по приказу Крутого сделали с Кирой. Да, она выходится, и ноги ее заживут, но это отчетливо показало мне, что Савел очень быстро забыл Киру, а она ведь тоже была одной из нас. Они были долго вместе. Да, без росписи, но, по-моему, их обоих это устраивало. И меня тоже.

Кира его ревновала, а Крутой, похоже, не сильно страдает из-за ее отсутствия. Савел никогда не был семейным человеком, и ему, по правде, заводить семью противопоказано.

Как и мне было, впрочем, потому я обычно не показываю сына и жену. Это банально опасно, а подставлять самых близких я не буду.

Савва всего добился сам, мы были как голодные звери поначалу и выгрызали свой кусок зубами, потому теперь мне больно видеть, что он ослабил бдительность. Я уже ему говорил, но Крутой только смеется. Не верит мне, а этой сучке молодой доверяет.

Нет, я не трус, я просто осторожен. Проворачивать такие дела, какие мы с Саввой делаем, безумно опасно, и малейшая ошибка развалит к чертям всю систему.

Я это понимаю, Крутой тоже прекрасно это осознает, но все же он отвлекается на эту девочку, и мне это не нравится.

Бесспорно, Даша хорошенькая и кажется доброй, но у меня предчувствие, что она не такая уж овечка, какой хочет казаться. Да, она смотрит на Крутого как на бога, вот только эта девочка еще летает в розовых облаках.

Если она не засланная крыса, то просто дура, которая вообще не понимает, куда попала и с кем связывается.

Крутой никогда женщин не ценил. Ни первую свою жену – меркантильную тварь, ни подружек, ни, как я теперь понимаю, Киру. Последняя только его выдерживала, но так, блядь, посмотрите на Киру!

Она боевая лошадь, именно такая Крутому и нужна, а не эта ромашка хилая Даша, но кто будет меня слушать. Мы же сами все знаем.

Сегодня будет сделка, и мы с Брандо вместе ее проведем без Крутого, а все почему? Потому что он сразу попер в клубе к этой девчонке и ему не до дел.

В принципе, мы и сами прекрасно справимся, но все равно, как бы там ни было, крыса среди нас есть.

Это уже даже Ганс подтвердил. Он заметил, что данные кто-то сливает. Вопрос только времени, и когда мы найдем эту тварь – мы порвем ее на куски.

Глава 30

Потихоньку начинаю тренироваться, снова вливаюсь в коллектив, который меня не принимает, но на большую сцену не выхожу. Я жду Крутого и не могу сдержать улыбку, когда сегодня вижу его впервые за столько дней.

Савелий Романович входит в клуб как к себе домой. Уверенно и смело, быстро оценивая обстановку. Он хозяин этого места, Глава рь, и я вижу, как резко все встрепенулась и работа пошла живее.

Как обычно, Крутой одет с иголочки – в темно-синий костюм и белую рубашку, сверкающие кожаные туфли.

– Савелий Романович!

Подхожу к нему. Неловко – не то слово, стыдно, особенно если вспомнить, как Крутой меня касался в последний раз, как я бесстыже стонала, пока он ласкал меня между ног.

– Привет, воробей. Ты хорошо себя вела?

Коротко усмехается и уверенно привлекает меня к себе за талию, целует в висок.

– Вы не звонили.

– А ты скучала?

– Нет, конечно. Еще чего…

– И я не скучал.

Опасно усмехается, опускает большую ладонь мне на задницу, по-свойски сжимает, а я краснею. Все смотрят на нас.

– Брандо не лез?

– Нет, он работал. Все хорошо.

– Славно.

– У вас какие-то проблемы? Вы были в другом городе.

– Кто тебе такую ложь сказал?

– Вера. Просто услышала.

– Все прекрасно у меня, воробей, не забивай голову.

Вижу, как следом входит Фари, мгновенно тушуюсь. У меня стойкое впечатление, что он видит меня насквозь.

– Добрый вечер.

– Добрый, – мрачно бросает и проходит мимо. В этом весь Фари, но, кажется, он уже смирился со мной. По крайней мере, я не чувствую от него прямой угрозы, как это было раньше.

Сглатываю и приближаюсь к Савелию Романовичу. Я, в отличие от него, и правда скучала. Невольно за руку его беру, улыбаюсь, как дурочка. Вдыхаю запах, меня ведет даже от его одеколона.

– Как твои лапки?

– Зажили. Доктор Игорь приезжал, швы снял.

– Хорошо.

– Савелий Романович, хотите, потанцую для вас?

– Хочу.

– С музыкой?

– Без. И волосы распусти. Иди, я приду скоро, жди.

Вся в предвкушении, я иду в ВИП-комнату, готовлюсь, стараясь выровнять дыхание. Да, ноги еще немного болят, но танцевать уже могу и хочу этого.

Савелий Романович приходит через десять минут. Он оставил пиджак в кабинете, и теперь я могу любоваться им в белоснежной рубашке. Красивые руки, широкие плечи, ни намека на живот, крепкие ноги.

У самой уже низ живота ноет, потягивает. Он мне нравится, нравится как мужчина.

А еще мне нравится, когда Крутой вот так смотрит на меня, как сейчас. Голодно, жадно, не отрывая взгляда. Его глаза темнеют, становятся гранитными, он расслабленно откидывается на диван, потягивая виски.

Один на один, тишина, интимная обстановка. Нет музыки, только звон моих каблуков по паркету, и я сама возбуждаюсь. От его взгляда. От Крутого мое тело просыпается, я так скучала.

– Хорош. Иди сюда, Даша.

Подхожу, Савелий Романович ладонь мою берет, вкладывает в нее небольшую красную бархатную коробочку.

– Открой.

– Что это?

– Тебе. Сувенир.

Открываю эту коробочку и вижу прекрасную золотую цепочку с небольшим кулончиком в виде птички. У нее на крылышках россыпь камней. Такая нежная. Это безумно красиво.

– Нравится?

– Да, но это золото, я не могу взять такой дорогой подарок.

– Я не принимаю отказов, – парирует, а я вижу под подложкой бирку, и у меня дыхание спирает от суммы. Это не простое стекло, Савелий Романович подарил мне бриллианты.

– Повернись.

Слушаю и чувствую теплые руки Крутого на шее. Он откидывает мои волосы и надевает на меня эту цепочку с кулончиком, а после целует в плечо, стоя сзади.

Я же вся просто трепещу. Становится жарко и очень опасно.

– Трогала себя сама, пока меня не было?

– Нет. Честно нет.

– Иди ко мне. Я скучал очень.

Один миг, и Крутой с легкостью подхватывает меня на руки. Усаживает на диван, заваливает прямо на него.

– Что вы делаете, здесь люди!

– Никаких людей здесь нет. Никто не зайдет. Не посмеет.

Пикантно, опасно и просто на пределе. И выхода нет, Савелий Романович поймал меня в свои сети, замотал в них, точно паук.

– Что такое, страшно?

– Нет, – вру, и Крутой опасно усмехается. Он понял, уловил это в моих глазах.

– Знаешь, что я делаю с маленькими лгуньями?

– Нет…

– Наказываю. И тебя накажу, воробей, прямо сейчас.

Прижав меня к дивану одной рукой, второй Савелий Романович легко задирает на мне платье, а после стягивает с меня трусики, которые ловко запихивает мне в рот.

От шока я не могу пошевелиться, но мне нравится. Тело просыпается, а бабочки сходят с ума.

– М-м-м!

– Тише, хотя можешь орать. Здесь хорошая шумоизоляция. Спокойно, не дергайся!

Мой грех, безумие, мое падение. Я вся во власти Крутого. Лежу на этом диванчике, пока Савелий Романович коленом развел мои бедра и смотрит на меня между ног.

Я голая там, совсем обнажена, растеряна и возбуждена.

Он так смотрит, что у меня плавится тело, не знаю, превращается в какое-то желе! А после Крутой наклоняется и целует меня в живот, во внутреннюю сторону бедра и в промежность. Да, прямо ТУДА.

Развязно проводит по влажным складочкам большим языком, покалывая щетиной, и меня аж потряхивает. Страшно, ново и сладко одновременно.

Если бы я могла что-то сказать, я бы это сделала, вот только у меня трусики все еще во рту, и я придавлена в дивану, обезоружена, обнажена в самом интимном месте.

– Я скучал, девочка, очень. А ты?

Только и могу, что кивнуть, а после вижу, как Крутой облизывает пальцы и вводит в меня сразу два. Неглубоко, у самого входа, одновременно с этим начиная ласкать мой клитор.

– М-м-м!

Когда хочу дернуться, не дает. Савелий Романович очень сильный, и я точно та бабочка: поймана и распластана на стекле.

Мы словно голодные звери. Крутой вжимает меня огромной лапой в диван, разводит шире мои бедра, придавливает коленом, обездвиживая, а после начинает мне мастурбировать.

Быстро, умело, то ускоряя, то намеренно замедляя ритм, бьет по клитору, размазывает влагу по нежным складочкам, одновременно с этим опустив мое платье и обхватив сосок губами.

Боже, это что-то такое дикое, безумно приятное и постыдное, но клянусь, мне нравится все, что он со мной тут вытворяет! И вот, казалось бы, Савелий Романович меня придавил собой, а мне не больно. Ни капельки.

Я, правда, немного в шоке от этого напора, но мне приятно, безумно сладко, грешно, стыдно, и все… все вместе просто, а после Крутой вытаскивает из моего рта трусики и набрасывается на мои губы зверем.

И это даже не поцелуи, а какие-то укусы. Он словно клеймит меня, показывает свою власть, ведет всецело, порабощает. Господи, Савелий Романович трахает мой рот своим большим языком, одновременно с этим быстро растирая мой клитор, и я сдаюсь.

– А-ай! А-ах!

Это просто невозможно. Чувствовать его руки и умирать от этой слабости. Мне уже даже кажется, что Савелий Романович знает мое тело лучше, чем я сама.

Не могу терпеть, молчать тоже не получается, я стону во весь голос. Оргазм такой сильный, что у меня кружится голова. Все, что могу, – ухватиться за Крутого и уткнуться носом ему в плечо, слыша собственное колотящееся сердце.

– Какая плохая девочка, – усмехается, отпускает, а я только и могу, что хватануть воздуха пульсирующими от поцелуев губами.

– Вы… да вы… да как вы…

Двух слов связать не выходит, все тело просто пылает. Встаю на ноги, а они не держат. И щеки горят, вся как пластилиновая.

Савелий Романович придерживает меня за руку, не давая упасть, пока я стыдливо и предельно быстро натягиваю трусы обратно, поправляю платье.

Боже, он и правда будто лев, дикий зверь, бешеный. Крутой зажал меня и выдрал из меня оргазм просто потому, что сам этого захотел!

– Вы напали на меня… Как самец на самку! – только и выходит выдавить, на что Савелий Романович только усмехается:

– Ты охуительно кончаешь, Даша. Для девственницы вообще шикарно. Буду нападать еще. Все, успокойся. Выйдешь через пять минут.

Киваю, спорить сил нет, он только что убил и воскресил меня обратно. Сажусь на диван, свожу вместе ноги, натертая промежность до сих пор пульсирует, аж горит.

Понимаю одно: если Крутой хочет, он берет. Савелий Романович всегда получает, что пожелает, а я… я растерялась от такого напора, повела себя как доступная девка, но все же мне понравилось.

Более того, мне страшно признаться в этом, но сегодня я впервые представила, как бы это было, если бы Савелий Романович пошел дальше и взял меня как женщину. Я ведь еще даже не видела его без одежды, это он уже меня всю осмотрел, особенно сегодня.

И почему Кира говорила, что я его не выдержу? Пока дважды выдерживала – и ничего, живая, хотя это были просто ласки, а я бы очень хотела понять, каково это – быть с Савелием Романовичем в постели по-настоящему.

А еще вечером от Веры я узнаю, что нет у Киры никакого насморка. Ей сломали обе ноги на следующий день после дня рождения Фари, и я думать не могу о том, что это сделали по приказу Крутого за то, что она насыпала стекла мне в обувь.

Глава 31

– А вы не знаете, где Крутой?

Меня отвлекает детский голосок на входе у клуба. Предо мной стоит мальчик. Лет десять ему, не больше. Худенький, в старенькой куртке и фиолетовой вязаной шапке. Поношенные ботинки, рюкзак. Он хлопает на меня большими синими глазами.

Кто это? Чей ребенок и откуда он знает Крутого?

– Я не знаю, его не было в клубе сегодня.

– Ладно.

Мальчик развернулся и ушел. Проходит еще два дня, и я снова вижу этого ребенка. Он караулит у выхода. Видно, что расстроенный, только я не могу понять почему.

– Привет.

– Здрасьте.

Как раз в этот момент машина подъезжает, выходит Фари. Одет как жених, они всегда носят костюмы преимущественно черного или синего цветов.

– Ты кто, пацан? Чего здесь ошиваешься?

– Я к Крутому.

– Может, сразу к мэру пойдешь?

Мальчик тушуется, а я вижу, как к нам подходит Савелий Романович.

– Проблемы, воробей?

– Нет, тут к вам посетитель. Ждал вас.

– Ко мне? Ну, пошли.

– Савва, заняться нечем? Может, каждого принимать будешь?

– Да ладно, Фари. Входи.

Крутой открывает дверь, пропускает мальчика внутрь. Я вхожу следом, Фари выбрасывает сигарету и тоже входит в клуб.

Оказавшись в помещении, не понимаю: мне с ними идти или нет?

– Пошли. Садись с нами, Даша, – опережает мои мысли Савелий Романович. Тепло ко мне, по-доброму даже. Я прямо чувствую, как с каждым днем меня все больше принимают в круг. Мне доверяют, меня все оберегают, и никакого “волчьего билета” тут нет, как говорил Игорь. Скорее всего, он просто хотел меня напугать.

Все садимся за их любимый дальний столик. Мальчик подходит, останавливается рядом с Крутым.

– Как зовут?

– Леша.

– Зачем караулишь меня, Леша?

– Я… – сглатывает, вижу, как переживает, нервно мнет вязаную шапку в маленьких руках, – я к вам по важному делу.

Фари усмехается, переглядывается с Крутым. Он его всерьез не воспринимает. Иногда Фари слишком высокомерен, или мне так кажется.

Повисает неловкая пауза, Савелий Романович коротким движением руки зовет официанта, показывает что-то в меню.

– Даже так? Хорошо, садись. Рассказывай, по какому делу.

Леша устраивается на диване, кладет шапку на край стола, тут же нервно ее убирая и сжимая в руках. Видно, что волнуется, но старается этого не показывать.

– Я от парней слышал, что вы на работу людей принимаете. Я тоже хочу к вам в Прайд попасть. Я умный и сообразительный. Смелый, сильный, вообще все могу делать! – выпали-

вает, сглатывая, а я вся внутренне сжимаюсь. Что такому маленькому ребенку здесь делать? Куда он лезет, какая еще работа?

– Леша, ко мне в Прайд только избранные попадают, тебе зачем?

В голосе Крутого сила и уверенность, но я не вижу никаких понтов. Савелий Романович общается с этим мальчиком как с равным, либо мне просто хочется в это верить.

– Я хочу быть как вы – сильным и всемогущим, – добавляет тише.

Официант уже вернулся. Принес два кофе, один чай для меня, закуски, а Леше большой кусок торта и газировку.

Крутой коротко усмехается, Фари недовольно складывает руки на груди, но малыш не пасует. Выровнял спину и смотрит на них прямо, не отводя взгляда.

– Леша, ты ешь, не стесняйся, – говорит Савелий Романович, а я невольно засматриваюсь на него. Я сижу рядом, и меня аж ведет, когда улавливаю нотки его мужского парфюма. Точно кошка какая-то, мне хочется к нему ближе. И смотреть бесконечно на его крупные жилистые руки, трогать их, обнимать за широкие плечи.

– А этот торт сколько стоит?

– Для тебя нисколько. Я тебя угощаю. Ты пришел ко мне, ты мой гость, – басит Крутой, отпивая кофе, и мальчик начинает уплетать торт за обе щеки. Внутри что-то сжимается. Он голоден. Мы все это видим. Фари пододвигает к Леше и свою тарелку с нетронутым десертом.

Маленький жест, но этого мне достаточно, чтобы понять, что они какие угодно, но не жадные. Никто не скупится, даже для незнакомого ребенка ни Крутой, ни Фари не пожалели еды, угостили его. Фари тоже может быть добрым, хоть и упорно хочет казаться плохим.

“Он хороший для своих”, – мелькает в мыслях. Ко мне просто так относится, потому что что-то подозревает.

– М-м-м, как вкусно! Это самый вкусный торт в моей жизни!

Леша широко улыбается впервые за все это время. Искренний, честный, открытый ребенок.

Невольно сжимаюсь, когда в этот момент Савелий Романович кладет руку мне на талию и нежно меня приобнимает, ничуть не стесняясь присутствующих здесь людей, особенно Фари.

Я же вся просто зеленею от стыда, но даже не думаю дергаться. Мне нравится это внимание Крутого. Нравится чувствовать себя для него особенной, и мне все равно, что об этом думает Фари.

– Видишь, какое дело, Леша. – Крутой опирается руками о стол. – У меня нет сейчас для тебя работы.

– Это потому, что я маленький? Так вы не смотрите на рост! Я все могу. Могу поднять большой мешок с картошкой, коробки, я даже кровать дома поднимал.

– Да я понял, понял. Вакансий нет. Закончились.

На лице Леши тут же отражается грусть. Я вижу, как его глаза наполняются слезами, хоть он упорно старается держаться и не показывать слабость перед взрослыми людьми.

– Что, совсем нет?

– Совсем. Как будут – я скажу тебе, договорились?

– Хорошо, – кивает коротко, облизывает десертную ложку.

Обычный голодный ребенок. Он пришел в это место явно не от хорошей жизни.

– Я живу за третьей школой сразу. Синие ворота, пятый дом. Только не забудьте, ладно?

– Я ничего не забываю. Ешь, не спеши.

Савелий Романович поднимается, я следом подтягиваюсь, Фари уходит к бару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.